

Тони Парсонс Муж и жена

Тони Парсонс Муж и жена

I

Мужчина ее мечтаний

Самая красивая девушка на свете

Мой сын идет ко мне на свадьбу.

Он — мой шафер. Именно так я ему и говорю: «Пэт, ты будешь у меня шафером». Он, по-моему, весьма доволен таким известием. Он никогда еще не был шафером. Впрочем, ему не нужно произносить остроумную речь, куда будут включены подробности моей буйной юности. Он не станет пытаться уединиться с подружкой невесты, и в его обязанности не будет входить даже охрана наших обручальных колец. Все дело в том, что ему всего шесть лет.

Поэтому как шафер на мою свадьбу Пэт назначен, скорее, формально. Правда, когда я говорил ему, кем он будет, я честно имел в виду, что он очень хорошо подходит для этой почетной роли и великолепно справится с ней.

В нем — все самое хорошее, что только есть во мне самом. Он — мой сын, без которого этот особенный день оказался бы неполным.

Через несколько дней после того, как свадебный торт будет съеден, начнется будничная семейная жизнь. Все вокруг постепенно станет входить в свою привычную колею, и какой-нибудь учитель спросит Пэта, что он делал в выходные.

— Я ходил на свадьбу своего папы, — ответит он.

И даже если он не сумеет к этому ничего добавить, я смогу легко догадаться, какую реакцию вызовет его наивный искренний ответ, содержание которого будут, хихикая, бесконечно пересказывать и интерпретировать в учительской. Представляю себе, как они будут посмеиваться или даже иногда понимающе вздыхать. «Знамение времени, — скажут учителя моего сына. — Дети проводят выходные, наблюдая, как сочетается браком кто-то из их родителей. Ну, что за мир? И где все мы очень скоро окажемся, скажите на милость?!»

Я абсолютно уверен в том, что мой отец думал бы точно так же, хотя он наверняка не нашел бы здесь ничего, хоть отдаленно вызывающего смех и пересуды.

Я знаю одно: даже в последние годы своей жизни мой отец уж точно не хотел бы, чтобы его внук провел субботний день, наблюдая, как женится его отец, когда он наконец начал смиряться с тем, что современные мужчины и женщины творят со своей жизнью и с жизнями своих детей.

Ему скорее больше подошло бы, например, просто погонять мяч в нашем парке. Вот чем должны заниматься дети в свои выходные дни.

Но, по-моему, все эти люди ошибаются: и учителя моего сына, и мой отец, и каждый, кто считает, будто первая женитьба должна быть какой-то особенной, а последняя — нет.

...И не возвышу никого другого над тобой...

Что может быть плохого в том, чтобы попробовать поставить одного человека выше другого? Как может быть неправильной еще одна попытка, если при этом ты искренне стремишься все исправить?.. Нет, если, конечно, вы считаете себя Элизабет Тейлор, то тут дело другое. Тогда вам действительно все позволено...

Проходят годы. И вот теперь, смотря на свое отражение в зеркале, я все больше узнаю в нем своего отца и все чаще разделяю его взгляды на этот поганый, окружающий нас современный мир.

Но вот в данном случае, отец, ты, кажется, ошибся. Мы все достойны получить еще один шанс в поисках любви, к которой мы так стремимся. Мы снова предпринимаем попытку, чтобы все закончилось счастливо, пытаюсь превратить свою жизнь в нечто прекрасное, о чем, кстати, поется в одной из твоих любимых песен.

Ты понимаешь, что я имею в виду. В одной из очень старых песен.

Это совсем не пышная свадьба. Даже, можно сказать, наоборот — скромная. Только несколько близких друзей да те родственники, которые остались от наших семей — наши мамы, наши дети, ее сестры, братья моего отца, братья моей матери, — плюс нас двое.

Я и самая красивая девушка на свете. И я все никак не могу на нее наглядеться. Не могу оторвать глаз от этого сказочно красивого лица.

У меня даже дух захватывает, как замечательно она сегодня выглядит, улыбаясь с заднего сиденья нашей черной машины, которая везет в заветную комнатку на Роузбери-авеню, где нам предстоит пожениться.

У меня создается странное ощущение, будто я вижу Сид в первый раз. Интересно, может быть, каждый мужчина испытывает подобное чувство? Даже те женихи, которые выбрали себе невзрачных невест? И каждый ли мужчина считает свою невесту самой красивой девушкой на свете? Вполне возможно.

Я от всего сердца желаю ей только самого хорошего. Я хочу, чтобы сегодняшний день был идеальным, но меня мучает мысль, что он все равно не сможет стать таким.

Рядом с ней не будет стоять ее отец. Так же, как и мой отец уже не сможет принять ее в новую семью.

Наши отцы были настоящими тружениками старой закалки, сильными, нежными и без лишних сантиментов. И вот как раз эти суровые мужчины, принадлежащие к поколению очень стойких и выносливых людей, имели, как это ни удивительно, очень ранимые сердца и легкие.

Наши отцы ушли из жизни гораздо раньше, чем им было положено, но я твердо убежден в том, что сегодня, именно сегодня, нам их будет очень не хватать.

Но есть и еще некоторые тучки на небосклоне этого необыкновенного дня, которые могут его омрачить.

Для нас не прозвонят колокола, не запоет церковный хор. Заботливый священник не соединит нас и не объявит, когда же нам можно будет поцеловаться. И все это потому, что нам не разрешено венчаться ни в одной церкви. Уж слишком много нами пройдено дорог, слишком большая часть жизни осталась позади.

Я думал, что буду сожалеть о том, что наш брак так и останется не освященным, что

это будет большим недостатком во всей торжественной церемонии.

Но вот она берет меня за руку, и все это почему-то теряет для меня значение. В этот момент я вдруг начинаю ощущать святость момента в этой маленькой мирской комнатке. Вокруг нас толпятся женщины в модных шляпках, мужчины в строгих костюмах и дети, разодетые, как сказала бы моя мама, в самые лучшие наряды, которые их родители приберегают для выходных дней.

Все они за нас счастливы, все улыбаются, и белые лилии наполняют воздух нежным ароматом. И нет на свете более святого места, чем это. И если уж кто и был благословлен, так это именно мы.

Маленькая свадьба. Такая, какую хотели мы оба. Чтобы официально узаконить то, что мы знали с самого начала, — что мы вместе строим совместную жизнь.

И чтобы сообщить всему свету — все самое лучшее у нас еще впереди. Что может быть более обнадеживающим, чем это? Что может быть более правильным? Более святым?

Честно говоря, для меня стало большим облегчением избежать традиционной свадьбы. Я даже рад, что не будет столь любимой всеми церковной церемонии и никому не нужного душа из конфетти, под которым проходишь к заросшему мхом старому Церковному кладбищу. Не будет и дискотеки, рассчитанной на все поколения сразу, где изрядно опьяневшие дядюшки станут лихо отплясывать, размахивая руками под какую-нибудь пошловатую песенку вроде «Разбуди меня, детка, когда будешь уходить».

Всего этого мы не увидим. У нас будет простая церемония соединения вместе двух непростых жизней — жизней, которые начались не только что, а которые уже имеют свою историю. И, как вы сами понимаете, выражением самых счастливых периодов этих двух жизненных историй стали дети. Вот они стоят рядом со своими бабушками в первом ряду гостей этой пестрой толпы, которую можно при желании принять и за примерных прихожан.

Очень серьезная маленькая девочка в длинном желтом платье торжественно прижимает к груди букет белых цветов. Она — дитя своей матери, с такими же широко посаженными глазами, темными волосами и очаровательным личиком.

И мальчик немного помладше, в галстук-бабочке, нарядной белоснежной рубашке с оборками и без пиджака. Куда же он подевал его? Когда я последний раз смотрел на него, пиджак был на месте. Но дело даже не в этом. Просто мальчику не хватает серьезности, той уместной формальности, которая сейчас переполняет девочку. В отличие от нее мальчик застенчиво улыбается, переминаясь с ноги на ногу в новеньких туфлях, и со стороны может показаться, что он в первый раз сменил кроссовки на приличную обувь.

Пегги и Пэт. Ее дочь и мой сын. Мой красивый мальчик.

Пэт держит за руку мою мать, а когда регистратор спрашивает о кольцах, я замечаю, что лицо моего сынишки начинает изменяться.

Мягкая детская округлость словно растворяется, уступая место более резким и угловатым чертам. Время идет вперед, проскальзывая мимо меня, когда я не обращаю на него внимания, и мой сын начинает выглядеть скорее по-мужски красивым, чем просто миловидным. Он растет, и это происходит каждый день.

Сид улыбается мне так, как будто мы — последние оставшиеся в живых на Земле любовники. И я теперь думаю, что никаких «но» не осталось. У меня нет ни малейших сомнений в этой женщине. Она — та самая, единственная. *В печали и в радости, с сегодняшнего дня и навсегда.* Она — единственная.

И у меня сразу же поднимается настроение, потому что сегодня я чувствую себя как бы обновленным. Как будто опять наступают самые счастливые времена. И хотя позади нас осталось много всего, в том числе печального и тягостного, впереди нас ожидает столько интересного. Еще многое произойдет в нашей жизни, еще ко многому мы будем стремиться и достигать желаемого. Нас ждет впереди все только новое и неизведанное.

Я уверен в этой женщине. Я хочу провести с ней всю оставшуюся жизнь. *В болезни и здравии. В бедности и богатстве. Отвергая всех остальных.* Мне это подходит. Я хочу, чтобы ее лицо я видел последним, засыпая по ночам, и первым, что я увижу, просыпаясь

утром. Я хочу наблюдать за тем, как с годами это лицо станет изменяться. Я хочу изучить все мельчайшие родинки у нее на теле, запомнить каждую веснушку на ее лице. *Обладать и оберегать, пока смерть не разлучит нас.* Я целиком и полностью «за». Все отлично. Все просто великолепно. Где я должен расписаться?

Осталось лишь одно малюсенькое, крошечное сомнение...

И я умышленно выбрасываю его из головы, попросту отказываясь признавать его существование. Но оно не уходит. Небольшое и такое далекое опасение, притаившееся в тайном уголке моего сердца, но я не могу отрицать, что оно там есть. Его даже не назовешь тучкой на ясном небе идеального дня. Так, скорее отдаленный раскат грома.

Видите ли, я сам знаю, что нахожусь в этой комнате по двум причинам. Разумеется, потому что я люблю ее. Я люблю свою невесту. Люблю свою Сид. Но еще и потому, что — как бы лучше выразиться? — я хочу заново построить свою семью.

Дело даже не только в том, что на этот — второй раз — я хочу стать правильным мужем...

Еще я хочу стать правильным отцом.

Для ее дочери. Для всех детей, которые у нас могут быть. И еще для моего мальчика. Я хочу, чтобы у него, как и у меня, была семья.

Еще одна попытка создания семьи..Я здесь из-за этой необыкновенной женщины. Но еще я здесь из-за своего сына.

Это ничего, нормально? Это простительно — находиться здесь сразу по двум причинам? Из-за двух людей? Это ничего, что история нашей любви является лишь частью всей истории?

Кто-то обращается к нам, и я пытаюсь отогнать от себя этот отзвук отдаленного раската грома. Регистратор спрашивает невесту, обещает ли она любить и беречь своего мужа.

— Да, — отвечает моя жена.

Я делаю очень глубокий вдох.

И вслед за ней тоже отвечаю: «Да».

1

У моего сына новый отец.

Он вообще-то не стал называть этого парня папой. Конечно, нет, мой сын так со мной не поступит. Но я все равно не должен обманывать себя. Этот парень — Ричард, *чертов Ричард* — заменил меня во всех важных делах.

Ричард находится с моим сыном, когда тот завтракает. (Шоколадные кукурузные хлопья, да? Вот видишь, Пэт, я все еще помню твое любимое лакомство.) Ричард находится там, когда мой мальчик тихонько возится со своими игрушками — героями из «Звездных войн» (он старается не шуметь, потому что Ричарду больше нравится Гарри Поттер, и он совсем не разбирается в Звездах Смерти, световых мечах и рыцарях-джедаях).

Ричард находится там и ночью, в постели матери моего сына.

Это тоже приходится учитывать.

***

— Ну, и как ты поживаешь?

Я задаю сыну один и тот же вопрос каждое воскресенье, когда мы устраиваемся за столиком с коробками «Хэппи Мил» в местной закусочной «Бургер Кинг». Со стороны мы смотримся точно так же, как и множество других «воскресных» пап с маленькими мальчиками и девочками. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

— Хорошо, — отвечает он.

Только и всего. Хорошо? Просто хорошо? Смешно и немного грустно, потому что, когда он был маленьким, он ни секунды не молчал, так и засыпал меня вопросами.

«Откуда тебе известно, когда надо просыпаться утром? Куда я отправляюсь, когда засыпаю? Как я расту? Почему небо не падает на Землю? Ты ведь никогда не умрешь,

правда? Конечно же, мы с тобой никогда не умрем, да? А Звезда Смерти больше Луны?»

Так вот, раньше его было совершенно невозможно остановить.

— В школе все в порядке? Ты со всеми в классе дружишь? У тебя все хорошо, дорогой?

Я никогда не спрашиваю его о Ричарде.

— Все нормально, — повторяет он, вытягивая лицо, одним этим словом как бы накидывая невидимую вуаль на свою жизнь. Он хватает гамбургер обеими руками, как маленький бельчонок. Он просто обожает эту дешевую еду. А я наблюдаю, как он ест, и неожиданно для себя замечаю, что на нем одежда, которую я еще не видел. Скорее всего ее приобрели, когда в выходной всей семьей отправились за покупками. И почему я раньше не заметил его новой одежды? У меня столько к нему вопросов, но я не могу заставить себя задать их. — Тебе нравится ваша учительница? Он кивает и при этом набивает себе рот угощением так, что я сразу понимаю, говорить он теперь уже не в состоянии. Все это повторяется каждые выходные в течение двух лет, с тех самых пор, когда он стал жить со своей мамой.

Я расспрашиваю его о школе, о друзьях, о доме. Он отвечает мне с такой же четкостью, с какой военнопленный сообщил бы свои имя и фамилию, звание и личный номер. Но не более того.

В то время он был все тем же милым мальчуганом, каким я его помнил, со светлыми спутанными волосами, который ездил на велосипеде, называвшемся «Колокольчик». Мальчик, который в свои два года был таким очаровашкой, что прохожие заглядывались на него, а когда ему исполнилось три, он уверял нас в том, что на самом деле его зовут Люк Скайуокер. А в четыре года он уже пытался проявить мужество, когда его мать ушла от меня и весь наш мир начал рушиться.

Но он все еще оставался моим Пэтом. Хотя он больше не открывал мне своего сердца, как всегда делал это раньше, не рассказывал о том, что пугает его, а что радует, что ему снится по ночам, а что до сих пор остается непонятным, например, почему небо не падает на Землю.

Когда дети идут в школу, многое меняется. Вернее, меняется буквально все. Вот тогда-то мы их и теряем, и назад они уже не возвращаются. Ноу нас это были не только перемены, связанные со школой.

Между нами образовалась некая дистанция, через которую, несмотря на все мои попытки, я никак не мог «перебросить мостик». Между нами выросли стены, причем это были стены его нового дома. Теперь, кстати, уже и не такого нового. Пройдет еще несколько лет и получится, что он проведет большую часть своей жизни вдали от меня.

***

— Как тебе твой «Хэппи Мил», Пэт? Вкусно? На что хотя бы это похоже?

Он закатывает глаза к потолку:

— Ты что, сам никогда не ел «Хэппи Мил»?

— Вот он, передо мной лежит.

— Ну, тогда вот на это он и похож.

Моему сыну семь лет. Иногда я его раздражаю, и я сам прекрасно понимаю это.

Но все равно мы замечательно проводим время вместе. Когда я перестаю приставать к нему со своими глупыми и неуместными расспросами, мы начинаем веселиться. Точно так же, как это бывало и раньше. С Пэтом приятно общаться. У него легкий, «солнечный» характер, и он всегда готов смеяться. Но теперь, когда наше совместное время ограничено, все уже стало по-другому. В нашей сегодняшней встрече чувствуется оттенок отчаяния, потому что я не могу видеть его грустным или чем-то расстроенным. Малейшая неприятность, — даже временная, мучает меня с такой силой, о которой я и не подозревал, когда мы с ним жили в одном доме.

Эти воскресные дни — мои самые любимые дни недели. Даже сейчас, когда на работе у меня все идет хорошо, ни один день не может сравниться для меня с этими воскресеньями, с

этими прекрасными деньками, которые я провожу со своим мальчиком.

Мы не делаем ничего особенного, все, как бывало раньше: просто веселимся и бесимся, играем в футбол, угощаем себя чем-нибудь вкусеньким. Мы можем погулять в парке или отправиться в кино, зайти в зал игровых автоматов или в свое удовольствие побродить по торговому центру. Одним словом, счастливо проводим отведенные нам часы.

Но все же мы понимаем, что эти дни существенно отличаются от того времени, когда мы жили под одной крышей. Теперь, проводя вместе обычный и в то же время необыкновенно чудесный день, нам приходится прощаться.

Часы никогда не замедляют свой бег.

В нашей жизни был период, когда мы с ним оставались вдвоем, пока его мама была в Японии, пытаясь восстановить все то, от чего она в свое время отказалась ради меня. Именно тогда я и понял, что мы с Пэтом уникальны и неповторимы.

Я стоял у ворот его начальной школы, немного в стороне от группы матерей, ожидающих своих детей, и чувствовал, что нет в этом мире людей, похожих на нас. Но с тех пор это ощущение стерлось. Оказывается, мир наполнен людьми, похожими на нас. Даже в «Макдоналдсе» было множество таких же, как я и Пэт.

По воскресеньям закусочная забита папами «на-один-день», которые ведут никому не нужные, пустые разговоры со своими настороженными детьми самых разных возрастов. Здесь вы видели и очаровательных малышей, и угрюмых подростков с пирсингом. При этом отцы совершенно искренне старались общаться, переводя взгляд со своего ребенка на часы, дабы наверстать упущенное время. Впрочем, это им никогда не удавалось.

Мы избегали смотреть друг другу в глаза, то есть я и другие папы «на-один-день». Правда, между нами существовало некое негласное робкое братство. Особенно когда возникали неприятные сцены — слышались всхлипывания, повышались голоса, неожиданно с фырканьем отодвигался в сторону сладкий пирожок или кто-то вдруг начинал очень громко требовать соединить его с мамой по мобильному телефону — мы, «воскресные папы», понимающе посматривали друг на друга с чувством солидарности.

Когда между мной и Пэтом в очередной раз повисло молчание, я обратил внимание на то, что за соседним столиком как раз такого папашу и мучает его дочурка, девочка лет десяти, с огромными, как блюдца, глазами и с яркой лентой в волосах.

— Я вегетарианка, — сообщает она по-французски, отодвигая от себя нетронутый «Биг Мак».

У ее отца тут же отвисает челюсть:

— Когда это ты превратилась в вегетарианку, Луиза? Еще на прошлой неделе ты ею не была. Помнишь, ты съела огромный хот-дог, перед тем как мы пошли в кино смотреть «Короля Льва»?

— Я не ем телятину, — продолжает эта крошка по-французски. — Я не ем говядину.

— Я тебе не верю, — отвечает обескураженный отец. — Почему же ты не сказала мне, что стала вегетарианкой? И твоя мама мне ничего об этом не говорила.

«Вот ведь не повезло бедняге», — подумал я, и перед моими глазами словно промелькнула вся история его любви.

Возможно, это был служебный роман. Женщина, излучающая само очарование и окутанная ароматом духов от Шанель, работала в парижском филиале его компании. Она скорее всего говорила с неповторимым акцентом, который заставлял таять сердце любого взрослого мужчины. Затем их подхватил вихрь ухаживания с любованием красотах двух великих столиц, с гуляньем под луной и дорогими букетами цветов. Затем последовала внезапная и, возможно, незапланированная беременность, а потом, когда секс наскучил, она купила билет и отправилась к себе на родину.

— У меня аллергия на «ХэппиМил», — выдает в эту минуту девочка по-французски.

Пэт перестал жевать. У него от любопытства даже приоткрылся рот. Совершенно очевидно, что девочка за соседним столом произвела на него сильное впечатление. Впрочем, на него производило впечатление все то, что говорили или делали дети старше его самого.

Но на этот раз он услышал что-то совсем необычное. Видимо, для него было в новинку, что девочка старше его говорила на иностранном языке. И, самое главное, все это происходило не в кино и не по телевизору.

— Это по-японски? — прошептал он мне, наивно полагая, что все иностранные языки сводятся к японскому. Кстати, его мать прекрасно говорит на нем.

— Это французский, — также тихо прошептал я в ответ.

Он улыбнулся девочке с лентой, но та смотрела словно сквозь него.

— А почему она говорит по-французски? — спросил Пэт, неожиданно оживившись. Мне тут же вспомнились былые дни, когда он задавал мне один из своих нелегких вопросов. Я поспешил зацепиться за предложенную мне тему, одновременно испытывая внутреннее чувство благодарности.

— Эта девочка — француженка, — начал я, стараясь говорить тихо. Потом, взглянув на беднягу-отца, быстро добавил: — Наполовину француженка.

У Пэта от изумления округлились глаза.

— Она приехала издалека, ведь Франция от нас очень далеко?

— Ты хотел сказать «Франция», — поправил его я. — Нет, она находится не так уж далеко, как тебе кажется, дорогой.

— Да нет же. Франция очень далеко. Может быть, даже еще дальше, чем я думаю.

— Нет, это не так. Франция, вернее, Париж, всего в трех часах езды от Лондона на поезде.

— На каком поезде?

— На специальном. На очень скором поезде, который курсирует между Лондоном и Парижем. Он называется «Евростар» и едет всего три часа по туннелю, проложенному по дну моря.

— По дну моря? — с сомнением в голосе спросил мой сын.

— Да, верно.

— Нет, не может быть. Берни Купер ездил летом во Францию.

Берни Купер, которого мой сын всегда называл по имени и фамилии, был лучшим другом Пэта. Первым лучшим другом в его жизни. Лучшим другом, которого он запомнит навсегда. Пэт всегда цитировал Берни с такой же страстью, с какой хунвейбины цитировали великого Председателя Мао в разгар Культурной революции.

— Берни Купер ездил к морю во Францию. Ну, ладно, во Францию. Они летели на аэробусе, значит, во Францию нельзя поехать на поезде. Так сказал Берни Купер.

— Должно быть, Берни ездил с семьей на юг Франции. Париж же находится гораздо ближе. Даю тебе слово, дорогой, что от Лондона до Парижа можно доехать за три часа. Как-нибудь мы с тобой отправимся туда. Париж — очень красивый город.

— А когда мы туда поедем?

— Когда ты станешь большим мальчиком. Он серьезно посмотрел на меня:

— А я уже большой мальчик.

И я подумал: «Это верно. Ты уже теперь большой мальчик. Тот малыш, которого я держал на руках, исчез и никогда больше не вернется».

Я взглянул на часы. Было рано. В «Макдоналдсе» еще продавали завтраки.

— Пойдем, — предложил я. — Давай я помогу тебе надеть пальто. Только не забудь свой футбольный мяч и перчатки.

Он посмотрел в окно на залитую дождем улицу Лондона. Сейчас мы находились в северной части города.

— Мы пойдем в парк?

— Мы поедем в Париж.

***

У нас это получится, Я все хорошенько просчитал. Надеюсь, вы не думаете, что я вот так, необдуманно решил сорваться с ним в Париж? Конечно, у нас все выйдет, может, не с такими уж удобствами, но тоже вполне сносно. Три часа до Парижа на поезде «Евростар»,

днем осматриваем достопримечательности города, а потом — р-раз! — и домой, прямо к тому времени, когда пора отправляться спать. Я, разумеется, имею в виду, когда нужно будет ложиться спать Пэту, а не мне.

Никто и не узнает о том, что мы побывали в Париже. То есть его мать не узнает, до тех пор пока мы не вернемся назад, в Лондон. Единственное, что нам требовалось, так это прихватить с собой паспорта.

Удача нам улыбалась. У меня дома не оказалось ни Сид, ни Пегги. А дома у Пэта единственным живым существом была немка Ули, его вечно витающая в облаках няня. Так что мне не пришлось объяснять моей теперешней жене, почему, для того чтобы погонять мяч в парке Примроуз-Хилл, мне понадобилось взять свой паспорт. И не пришлось сочинять для бывшей жены фантастический повод, чтобы мне отдали паспорт Пэта, хотя мы с ним всего-навсего собирались отправиться в ближайший зал игровых автоматов.

Мы быстро добежали до вокзала Ватерлоо, и вскоре Пэт уже сидел в вагоне поезда «Евростар», прижавшись лицом к окну, которое очень скоро запотело от его горячего дыхания.

Он озорно посмотрел на меня:

— Правда, что у нас сейчас начинается приключение? Это ведь настоящее приключение, да?

— Большое приключение.

— Вот это да! — улыбнулся мой сын.

Всего три коротеньких слова, а я уже никогда не забуду их. И как только он их произнес, я понял, что стоило все затевать хотя бы ради этих трех простых слов. Что бы потом ни случилось.

В Париж на один день! Приключение только для нас двоих! Вот это да!

***

Мой сын живет в одной из семей нового типа. Как их теперь принято называть?

Смешанная семья.

Как будто людей можно бесконечно отбирать и перемешивать между собой. Этакая перемолотая, как кофейные зерна, и гладенькая, как чулки без швов, семейка. Но с мужчинами, женщинами и детьми это сделать не так-то просто.

Они живут всего лишь в миле от нас, но в их совместной жизни есть нечто такое, что навсегда останется для меня тайной.

Я могу лишь догадываться об отношениях между Джиной и нашим сыном. Я представляю себе, как она до сих пор моет ему голову, читает на ночь детские книжки, ставит перед ним тарелку с макаронами, крепко обнимает и так крепко сжимает его в своих объятиях, что становится невозможно понять, где она, а где он.

Но я не имею ни малейшего понятия об отношениях между Ричардом и Пэтом. Этим совершенно незнакомым мне мужчиной тридцати с лишним лет и семилетним ребенком, чей голос, лицо и даже кожу я знаю лучше, чем самого себя.

Интересно, целует ли Ричард моего сына, перед сном? Я об этом даже и не спрашиваю. Потому что не знаю, что меня больше обидит: забота, теплота и близость, которые предполагает поцелуй на ночь, или холодное безразличие, если этого нет.

Ричард неплохой парень. Я должен признать это. Да и моя бывшая жена не стала бы выходить замуж за мужчину, в котором проявляются хоть отдаленные качества детоненавистника. Я прекрасно понимал — даже в самые безрадостные моменты своей жизни, — что на свете есть гораздо худшие отчимы, чем Ричард. Правда, теперь это слово почти не употребляют. Слишком уж отрицательные эмоции оно стало вызывать.

Мы с Пэтом привыкли называть Ричарда *партнером*, будто бы он принимает участие в деловом, совместном с матерью моего сына предприятии или, возможно, в карточной игре вроде бриджа. Но что меня действительно сводит с ума в Ричарде — кстати, по той же причине я иногда повышаю голос на свою бывшую жену, когда говорю с ней по телефону (хотя этого я предпочел бы избегать), — так это то, что Ричард, похоже, совсем не понимает

одного очевидного факта. Он не сознает того, что мой сын — единственный на миллион других детей. На десять миллионов, на миллиард, если хотите.

Ричард считает, что Пэту необходимо совершенствовать себя. А моему сыну этого не требуется, он и без того единственный и неповторимый...

Ричард хочет, чтобы мой сын полюбил Гарри Поттера, деревянные игрушки и тофу. А может, я что-то путаю, и это не тофу вовсе, а чечевица? Но моему сыну нравятся «Звездные войны», светящиеся пластмассовые мечи и пицца. Мой сын упрямо пытается отыскать причину бессмысленной агрессии и является приверженцем углеводного питания. Правда, при этом еще очень любит сыр.

Поначалу Ричард вроде бы с удовольствием подыгрывал Пэту во всем. Но это было давно, еще в те дни, когда он только обхаживал Джину с надеждой проникнуть к ней в койку. Еще до того, как он женился на моей бывшей супруге и получил постоянную «прописку» в ее постели, он тоже неплохо играл роль Хана Соло в паре с моим сыном, изображавшим из себя Люка Скайуокера. Тогда он просто обожал играть с моим сыном. Или же, по крайней мере, искусно притворялся в том, что эти забавы ему по душе.

А мой сын совершенно искренне проникнется симпатией даже к Саддаму Хусейну, если тот сможет хотя бы на пять минут прикинуться Ханом Соло.

Теперь же Ричард уже больше не старается понравиться моему сыну или же делает это совсем по-другому. Он больше не хочет стать другом Пэту, скорее он старается превратиться в его родителя, чтобы иметь влияние на сына и изменить его.

Как будто желание совершенствовать кого-то может заменить любовь.

***

Сначала ты даешь супруге всякие обещания, а потом обращаешься к юристам, чтобы доказать, что все эти обещания уже ничего не значат. Джина стала теперь частью моего прошлого. Но с детьми развестись нельзя. И у вас ни за что не получится отречься от тех обещаний, которые вы давали детям.

Вот именно поэтому я и решил показать Пэту Париж.

Я пытался сдерживать свои невысказанные обещания перед сыном. Чтобы до сих пор быть для него значимым и авторитетным человеком. Всегда и во всем. Я старался убедить его, а может, и себя, что ничего очень серьезного не изменилось в наших с ним отношениях. Потому что мне очень не хватает моего мальчика.

Когда его нет со мной, я особенно отчетливо понимаю, насколько люблю его. Люблю так сильно, что испытываю от этого почти ощутимую боль, опасаясь, как бы с ним не случилось чего плохого. Я боюсь, что он забудет меня, если я исчезну из его жизни, и тогда моя любовь и моя тоска по нему ничего не будут значить.

Меня охватывает ужас при мысли о том, что в одно из моих очередных и заранее оговоренных посещений он вдруг с трудом узнает меня. Смешно? Может быть. Но большую часть недели мы проводим врозь. Впрочем, так же, как и выходные, даже если принимать во внимание определенные дни, официально выделенные для наших встреч. У меня нет возможности уложить его спать, почитать ему книжку, вытереть слезы, когда он плачет, рассеять его страхи и опасения, если вдруг что-то начнет его тревожить. Одним словом, просто быть тем, кто приходит к нему домой каждый вечер. Так, как в свое время приходил ко мне мой отец.

Разве можно в наше время быть правильным, заслуживающим уважение отцом своему ребенку, когда тебя при этом никогда не бывает дома?

Уже почти два года, после того как он стал жить со своей матерью, я потихоньку превращаюсь из обычного отца в некую далекую и почти условную фигуру. Я не могу назвать себя настоящим, правильным отцом. В лучшем случае я представляю собой «воскресного» папу. Что-то вроде поддельного папы, вроде Ричарда. Но я совсем не хотел становиться таким. Мне всегда хотелось, чтобы мой сын оставался частью моей жизни.

Моей новой жизни.

***

Мы с Сид женаты чуть больше года.

Это был удивительный год. Самый лучший год моей жизни. Она стала моим близким другом и не перестала быть любовницей. Мы находимся в той поре, когда уже хорошо знаешь друг друга и все еще испытываешь искренний интерес. Когда все становится лучше и лучше и ничто не наскучивает. Мы прееживаем тот счастливый период, когда создание домашнего очага перемежается с сумасшедшими занятиями любовью, а будничные походы в магазин заканчиваются безудержным диким сексом, граничащим со спортом. С этим, пожалуй, ничто не сравнится!

Сид — самый замечательный человек, который когда-либо мне встречался. И к тому же она буквально сводит меня с ума. Только ради нее я не перестаю посещать тренажерный зал, так мне хочется ей нравиться. Все мои приседания и отжимания посвящены ей одной. И я надеюсь, что так будет всегда. Правда, обжегшись один раз, никогда не можешь быть уверенным в том, что ждет тебя впереди, особенно после того, как сумеешь испытать на себе, что означает пройти бесконечные судебные разбирательства, связанные с разводом. Наверное, в этом есть и кое-что положительное. Во всяком случае, после всего пройденного уже не будешь относиться к любимому человеку, как к части домашней обстановки.

С моим сыном все по-другому. Я планирую прожить с Сид до глубоких седин. Хотя ведь никогда не знаешь, что с тобой будет. На своем опыте я убедился, что супруги приходят и уходят, а быть родителем не перестаешь никогда. Как там говорится? *Пока смерть не разлучит нас.*

***

В Париже мы планировали успеть сделать кучу дел.

Пэт хотел подняться на Эйфелеву башню, но очередь была жутко длинной, и мы решили отложить свою экскурсию на следующий раз. Я думал повести его в Лувр, но потом решил, что он слишком для этого мал, а музей, наоборот, очень большой.

Поэтому мы сначала проехали на речном трамвайчике вниз по Сене, а потом перекусили хрустящими бутербродами в маленьком кафе.

— Французский сыр на поджаренном хлебе, — сказал Пэт с набитым ртом, — вот что может быть по-настоящему вкусно!

Потом мы пошли в Люксембургский сад и погоняли под его каштанами пластиковый футбольный мяч, на скамейках сидели молодые пары, а вокруг них разгуливали, приносясь к стволам деревьев, идеально ухоженные собаки. При этом все вокруг нас почему-то курили, как будто вернулись в пятидесятые годы.

Это воскресенье не очень-то отличалось от наших обычных воскресений, если не считать прогулки по реке и роскошных французских бутербродов. Но у нас обоих было ощущение, что это особый день и, наверное, на сердце у нас было необыкновенно легко. Во всяком случае, не так, как обычно в Лондоне... Такой день хочется вложить в бутылку, чтобы сохранить на всю жизнь и чтобы никто не мог у вас его отобрать.

Все шло прекрасно, пока мы не вернулись на Северный вокзал. Сразу же, как только мы вошли в зал отправления поездов, расположенный на первом этаже здания, почувствовали, что что-то не так. Кругом толпились люди. Путешествующие одиночки со своими рюкзаками, бизнесмены, группы туристов с экскурсоводами — все растерянно чего-то ожидали, потому что на путях явно было что-то не в порядке. Только никто не знал, что именно.

Поезда не прибывали и не отправлялись.

Тут-то я и понял, что мы здорово влипли.

***

Я несказанно рад, что мой собственный отец не дожил до всего этого. Он бы умер от разрыва сердца, клянусь Богом!

Хотя в глубине души я знал, что никогда не проводил бесконечное количество часов в обществе отца и мой собственный отец никогда не возил меня в Париж на один день.

Может, я и вырос под одной крышей с моим отцом, но, работая шесть дней в неделю до

позднего вечера, он возвращался домой совершенно измотанный, не в состоянии произнести ни слова и, сидя перед телевизором, молча съедал приготовленный для него ужин, устало наблюдая, как танцуют девушки из ансамбля «Пэнз Пипл».

Из-за того что отец много трудился, чтобы зарабатывать деньги, мы с ним редко бывали вместе. С Пэтом меня разделяли развод с его матерью и невозможность жить с ними в одном доме. Имелась ли в этом значительная разница между моим отцом, мной и Пэтом? Да, имелась.

Даже если принять во внимание тот факт, что отца я видел редко — или я себе это придумал? — я до сих пор помню каждую нашу с ним игру в футбол, каждый совместный поход на стадион, даже все посещения кино. При этом мой отец никогда не опасался, что меня у него отнимут или я начну называть папой кого-то другого.

Он многое повидал в своей жизни — голодное бедное детство, мировую войну, и умер он от рака. Но никогда ему не грозило расставание с сыном.

«Ну, подожди. Придет отец домой», — снова и снова повторяла моя мать. Так я и провел свое детство, ожидая, когда отец придет домой. Может, и Пэт также ждал меня. Но сердцем он понимал, что его папа никогда не придет домой. Больше не придет.

Мой отец всегда считал, что самое ужасное на свете — быть плохим родителем для своего ребенка. Но, оказывается, есть кое-что и похуже.

Быть для своего ребенка чужим.

Конечно же, я хочу, чтобы мой сын был счастлив. Я хочу, чтобы он хорошо относился к своей матери, чтобы он ладил с ее новым мужем, чтобы у него в школе все шло хорошо и чтобы он сознавал, что ему повезло с таким другом, как Берни Купер.

Но еще я хочу, чтобы мой сын любил меня так же, как раньше.

Давайте не будем забывать такую малость.

2

Когда черное такси медленно въехало на улицу, где жил Пэт, мой сын уже давно крепко спал.

Я теперь редко вижу своего сына спящим, поэтому мне на мгновение показалось, что время словно повернуло вспять. Когда он не спал, на его симпатичном лице будто застывало выражение настороженности, отчего сердце у меня сжималось. Мне казалось, что мой ребенок мучительно пытается определить свое место между разведенными родителями. Своим внимательным, сосредоточенным взглядом он нащупывал безопасную территорию на минном поле родительских взаимоотношений, потому что его матери и отцу за время его пока еще короткой жизни почему-то вдруг наскучило жить под одной крышей. Но во сне его лицо смягчалось и на нем вновь появлялось беззащитное выражение. Ничто на свете больше его не тревожило.

В окнах его дома ярко горел свет. Все домашние стояли у дверей, ожидая нашего возвращения.

Лицо моей бывшей жены Джины, то самое лицо, в которое я когда-то влюбился, было искажено от ярости.

Рядом с ней стоял, придерживая ее под руку, Ричард — накачанный и самодовольный второй муж.

Даже няня Ули приняла позу сварливой торговки, угрожающе сложив руки на груди.

И только огромного роста полицейский, оказавшийся тут же, смотрел на меня с некоторым сочувствием. Возможно, он тоже был одним из «воскресных пап».

Пока я расплачивался с шофером, Джина решительным шагом направилась нам навстречу. Распахнув дверь машины, я осторожно взял сына на руки. С каждой неделей он становился чуточку тяжелее. Джина сразу же отобрала его у меня с таким выражением лица, словно мы с ней никогда не встречались.

— Ты клинический придурок?

— Наш поезд...

— Ты совсем ненормальный? Или делаешь это нарочно, чтобы лишний раз обидеть меня?

— Я позвонил сразу же, как только выяснилось, что мы не успеваем прибыть вовремя.

Это было правдой. Я звонил им с Северного вокзала, с мобильного, который одолжил у прохожего. Джина взвилась, узнав, что мы застряли на вокзале в чужой стране. Мне еще повезло, что я не мог долго говорить.

— Париж. Этот чертов Париж! Даже не спросив меня. Даже не подумав!

— Извини, Джина. Я очень виноват.

— «Извини, Джина. Я очень виноват», — передразнила она меня.

Мне следовало бы догадаться, что она сразу начнет меня передразнивать. Если вы были женаты, то должны знать совершенно точно, как строится семейная ссора. Прямо как у боксеров, которые уже встречались на ринге. Как Али и Фрезер. Дюран и Шуга Рэй. Я и Джина. Слишком уж хорошо мы знаем друг друга.

Она пристрастилась это делать — передразнивать меня, — когда наш брак стал потихоньку разваливаться. Она повторяла мои слова, на лету отыскивая в них какой-то тайный смысл, и швыряла их в меня вместе с предметами, которые попадались ей под руку. Никакие извинения, объяснения и оправдания с моей стороны не срабатывали. Лично я всегда считал этот прием ударом ниже пояса.

А вообще-то мы с ней не так уж часто ругались. Не такой у нас был брак. Вплоть до самого конца. Хотя сейчас обо всем этом уже трудно сказать.

— Мы тут чуть с ума не сошли! Ты должен был пойти с ним гулять в парк, а не тащить его непонятно куда через всю Европу.

Через всю Европу? Ну, это она, конечно, загнула. Хотя экстравагантное преувеличение — совсем в духе рассерженной Джины.

Трудно слышать такие слова от женщины, которая, будучи подростком, одна отправилась в Японию и прожила там целый год. А такое путешествие — это вовсе не «вся Европа». Однако оно ей понравилось, и Джина собиралась поехать туда снова.

Если бы не встретила со мной. Если бы не забеременела. Если бы не отказалась от Японии ради своих мальчиков. Ради Пэта и меня.

Когда-то мы были ее мальчиками. Мы оба. Но это все в далеком прошлом.

— Это всего лишь Париж, Джина, — сказал я, заранее зная, что разозлю ее, но не смог удержаться. Мы слишком хорошо знали друг друга и, ругаясь, умели при этом соблюдать приличия. — Это все равно, что через дорогу. Париж фактически находится по соседству.

— Всего лишь Париж? Ему же только семь лет. Ему утром идти в школу. А ты говоришь — всего лишь Париж? Мы обратились в полицию. Я обзвонила все больницы.

— Я же разговаривал с тобой с вокзала, помнишь?

— Уже под конец. Когда у тебя не оставалось выбора. Когда ты понял, что тебе это просто так не пройдет. — Она прижала к себе Пэта. — О чем ты думал, Гарри? Что ты себе вбил в голову? Есть ли у тебя там что-нибудь вообще?

Но как ей понять, что творится у меня в голове, когда она видит сына каждый день, а мне выпадает всего-то один несчастный день в неделю?

Она осторожно понесла Пэта к дому. Я шел за ней по дорожке, стараясь не встречаться взглядом ни с ее мужем, ни с их няней, ни с огромных размеров полицейским. Кстати, что этот полицейский здесь делает? Как будто кто-то сообщил ему о возможном похищении ребенка. Интересно, какой ненормальный возьмется за такую работу?

— Послушай, Джина, я действительно виноват, что так вышло и что ты волновалась.

Я ее не обманывал. Мне было очень неприятно, что ей пришлось обзванивать больницы и обращаться в полицию. При этом она, конечно, вообразила себе, что случилось самое плохое. Могу себе представить, что она пережила!

— Этого больше не повторится. В следующее воскресенье я...

— Я еще подумаю насчет следующего воскресенья. Я застыл на месте:

— Что ты имеешь в виду? Я ведь могу встретиться с ним в следующее воскресенье, да? Она не ответила. Она закончила со мной. Причем закончила полностью.

Джина внесла нашего сына в свой дом в сопровождении нового мужа и платной помощницы. В тот дом, порог которого я не переступлю никогда.

Пэт зевнул, потянулся и почти проснулся. Джина сказала ему, чтобы он опять засыпал, таким мягким и нежным голосом, что у меня все сжалось внутри. Тут между нами возник Ричард, одарив меня взглядом, говорящим: «И как ты посмел?!» После этого он с идиотской полуулыбкой на губах осуждающе покачал головой и захлопнул дверь перед самым моим носом.

Я нажал на дверной звонок. Мне нужно было выяснить насчет следующего воскресенья.

И в ту же секунду я почувствовал, как полицейский положил мне руку на плечо.

***

Когда-то я был мужчиной ее мечты.

Не тем, кто просто приглядывает за ее ребенком по воскресеньям. Именно мужчиной ее мечты, когда давным-давно все ее грезы были только о семье.

Джина стремилась к семейной жизни всей душой, жаждала ее, как зачастую бывает с теми, кто воспитывался в так называемых неполных семьях.

Отец бросил их еще до того, как Джина пошла в школу. Он был музыкантом, очень неплохим гитаристом, который, к сожалению, так и не состоялся.

Неудачи преследовали его и в музыкальном бизнесе, и в разбитых семьях, которые он оставлял после себя. Гленн — для всех он был просто Гленном и ни для кого папой, даже для собственных детей, — отдал рок-н-роллу лучшие годы своей жизни. Причем женщинам и детям, с которыми его сводила судьба, не досталось ничего, кроме разбитых сердец и эпизодических алиментов.

Джина и ее мать, бросившая сравнительно успешную карьеру манекенщицы ради мужа-неудачника, оказались одними из многих. Таких семей было множество — местные красавицы шестидесятых и семидесятых годов и их дети, которые остались без отцов раньше, чем научились кататься на велосипеде.

Своей внешностью Джина пошла в мать с ее совершенными чертами. Впрочем, она на это не обращала никакого внимания и относилась к своей внешности с небрежностью, позволительной только по-настоящему красивым женщинам. Рано оставшись без отца, она стремилась к стабильной семейной жизни, к созданию такой семьи; которую, никто и никогда у нее не смог бы отнять. Джина считала, что крепкую семью она создаст со мной, потому что именно в такой семье воспитывался я сам. Ей казалось, что у меня есть опыт создания традиционной, дружной, состоящей из отца, матери и ребенка семьи, живущей в своем доме на окраине большого города, которая не входит в статистику разводов. До встречи с Джиной я считал, что моя семья на удивление заурядная. Но благодаря Джине мы почувствовали себя какими-то особенными (что, впрочем, было вполне справедливо по отношению к моим маме с папой и, разумеется, ко мне). Это маленькое светловолосое видение вошло в нашу гостиную из сада и сообщило нам, что мы — особенные. *Мы*.

Все наши друзья считали, что нам с Джиной рано жениться. Джина была студенткой, изучающей японский язык и мечтающей уехать жить в Токио, Иокогаму или Осаку. Я являлся начинающим режиссером на радио и мечтал перевестись на телевидение. И наши друзья полагали, что для свадьбы и пеленок время еще не пришло. Мы лет на десять опередили всех со свадебными клятвами, моногамными отношениями и кредитом за дом.

Все они — и студенты-лингвисты, думающие, что перед ними открываются безграничные возможности, и циники постарше с радиостанции, считавшие, что все на свете повидали, — полагали, что впереди у них еще много всего интересного. Много зарубежных поездок и съемных квартир, новых любовников и новых песен, необыкновенных приключений, танцев на пляжах в первых лучах солнца и пилюль, которые необходимо принимать по рекомендации врача. И они были правы. Все это их ждало.

А мы отказались от всего ради друг друга. Потом родился наш сын. И он стал самым лучшим событием в нашей жизни.

Пэт был замечательным ребенком с чудесным характером. Днем он в основном улыбался, а ночью почти всегда спал. Он был таким же красивым, как его мать, и любить его оказалось удивительно легко. Но наша жизнь — жизнь уже женатых родителей, которым не так давно исполнилось по двадцать, — была далека от совершенства. Очень далека.

Джине пришлось отказаться не только от своей работы. Она отказалась от жизни в Японии ради своих мальчиков. И временами, наверное, когда с деньгами было напряженно, когда я приходил домой настолько уставшим, что не мог даже обменяться с ней парой фраз, когда у Пэта резались первые зубки, она задумывалась над тем, чем ради нас пожертвовала. Тем не менее мы оба ни о чем не жалели. Многие годы все было хорошо. Наверное, мы просто ждали своего шанса. Мы оба.

Мы ждали возможности заменить другой такую же семью, в которой я вырос и которую моя жена никогда не имела.

Потом как-то раз я переспал с коллегой по работе — одной из тех бледных ирландских красоток, которые кажутся более сообразительными и нежными, чем большинство женщин, с которыми мне приходилось общаться.

С моей стороны это явилось просто безумием. Самым настоящим безумием. Потому что, когда Джина узнала об этом, нам всем пришлось начинать новую жизнь.

***

Деньги я посылал каждый месяц. Ни разу не задержал.

Я сам хотел посылать их, потому что желал участвовать в воспитании нашего сына любыми доступными мне способами. Так было правильно. Но иногда я задумывался: а на что тратятся эти деньги? Все ли идет на Пэта? Точно? Каждый пенс до последнего? Откуда я знаю, может, они как раз идут в карман того парня, за которого моя бывшая жена вышла замуж? В карман этого чертова Ричарда?

Я не был уверен. Да и не мог этого знать.

Но я принимал и это. Мне казалось, что выплата денег предполагает одновременно и некоторые права человека. Например, право звонить своему сыну в любое время и говорить с ним. Без всяких проблем. Как нормальный отец. Как же мне не хватало этой *нормальности*. Всего несколько нормальных дней — с утра до вечера. Мне очень хотелось получить такой приятный подарок!

Но каждый раз, берясь за телефонную трубку, я боялся набрать номер. А вдруг мне ответит Ричард (я почему-то звал его по имени, как будто мы были приятелями)? Что тогда? Просто поболтать с ним о погоде? Но это как-то не подходило к нашей ситуации. У меня не получалось найти нужных слов, и я клал трубку. И не звонил. Я придерживался распорядка, заранее обговоренного с Джиной. Так получалось, что я и мой сын жили будто на разных планетах.

Но все равно, мне казалось, что ежемесячные денежные переводы имеют какое-то значение. При этом моя теперешняя жена, то есть моя вторая жена, то есть... короче, *моя жена* считает, что я слишком разбрасываюсь деньгами, потому что мы планируем перебраться в дом побольше и в другой, более престижный район. Но я ведь не этаким законченный негодяй, которому все безразлично, который завел себе новую семью и потому стремится вычеркнуть прошлое из своей жизни. Нет, я не был таким подонком. Я совершенно не походил на отца Джины. Но что же я мог поделать? Я всего лишь его отец.

***

Моя жена понимает меня.

Моя жена. Именно так я и думаю о ней. «Вторая жена» звучит ужасно. Почти как второй дом — место, куда едешь отдохнуть на выходные или летние школьные каникулы. Или что-то вроде второй машины — старой проржавевшей модели «Фольксваген-жук».

«Вторая жена» звучало почти как что-то подержанное, что-то «не первой свежести». А Сид явно не заслуживала подобных сравнений. Все второсортное не сочеталось с ней, не

подходило к ней ни с какой стороны. Как, впрочем, и «новая» жена. Уж слишком смахивало на выражение «жена на много лет моложе», а еще вызывало в памяти тех юных секретарш, с которыми сбегают развратные старикашки.

Нет. Именно — моя жена. Только так и никак иначе.

Как танцовщица Сид Шариз. Та девушка, которая молча танцевала с Джином Келли в известном мюзикле «Поющие под дождем». Ей просто не было необходимости произносить слова. Ее ноги и лицо! Будто само воплощение пламенной страсти. Джин Келли смотрел на Сид Шариз, и все было понятно без слов. Мне знакомо такое чувство.

Сид меня понимала. Она бы даже все поняла про то воскресенье в Париже.

Сид была моей женой. И этим все сказано. И эта жизнь, к которой я возвращался сейчас, являлась для меня не сравнимой ни с чем. Это был мой брак.

***

Прежде чем отправиться в нашу спальню, я заглянул к Пегги.

Она уже крепко спала, сбросив одеяло и крепко прижимая к теплой пижамке «с начесом» маленькую пластмассовую куклу. Пегги была бледненькой симпатичной девочкой, всегда выглядевшей очень серьезной, даже когда она крепко спала и, как бы сказала моя мама, видела десятый сон.

Кукла, которую она сжимала в кулачке, имела необычный вид — она была шоколадного цвета с длинными, почему-то светлыми волосами и ярко-голубыми глазами. Кукла Люси. Как говорилось в рекламе, обыгрывающей название комедийного сериала: «Я люблю куклу Люси». Сделано в Японии, но предназначено для мирового рынка. Я уже стал настоящим специалистом по таким штучкам.

В кукле Люси не имелось ничего американского, ничего даже отдаленно напоминающего Барби. Она была похожа на блондинку из группы «Дестиниз Чайлд», из нового поколения певиц вроде Анастасии или Алисии Киз. Их много появилось сейчас, затрудняюсь их даже перечислить. Трудно сказать, к какой национальности они относятся. Одним словом, все они выглядят так неопределенно, что их можно отнести к любой народности мира. Как и куклу Люси. У нее можно сгибать ноги и руки. И Пегги души в ней не чаяла. Я накрыл теплым пуховым одеялом их обеих.

Пегги была дочерью Сид от предыдущего брака с никудышным красивым мужчиной по имени Джим. Единственным стоящим делом, на которое этот неудачник оказался способен, стало его участие в создании крошки Пегги. Джиму было свойственно пристрастие к восточным девушкам. Кроме того, он обожал большие мотоциклы, которые почему-то все время разбивал. Иногда он заходил к нам домой, чтобы повидаться с дочерью, хотя у него и не было жесткого расписания посещений, такого, как у меня с Пэтом. Отец Пегги приходил, когда ему взбредет в голову пообщаться с дочкой. И дочь была от него без ума. Вот ведь мерзавец!

С Пегги я познакомился раньше, чем с Сид. В то время маленькая Пегги приглядывала за моим сыном, когда он еще был напуган нашим разводом с Джиной и очень его переживал. Пегги заботилась о Пэте, когда он впервые пошел в школу, и проводила с ним так много времени, что зачастую они казались братом и сестрой. Теперь, когда жизнь разлучила их, они стали постепенно отдаляться друг от друга. Тем более что у Пэта появился лучший друг Берни Купер, а у Пегги — подруга, которая, кстати, тоже обожает куклу Люси. Но для меня Пегги значила больше, чем падчерица. У меня такое чувство, словно я наблюдал за тем, как она взрослела.

Оставив Пегги в обнимку с куклой Люси, я тихо прошел в нашу спальню. Сид спала на своей половине кровати, как и полагается замужней женщине.

Когда я начал раздеваться, она зашевелилась, наполовину проснувшись, и в полусне выслушала мой рассказ о Пэте, Париже и опоздавшем поезде. Сид взяла мои руки в свои ладони и ободряюще сжала их. Она моментально все поняла:

— Бедняжки вы мои. Поверь мне, у тебя и у Пэта все будет хорошо. Я обещаю. Джина успокоится. Она поймет, что ты не хотел сделать ему ничего плохого. А какая там погода, в

Париже?

— Вроде бы облачно. А еще Джина сказала, что подумает насчет следующего воскресенья.

— Дай ей несколько дней. У нее есть все основания, чтобы злиться. А у тебя есть право съездить со своим собственным сыном в Париж. Забирайся в кровать. Ну, живей.

Я проскользнул под одеяло, охваченный чувством необыкновенной благодарности. То, что Джине показалось бездумным и безответственным поступком, Сид посчитала отличной идеей, которая не очень удачно реализовалась по не зависящим от меня причинам. Поступок, продиктованный любовью, с опозданием поезда. Конечно, она судила не слишком объективно, но я вознес благодарственную молитву за то, что женился именно на этой женщине.

Я понимал, что не обручальное кольцо делает ее моей женой, и не свидетельство о браке, которое нам выдали в той священной комнате, и даже не клятвы верности, которые мы оба дали друг другу. Моей женой ее делало то, что она всегда была на моей стороне, что она всегда поддерживала меня своей любовью и заботой, и так будет всегда.

Я все говорил и говорил в темноте, ощущая рядом тепло тела моей жены, и пытался убедить себя, что все еще можно поправить.

«С утра обязательно позвоню Джине», — мысленно приказал я себе. Нужно выяснить насчет следующего воскресенья и договориться о времени, когда мне забрать Пэта. Разумеется, я извинюсь, что заставил ее волноваться. Я ведь совсем не ожидал, что все так получится. Мы с ним отправились в Париж только потому, что я не хотел, чтобы у Пэта все было так же, как и у многих других детей с «воскресными папами». Ну, как у той девочки, наполовину француженки, которая неожиданно для отца оказалась вегетарианкой, и еще у несчетного количества подобных ей детей. Я хочу, чтобы Пэт знал: у него есть настоящий, полноценный отец, вместе с которым у него будут и приключения, и всякие другие интересные вещи, такие же, какие, например, были в свое время у меня и моего отца.

Моя жена поцеловала меня для поддержания духа и еще, конечно, чтобы я замолчал. Потом она поцеловала меня еще раз и еще.

Вскоре характер поцелуев изменился, они уже не имели ничего общего с ее желанием утешить меня. С таких поцелуев, собственно, все и начинается. Тут я должен заметить, что женитьба совсем не повлияла на качество наших поцелуев.

Она ждала меня, разметав по подушке черные волосы. Ее лицо освещал только электрический отсвет уличного фонаря, проникающий сквозь щели в жалюзи на окнах. Я все еще без ума от этой женщины. От моей жены.

Я наклонился над ней, но не стал перед этим запускать руку в маленькую деревянную коробочку, лежащую в ящике тумбочки, в которой мы хранили средства предохранения.

Тут я услышал в темноте ее вздох:

— Не заставляй меня каждый раз напоминать тебе об этом, Гарри. Пожалуйста, дорогой. У тебя уже есть ребенок. Разве мы не договорились?

В последнее время я встречал много статей о страстном желании иметь детей, которое даже имеет название «голод по ребенку». Об этом регулярно пишут в рубрике «Вы и все ваши» местной воскресной газеты. Оказывается, столько женщин мечтают родить! Прямо какая-то эпидемия, что ли. Но моей жены «голод по ребенку» почему-то не коснулся. Видимо, она уже «накушалась» досыта.

Конечно же, мы обсуждали возможность завести собственного ребенка. Я хотел его прямо сейчас, потому что ребенок объединил бы нас в полноценную семью. А Сид хотела ребенка когда-нибудь в будущем, потому что до этого ей следовало сделать еще много всяких дел, связанных с работой и карьерой. У нас обоих имелось свое представление о счастливой жизни, но, как бы я ни восхищался чудесной попкой моей жены, я не могу тешить себя наивным предположением, будто это представление у нас с ней совпадает.

Поэтому я все же протянул руку к коробочке с презервативами, думая о том, что она имела в виду, говоря о моем ребенке. Она говорила о Пэте? Или о Пегги? Или под «моим

ребенком» она подразумевала каждого из них, но только в то время, когда я нахожусь с кем-то из них рядом?

В этом и заключается проблема таких ребят, как я. Нас легко запутать. Все кусочки, из которых состоит наша жизнь, почему-то не складываются в общую картину. Иногда даже не скажешь, кто именно составляет твою собственную семью:

Но потом я заснул на том же боку, что и моя жена. Мы лежали, тесно прижавшись друг к другу, моя правая рука обнимала ее за талию.

И все эти чудесные долгие часы до самого утра, пока мы лежали рядышком, как две ложки в буфетном ящичке, вложенные одна в другую, и видели сны, Сид оставалась для меня единственной и неповторимой. И в этом я не находил ничего запутанного.

3

— Не расколов яйца, не сделаешь яичницу, — напомнил мне Марти Манн старинное изречение и тут же поправил себя: — То есть толку не будет, если ты станешь все время прятать свой член в штанах. Вот в чем твоя проблема, Гарри. Ты — прирожденный романтик. В конце концов тебе обязательно разобьют твое глупое сердце. Судьба оттрахает тебя в задницу. Другого выхода и не жди:

Мы сидели в его прекрасно оборудованном офисе в «Мэд Манн Продакшинз» и говорили о работе. Только о работе. Но Марти один из тех энергичных и предприимчивых бизнесменов-самородков, которые, говоря о работе, умеют преподать ее так, словно речь идет об омерзительном сексе в тюремной камере.

Марти постоянно грозил мужской половине редакторов сделать их «своими сучками». Он не просто радовался успеху телепрограмм, которые выпускал, у него при этом обязательно «вставал». Его никогда никто не подводил в бизнесе, его только лишь «трахали во все дырки». Он работал не просто много, а «затраховался, как гремучая змея во время брачного периода».

Мне очень интересно, каков он в семье. Особенно в субботний вечер, после пары пропущенных рюмочек. Могу представить, как он обращается к жене с вопросом, не сообразовал ли она участвовать в производительном совместном акте.

Я знаю Марти уже много лет. Его жена, Шивон, которая вышла за него года два тому назад, считалась кем-то вроде моей девушки (правда, на протяжении всего лишь двух часов). Это случилось как раз перед тем, как распался мой первый брак.

Мы с Марти начинали работать вместе на радио в поздних ночных программах и трудились как чокнутые. Я выпускал программу, а Марти делал так, что одинокие, опечаленные своими проблемами зануды получались в программе жутко веселыми.

Потом мы вместе перешли работать на телевидение, и я посчитал, что буду кормиться от нашего с ним сотрудничества всю оставшуюся жизнь. Так оно и было вплоть до того обеда, во время которого он меня уволил.

В конце концов нам удалось помириться, потому что я выступил с новой программой, отыскав молоденькую современную, ведущую для ток-шоу, а у Марти вообще ничего не получалось. Мы обнаружили, что снова можем возобновить нашу дружбу, когда он пристроился вести унизительную для него дневную программу с нулевым рейтингом, при этом еще рекламируя жуткую бижутерию, от соприкосновения с которой зеленеет кожа.

Теперь мы находились по одну сторону камеры. Компания «Мэд Манн Продакшинз» больше не занималась выпуском шоу с крашеным блондином, который своими шокирующими остротами вызывал столько противоречивых толков в девятидесятых годах. Теперь Марти сам делал программы. Он постоянно меня упрекал за то, что я выпустил только одну — «Фиш по пятницам». Может, даже вы ее видели. Это программа с Эймоном Фишем, молодым ирландским комиком. Эймон известен тем, что волочит за девушками, ведущими раздел прогнозов погоды. Говорят, что он знает о теплых фронтах больше, чем любой другой мужчина в стране. Марти никогда не доверил бы вести передачу простому

комику, который пытается выдать себя за ведущего ток-шоу. У Марти был полный мешок программ.

— «Шесть пьяных студентов в одной коартуре», — произнес он, нажимая кнопку на пульте.

Одна из стен его офиса представляла собой несколько рядов телеэкранов, и на каждом из них появлялось изображение его проекта. Красивые молодые юноши и девушки в минимуме одежды общались друг с другом на повышенных тонах в снимаемой ими квартире. — Тут есть все: секс, молодость, драма, дешевая квартира, проколотые соски и пупки. «Шесть пьяных студентов в одной квартире», Гарри. Рекламодатели рыдают от восторга!

Он нажал на другую кнопку. На экранах появилось черно-белое изображение двух молодых людей в странном ракурсе, которые дрались с владельцем небольшого ночного магазинчика.

— Вот это отличные кадры, — хихикнул Марти, когда мужчина за стойкой вытащил бейсбольную битку и начал яростно ею размахивать, а один из парней вынул пистолет. — «Вас ограбили!» — объявил Марти название этой программы. — Здорово! Иногда даже получается трагично, это же реально заснятое ограбление. Ну, э-э, так сказать, дикое обличье нашего жестокого общества.

Он нажал другую кнопку. Появилось изображение пылающих в огне вьетнамских деревень, сменившееся показом хиппи, совокупляющихся прямо на концертах фестиваля в Вудстоке, потом — группы студентов, активно выступающих против солдат национальной гвардии. Все эти кадры шли под меланхоличную песню «Закат над Ватерлоо» в исполнении группы «Кинкс». Этот проект носил название «Твои вчерашние годы». Замечательное пугающее прошлое. Вот период бума деторождения. Молодые женщины и их дети. Покажем этим избалованным отпрыскам, какую прелесть они упустили.

Наши с Марти продюсерские компании были на редкость разными. Я работал в небольшой комнатке в Сохо вместе с парой, временных помощников. У Марти же был огромный офис, набитый сотрудниками. Я показывал программу с Эймоном Фишем в ночное время, а Марти выпускал своих «Пьяных студентов» в лучшее эфирное время.

— Нельзя делать только одно шоу, — настаивал Марти. — Не стоит хранить все яйца в одной корзине. К тому же Эймон не может быть вечно популярным.

— Но мне нравится работать с одной передачей. Это означает, что я могу полностью сконцентрироваться на Эймоне. Получить от него все по максимуму.

— А вдруг у вас что-то не заладится? Что тогда? Ты ведь знаешь, на что похожи телевизионные программы, да?

— На женщин? — догадался я. Он хлопнул ладонью по столу:

— Вот именно. Телепрограммы очень напоминают мне женщин. Необходимо положить особую начинку в каждый из пирожков. Нужно разнообразие, пижон. Разбрасывай свое семя, куда только можно.

Дома у Марти имелась жена, ожидавшая второго ребенка. Шивон, которая раньше разрабатывала чудесные проекты и придумывала умопомрачительные телепрограммы, успела переквалифицироваться в домохозяйку. Это была смышленная, красивая рыжеволосая ирландка, которая иногда появлялась на презентациях и церемониях награждения, но я не имел никакого представления, была она счастлива или нет. Но только я не мог не заметить, что в «Мэд Манн» работает куда больше симпатичных девушек, чем можно ожидать от такой небольшой компании.

Я прислушивался к советам Марти. Он знал, о чем говорит. И делал я это потому, что работа становилась для меня важнее день ото дня. Не только потому, что теперь я был сам себе работодателем и количество получаемых мной счетов росло с каждым годом. Настоящей причиной было то, что я умел делать это очень хорошо. Лучше всего на свете.

Я работаю с редакторами и режиссерами, которые в большинстве своем очень талантливые люди. Я умею разговаривать с этими людьми, умею сделать так, чтобы они

справлялись со своей задачей. Капризные гримерши, уверенные в себе администраторы, пьяные в стельку осветители... Я все это уже испытал. Гости программы, пришедшие навеселе, участники передачи, пугающиеся сцены и буквально замирающие от страха, когда зажигается красная лампочка над объективом камеры. Ничего в этом не было нового. Это мой мир, в котором я проводил все свое время, потому что нигде больше я не чувствовал себя так комфортно.

Даже если у вас только одно шоу, работать нужно каждый день, причем допоздна. Приходишь рано утром, а уходишь ближе к ночи. Совещания по обсуждению нового сюжета, бесконечные репетиции, слишком много кофе и катастрофически мало дневного света. Иногда я забывал причину, по которой так много работаю. Но потом все равно вспоминал.

Я много работаю, конечно, ради Пэта. И ради Сид с Пегги тоже. А теперь, когда моего отца больше нет, и ради мамы. И, что бы ни говорила моя жена, я не могу заставить себя не чувствовать, что я работаю и ради нашего ребенка, того, что еще не родился. .

Молодая женщина без стука вошла в офис Марти. Это была одна из нескольких стройных рыжеволосых девушек, работавших в «Мэд Манн», которые выглядели точно так же, как и Шивон в то время, когда была еще не замужем. Девушка наклонилась над огромным рабочим столом Марти, что-то ища в одном из ящиков.

— Что такое, милая, — улыбнулся Марти. — Потеряла свой степлер?

— Мне нужен пробный вариант «Шести пьяных студентов» для твоих венгров.

Марти вытащил потрепанную видеокассету и протянул ей.

— Мы весьма удачно распродаем нашу концепцию, — сообщил он мне. — Собираются делать «Шесть пьяных китайских студентов в одной квартире», «Шесть пьяных польских студентов». Вот увидишь, по всему миру у всех «встанет».

Мы оба посмотрели вслед удалившейся рыжей девушке.

— Мы тут собираемся пойти в кабачок «Веселый прокаженный» пропустить пару стаканчиков. Не хочешь присоединиться к нам, Гарри? У нее есть подруга, — предложил Марти.

— Мне нужно бежать домой. У нас будут гости.

— Звучит заманчиво.

— Ну, как тебе сказать. Это вечеринка для семилетних девочек.

— Тогда в другой раз. — Марти проводил меня до дверей офиса. — Не забудь, что я тебе говорил: не стоит хранить все яйца в одной корзине.

— Ладно, не забуду. Он обнял меня:

— Знаешь, в чем твоя проблема, Гарри?

— В чем же?

— Ты веришь в настоящую любовь, — печально улыбнулся мой старый друг. — А это всегда заканчивается слезами.

***

Это мгновение должно было стать счастливым. Мы вчетвером ели торт. Мы с Сид, Пегги и Пэт. Наша новая семья наслаждалась десертом. Но когда Пэт покончил с заглатыванием последнего куска—в его возрасте веселишься по любому поводу, — он вдруг довольно громко отрыгнул.

— Ха! — произнес он со смущенной улыбкой. — Вот смешно!

Пегги изящно промокнула губы салфеткой:

— Нет, Пэт. Это совершенно не смешно. Это просто отвратительно. Правда, мамочка?

Сид улыбнулась им обоим.

— Это, конечно, не очень красиво, но я уверена, что Пэт так больше не будет.

— Лично я не считаю это смешным, — повторила Пегги, которая в своем возрасте уже могла говорить с убежденностью королевского отпрыска.

— А я уверена, что такой большой мальчик, как Пэт, когда хорошенько подумает, тоже не будет больше считать это смешным.

Мой сын был в отчаянии.

Я знал, что у него просто так случайно вышло с отрывкой, а всеобщее внимание он привлек к этому лишь потому, что был уверен, что все только посмеются и развеселятся. И в первый, но не в последний раз я разрывался пополам, не зная, как поступить: встать ли мне на сторону моего сына или поддержать жену.

По правде говоря, я тоже вовсе не хотел, чтобы он рыгал или пукал в моем присутствии — он мог бы приберечь эти фокусы для компании своих школьных приятелей, которые, несомненно, сопровождали бы каждую такую выходку бурными овациями и смехом до слез. Но когда я увидел, как от унижения у него загорелись щеки, а глаза наполнились слезами, меня разобрало.

Он не заслужил, чтобы его стыдили. Из-за какой-то случайной отрывки.

— Он всего лишь ребенок, — обратился я к Сид. — Что ты от него ждешь? Церемоний в духе Оскара Уайльда? Дай ему спокойно доесть торт.

Сид и Пегги в удивлении уставились на меня. Моя жена ничего не сказала, только широко раскрыла свои красивые глаза. А ее дочь презрительно фыркнула:

— Ну, надо же, *кто-то* сегодня встал не с той ноги. Мамочка, можно мне еще кусочек торта?

Сид потянулась к тарту, в середине которого стояли две фигурки — жениха и невесты, потому что все происходило во время свадебного банкета. Мы были женаты всего лишь около двух часов. В тот момент я еще не понял, что медовый месяц закончился.

***

Когда моя жена была еще моей подругой, она чудесно относилась к Пэту.

Сид беседовала с ним о школе, спрашивала его мнения как знатока: чем, к примеру, отличается «Призрачная угроза» от первых трех фильмов «Звездных войн». Интересовалась, хочет ли он добавки мороженого.

Он смущенно улыбался этой высокой женщине с техасским акцентом, и я знал, что он разделяет мои чувства по отношению к ней. Он был от нее без ума.

Сид вела себя с ним так, как будто знала его всю жизнь, хотя познакомилась с этим маленьким мальчиком только незадолго до того, как он в первый раз пошел в школу. Она не старалась стать ему мамой, потому что у него уже была мать. И она не пыталась заменить ему лучшего друга, потому что он вскоре встретился с Берни Купером. Она не навязывала свое общество Пэту и именно поэтому преуспела в этом. Все получилось вполне естественно. Между ними установилась искренняя симпатия и теплые отношения. Даже больше, чем я рассчитывал и надеялся.

Сид так же легко общалась с Пэтом, как и с собственной дочерью — заботливо, ласково, но не боясь проявить некоторую строгость, если он не слушался. Хотя не слушался он редко. Когда Сид познакомилась с ним, Пэт был веселым четырехлетним мальчиком со спокойным характером, и причиной незначительных трений являлась скорее слишком большая увлеченность игрой в «Звездные войны». Например, прыжки по дивану в грязных кроссовках с размахиванием пластмассовым световым мечом. К этому сводились его самые серьезные проступки.

И когда эта подруга, которой суждено было стать моей женой, говорила с моим сыном, я различал в ее голосе нежность, теплоту, заботу. Все это она изливала на моего сына, чем вызывала у меня почти что головокружение от счастья и благодарности.

Но после нашей свадьбы мне стало этого не хватать. Я понимал, что это слишком, но такая необходимость возникала где-то в самом сокровенном уголке моего сердца, и я не мог не прислушиваться к ней.

С того самого мгновения, когда нас объявили мужем и женой, мне стало необходимо, чтобы она любила Пэта.

***

Дома гремела музыка, и толпа нарядно одетых маленьких особ ростом приблизительно в три фута буйно отплясывала.

Сегодня Пегги исполнилось восемь лет.

Все стены в ее комнате обклеены афишами самых известных эстрадных групп, состоящих из бритых наголо парней. Эти изображения наклеены поверх старых плакатов с «Покахонтас», а среди ее игрушек было много всяких штучек, относящихся к пластмассовой кукле Брюси, который являлся официальным и постоянным другом куклы Люси.

Теперь, когда к Пегги приглашались гости, их строго отбирали в зависимости от половой принадлежности. Тут царил жесткий апартеид. Еще пару лет назад Пэт был бы среди гостей, но только не теперь.

Я пробирался через гостиную между танцующими маленькими девочками, которые старались подражать движениям Кайли Миноуг в последних ее клипах. Под мышкой я держал подарок от Хэмлиз. Глаза Пегги театрально округлились, когда я вручил ей коробку.

— С днем рождения, дорогая.

Она разорвала оберточную бумагу и вскрикнула от радости.

— «Кукла Люси — балерина, — прочитала она, жадно проглатывая слова, написанные на розовой картонной коробке. — Тебе она понравится. Восторгайся ее изяществом! Не следует давать детям до трех лет. Осторожно с мелкими деталями, можно подавиться! Авторские права охраняются законом!» — Пегги обхватила меня руками за шею: — Спасибо тебе, Гарри! — Она протянула мне куклу. — Потанцуй с ней. Потанцуй с куклой Люси под песню Кайли!

И мне пришлось немного покружиться с куклой Люси — балериной. Не очень-то много движений можно было совершить с ее руками: они либо вытягивались вдоль тела, либо поднимались в форме, чем-то напоминающей фашистское приветствие. Зато ноги сгибались на удивление легко, ее бедра были гибкими, как у порнозвезды.

Пегги выхватила у меня куклу, чтобы показать одной из подружек.

— Посмотри, Агнес, — сказала она. — Кукла Люси — балерина. Осторожно с мелкими деталями, можно подавиться. Фантастика!

Сид была на кухне с другими мамами. Не знаю, что случилось с папами. Наверное, они находились где-то в другом месте. Моя жена покрывала полиэтиленовой пленкой поднос с закусками. У нее был свой кулинарный бизнес, поэтому в нашем доме всегда имелась еда, предназначенная для каких-нибудь клиентов. Сид подошла ко мне и поцеловала в губы.

— Тебе удалось купить куклу «Брюси — диск-жокей на Ибике»?

— Этот вариант, к сожалению, уже весь распродан. До следующей недели поступлений не будет. Так что пришлось вместо этого купить балерину Люси.

— Никогда у них не бывает достаточного ассортимента Брюси, — сказала одна из мамаш. — Меня это так бесит.

— Может, нам не следует так уж поощрять увлечение куклами Люси? — произнес я.

Все мамы уставились на меня в немом изумлении. Многие из них были гораздо старше Сид. Моя жена стала мамой, когда ей исполнилось двадцать пять, так же, как и мне. Большинство же из присутствующих дотянули с этим до тех пор, пока их биологические часы чуть ли не пробили полночь.

— Ради всего святого, почему же нет?! — воскликнула одна из них таким тоном, который однажды поверг в благоговейный трепет целую толпу начальников — мужчин средних лет.

— Видите ли, — начал я, чувствуя себя неуютно под их осуждающими взглядами, — разве вся эта концепция кукол Люси — Брюси не порождает нездоровые сексуальные стереотипы?

— Я считаю, что кукла Люси — великолепный образец ролевой игры, — заявила одна из мамаш.

— Я тоже так думаю, — присоединилась к ней другая. — Эта кукла олицетворяет стабильность отношений с куклой Брюси.

— Эта кукла работает, веселится, путешествует. У нее много друзей, — сказала еще одна мамаша.

— Она и музыкант, и танцовщица, и принцесса.

— Она живет полнокровной жизнью, — сказала моя жена. — Хотелось бы мне быть на месте куклы Люси.

— Но погодите-ка, разве она не одевается, как девица легкого поведения? Только чтобы привлечь мужчин? Прямо, как проститутка?

Затишье перед бурей.

— Как проститутка?

— Кукла Люси?

— Она просто очень женственная! — в один голос заявили они.

Я поскорее принес свои извинения и удалился к себе в кабинет, который находился на самом верху.

Эти мамы поражают меня. Все они умные, с хорошим образованием. Эти женщины, выросшие на книгах Жермен Гриа и Наоми Вулф, сделавшие серьезные карьеры во влиятельных кругах и зарабатывающие приличные деньги, зачастую воспитывают своих детей в одиночку.

А их дочери играют в своих кукольных игрушечных домиках во взрослых женщин, которые совершенно не похожи на мам. Они понарошку готовят, убирают и украшают кукольный дом в ожидании, когда кукла Брюси соблаговолит прийти домой.

Пегги и ее подруги, как все дети, рожденные в деояностях годах, были уверенными в себе, самостоятельными девчушками, которые проводили, казалось, все свободное ото сна время, имитируя старомодные женские добродетели. Они обожали моду и с удовольствием наряжались, они знали все о современных певцах и топ-моделях, их увлечение обувью отодвинуло бы на задний план Имелду Маркос. Они способны часами прихорашиваться и крутиться перед зеркалом, накладывая макияж. В свои семь или восемь лет они уже помешаны на косметике и упорно втирают в чистую свежую кожу своих маленьких личиков дешевые кремы и лосьоны. Они мечтают обо всем том, от чего в свое время убежали их матери. Они хотят стать домохозяйками в духе пятидесятых годов. Может, поэтому их мамы иногда готовы сорваться.

Моя жена всегда держит себя в руках. Она прекрасная мать, но у нее есть еще и бизнес, который только-только налаживается. Она умеет и зарабатывать, и вести хозяйство, причем делает все это очень естественно, как будто так и должно быть.

Я очень горжусь ею.

Когда я отважился спуститься вниз, мамы и их дети уже ушли, а Пегги и Сид убирали с ковра цветные ленты и плакаты с поздравлениями.

— Бедный Гарри, — сказала, смеясь, моя жена, — они тебя совсем заклевали?

Пегги выпрямилась и спросила, улыбнувшись:

— А что случилось с Гарри?

— Просто он не привык вращаться в мире, в котором правят женщины, — ответила Сид.

И это было правдой. Первые тридцать лет моей жизни я провел в окружении, в котором преобладали мужчины в пропорции два к одному. Сначала в семье родителей, где мы с отцом были в большинстве, потом мы с Пэтом. А сейчас я оказался в меньшинстве.

Сид протянула ко мне руки, в которых держала разноцветные бумажные ленты.

— Иди сюда, красавчик, потанцуй со своими девочками.

Временами мне мерещатся предостережения вроде тех, что написаны на коробке — про мелкие детали, которыми можно подавиться.

Но когда мы с Сид и Пегги танцевали под песню Кайли Миноуг, наступая на разноцветные ленты серпантина, лопнувшие воздушные шары и кусочки раздавленного на паркете торта, мы так заразительно и от души смеялись, что едва могли подпевать за Кайли «Не могу выбросить тебя из головы».

В тот момент вся моя жизнь казалась такой же полнокровной, как у самой куклы Люси.

4

Моя мать до сих пор спит с включенным светом.

В доме, где она была молодой женой и матерью, где прошла большая часть ее замужней жизни, моя мама пытается заснуть с зажженным светом.

— Я всю ночь не могу сомкнуть глаз, Гарри. Я лежу с журналом «Хэллоу!» или тихонько слушаю «Радио-2». Только очень тихо, потому что у соседей недавно родилась малышка. Я тебе говорила об этом? Она просто прелесть! И только я задремлю, как тут же снова просыпаюсь. Забавно, да? И немного странно, правда?

— Вовсе не странно, мама. Ты не можешь спать по простой причине: у тебя над головой горит стоваттная лампа. Это своеобразная пытка лишением сна.

— Ну, не знаю, милый.

— Конечно же, ты не можешь уснуть. Ты просто не выключаешь свет. Ты не пробовала спать без света? Ну, попробуй хоть раз, мам, а? Ну, пожалуйста.

— Нет, не могу, — говорит она, приглаживая золотистый хохолок на макушке моего сына, который сидит на полу между нам и, изучая журнал с программой телевидения. — Не могу лежать в темноте одна, без твоего отца.

Мой отец умер два года тому назад.

Именно столько лет прошло с тех пор, как мой отец лежал на больничной койке с одурманенной болью и таблетками от этой боли головой. Его постоянно мучили приступы тошноты, и я думал, что рак легких убьет не только его, но и мою мать. Я не представлял, как она сможет жить без него. Но, оказывается, женщины вроде моей матери крепче, чем кажутся. Эти вечные жены, преданные хранительницы очага, лишь однажды позволили себе взбунтоваться и надели мини-юбки на короткий период времени, когда шестидесятые годы сменялись семидесятыми. Женщины вроде моей матери были созданы, чтобы перенести любые трудности, даже принять своих суровых мужей. Да, она не могла заснуть без света, но она сумела выжить без него. Теперь это было ясно.

Мои родители так долго были единым живым организмом. Пэдди и Элизабет прошли долгий путь от школьной влюбленности до заботливых дедушки и бабушки, этот великий путь, который многим супружеским парам еще предстоит преодолеть. Я никогда не мог себе представить одного из них без другого.

Я знал, что мой отец не мог жить без моей матери. Если бы она ушла из жизни первой, то он бы не пережил этого, потому что для него сразу бы исчез смысл жизни. Я полагал, что моя мать тоже не выживет без отца.

Но я оказался не прав.

Моя мать принадлежала к тому последнему поколению женщин, которые знают, что мужчины, за которых они вышли замуж, будут заботиться о них. Она не видела ничего необычного в том, что именно мой отец водил машину, зарабатывал деньги, проглатывал, придя с работы, ужин, сидя в большом кресле как великий вождь, который вернулся домой после триумфального военного похода.

Но к старости, оставшись вдовствовать, поколение моей матери проявило независимость характера, которую раньше от них никто не ожидал. Оказалось, что все эти практичные домохозяйки пятидесятих-шестидесятих годов, представляющие последних из женщин, своими руками шивших и чинивших одежду для своих детей и неизменно предпочитавших скромные вязаные кардиганы пастельных тонов, имеют стальную закалку.

Моя мать не умерла. Смерть отца не убила ее, потому что она отказалась считать, что ее жизнь закончилась с его смертью.

Она встречалась со своими подругами за чашкой кофе с пирожным. Они обменивались сплетнями и называли друг друга просто «девочками», она вязала лохматые кофточки для соседского малыша, для этой «маленькой прелести» (мама всех малышек считала прелестью). Она заводила пластинки с песнями Долли Партон на полную громкость на своей мини-стереосистеме «Сони».

— Замечательный голос, — говорила она о Долли Партон. — И замечательная фигура.

Каждый день она разговаривала по телефону со всеми своими братьями. Дозвониться до нее просто невозможно. У нее было постоянно занято: она подолгу расспрашивала их о работе, о детях, о здоровье.

Моя мать жила без моего отца — человека, вокруг которого она когда-то построила свою жизнь. Теперь она проживала свою собственную жизнь.

Мне это казалось невероятным, и ей, как я подозреваю, тоже.

Когда отец умер, она просто помешалась от горя. Она могла разрыдаться в магазине, в автобусе. И ничего не могла с собой поделать. Она плакала до тех пор, пока не выплакала все слезы. Но все-таки справилась с собой, даже более того, она научилась справляться с жизнью, полагаясь только на себя, снова научилась смеяться.

— Я еще не умерла, — любила она повторять. Не говоря о свете, горевшем всю ночь напролет (интересно, чего она боялась в темноте?), она держалась прекрасно. Конечно, это была уже несколько другая женщина, но о том, что было раньше, сейчас речь уже не шла. Она прекрасно приспособилась к этому новому миру, который так переменялся без ее любимого Пэдди. Моя мать выдержала, потому что была не просто женщиной, которая любила моего отца. Она любила людей. Всех людей вообще. Например, своих молодых соседей с малышом, старушку, жившую через дорогу, — тетущку Этель, которая в действительности не приходилось мне никакой тетей, а была старинной маминкой подругой.

Она любила всех своих давнишних приятельниц, которые встречались ей на главной улице пригородного поселка, где прошла ее жизнь. И конечно же, она любила свою семью. Всех своих братьев, количество которых только недавно начало уменьшаться, их жен, их взрослых детей, у которых теперь уже были свои дети. И, наконец, она любила меня, своего единственного сына.

Но больше всех и сильнее всех моя мама любила своего внука — Пэта. Мой сын являлся самой главной причиной, которая заставляла ее держаться теперь, когда отца не стало.

— Он — моя единственная любовь в жизни, правда, милый? Он — мой маленький любимчик.

Мой сын терпеливо улыбался, протягивая руку за пультом управления.

У моей матери имелся и уникальный талант, который заключался в том, что рядом с ней все чувствовали себя любимыми. И не только потому, что она разговаривала, часто употребляя ласковые слова вроде *милый, дорогой, мой красивый* и *мой ангел*, что было для нее естественным, как и для других женщин ее поколения. Она давала почувствовать, что вы для нее являетесь самым главным в жизни, даже если просто предлагала чашку чая, или приглаживала вам волосы, или вязала вам нечто, что вы наденете только в том случае, если собираетесь встретиться с ней.

Нельзя сказать, что она была «веселой вдовой» — слишком много времени она проводила на кладбище. Я боялся, что она теперь всю оставшуюся жизнь будет спать с включенным светом. Но моя мать научилась жить.

Одежда моего отца все еще висела в шкафах, но его присутствие уже не ощущалось в доме.

Не было запаха его одеколona «Олд Спайс», на холодильнике больше не стояла коричневая бутылка эля, а на комод, который назывался баром, не было бутылки ирландского виски. Даже музыка изменилась. Это я заметил прежде всего. Именно тогда я осознал, что призрак отца здесь больше не витает.

Я вошел в дом, в котором жил в детстве, и не услышал ни песен Синатры, ни Дина Мартина, ни Ната Кинг Кола. Не звучали больше старые песни с жалобными вздохами Сэмми Дейвиса-младшего, Фрэнка эпохи «Капитолийского холма», шестнадцать самых популярных песен Тони Беннета, звуковые альбомы, заполнившие годы между «Оклахомой» и «Вестсайдской историей».

Мама все пластинки отца отдала мне. У нее были свои любимые песни, которые она

могла слушать.

Мама любила музыку кантри и вестерн. Это были мелодичные песни с глубоким содержанием. Радостные песни и грустные, в которых все было ясно и понятно. Под эту музыку можно было танцевать, пить, горевать о близком человеке, которого потеряла. Она обожала всю эту слезливую, сентиментальную чепуху, хотя я не имел понятия, действительно ли ей нравились подобные песни или же Долли Партон, Тэмми Уайнет и Пэтси Клайн являлись просто данью моде. Но настоящим диджеем в доме всегда был отец. Больше я уже не услышу характерный скрип виниловой пластинки в его руках. Нет, Пэдди Сильвер уже ничего нам не заведет. Никогда.

За последние годы моей матери пришлось пережить два ужасных удара судьбы. Она потеряла моего отца, мужчину, которого любила с тех самых пор, как он пришел в их дом в Ист-Энде вместе с одним из ее братьев после спарринга в местном боксерском клубе. Она потеряла человека, которого любила всю свою жизнь, сильного парня с громким голосом, который научился быть нежным. Он умер от рака легких, а она его пережила.

Но это еще не все. В каком-то смысле она потеряла и своего внука. Мне сложно признаться в этом самому себе, не говоря уже о том, чтобы сказать ей.

Теперь, после моего развода, все усложнилось. Пэт жил со своей матерью, и, поскольку я жил отдельно, для моего сына было непросто проводить много времени со своей бабушкой.

Я всем сердцем желал, чтобы все сложилось по-другому. Хотелось, чтобы все было опять так же легко, как раньше, когда мы с Джиной жили вместе и моя мать могла видеться с Пэтом каждый день. Или хотя бы так, как было во время поездки Джины в Японию, когда я остался с Пэтом, а моя мать как бы стала для нас обоих мамой. Я очень хотел, чтобы все было так же просто и ясно, как раньше, потому что знал: Пэт являлся для моей матери центром Вселенной, вокруг которого строилась ее жизнь. Но так больше уже никогда не будет, потому что этот центр сместился.

Вот о ком никто не думает во время развода, так это о бабушках и дедушках. Об этих стариках, которые обожают маленьких девочек и мальчиков, произведенных на свет их собственными повзрослевшими детьми, у которых куча проблем. Каким-то немыслимым образом в итоге выходит так, что заблудшие производят совершенных. В результате развода старики остаются со своей безраздельной нерастроченной любовью, которая уже никому не нужна.

Поэтому я приложил все силы к тому, чтобы создать видимость, будто центр Вселенной остался на прежнем месте. Половина всего времени, которое я проводил с Пэтом, проходила в присутствии моей матери. Мы залезали в машину и ехали в Эссекс по дороге, хорошо знакомой мне с детства.

Именно сюда меня возили ребенком, и я помню, что, когда мы возвращались от бабушки из Ист-Энда, я спал на заднем сиденье папиного «Морриса Майна». Подростком я раскатывал тут на своем «Форде-Эскорте», стараясь произвести впечатление на пышноволосяную девушку, устроившуюся на пассажирском сиденье. А потом по этой дороге я, молодой муж и отец, вывозил свою маленькую семью в гости к родителям. И уже теперь я езжу здесь на двухместной спортивной машине, в которой рядом со мной сидит и клюет носом, изо всех сил пытаюсь не заснуть, Пэт, скучающий по своей маме и не желающий все это обсуждать.

Я хорошо знаю эту дорогу. Помню, как ехал проведать сначала заболевшего отца, затем — отца умирающего, а потом я ехал на похороны. Я помню все эти поездки из Лондона в Эссекс, с окраины города к берегу моря, поездки, которыми измеряется моя жизнь и которые невозможно предвидеть заранее.

Сегодня мы с Пэтом едем опять по той же дороге в Эссекс, чтобы навестить мою маму в доме, где в спальне по ночам не выключается свет.

Здесь нет Джины. Уже нет моего отца. Сид и Пегги не принимают участия в этих поездках в Эссекс — часть моей прежней жизни. Моя жена и ее дочь живут в Лондоне.

Мы взрослеем и стареем. Это предсказуемо. Но моя и без того крошечная семья

постепенно уменьшается и слабеет. А вот к этому сложно привыкнуть. Пэт чувствует себя хорошо в доме, где я вырос. Здесь растворяется его внутреннее напряжение. Лучшая часть его детства прошла в старом доме. Тут не было никаких скандалов и ссор между родителями, которые потом разбежались в разные стороны. Никаких грандиозных изменений, никаких измен или выброшенных уже не на городскую, а на проселочную улицу мобильных телефонов. Здесь царили видеофильмы о Звездных войнах, чаепития с походами к холодильнику в любое время и без спросу. Незамысловатые счастливые часы, когда можно сидеть на полу, слушать знакомые голоса, распеваящие старые песни. И каждое мгновение этих счастливых дней наполнено простой всеобъемлющей любовью, которая исходила сначала от обоих моих родителей, а потом только от моей матери. Но любовь оставалась все той же. — Он — мужчина моей мечты. Правда, милый? Мой сын покорно улыбался, потихоньку отходя к двери, чтобы убежать наверх, туда, где хранились его старые игрушки. Тут же были видеокассеты со «Звездными войнами», диснеевскими мультфильмами и записи соревнований по борьбе, которые он уже не смотрел и которые теперь только собирали пыль. Наверху у него имелась своя комната, одежда и своя собственная жизнь. Он мог с закрытыми глазами пройти от холодильника к телевизору и обратно.

Все здесь было легко и просто, без бесед в закуской за очередным обязательным набором «Хэппи Мил». Тут мы с сыном просто валялись на диване перед телевизором, пока моя мать готовила для нас обед, или ужин, или закуску, а то и просто заваривала чай — она это называла «попить вкусного чайку».

Она всегда отказывалась от предложения помочь ей вымыть посуду. Мы-то с Пэтом были прекрасно обучены нашими женщинами, поэтому всегда делали по дому, что полагается, не задумываясь и не ожидая, что кто-то нас об этом попросит.

Но моя мать даже не желала слышать об этом. В своем доме она сама устанавливала порядки, и один из них гласил: она все делает сама. Она являлась хозяйкой, которая заодно и прислуживает. Ее слово было законом, не подлежащим обсуждению. Иногда я наблюдал через сервировочное окошко, как она возится на кухне, напевая песни Долли Партон. В такие мгновения мне хотелось крепко-крепко обнять ее. Примерно так, как мог позволить себе Пэт. Мы оба любили ее и любили бывать здесь, потому что здесь нам не нужно было ни о чем думать. Какое это облегчение — полностью отключиться от всех тягостных проблем развода, новой женитьбы и необходимости совмещать общение с разными семьями. Хочешь выпить лишний стаканчик кока-колы — пожалуйста, хочешь посмотреть видео, встать из-за стола, не доев кашу из чечевицы, — и это все тоже позволено. Как же замечательно не думать о том, что следует делать, а что — нет! Но всему приходит конец.

После роковой поездки в Париж мне нужно быть осторожным и нигде не задерживаться. Дорога до Лондона, потом еще добираться до дома Пэта, к тому же могут начаться дорожные работы на шоссе A127 или пробки на трассе M25 из-за воскресного футбольного матча в районе Северного Лондона. А нам никак нельзя опаздывать.

— Пора собираться домой, дорогой, — говорю я сыну.

А он смотрит на меня такими взрослыми глазами, совсем не похожими на те, которые должны быть у семилетнего ребенка, и как бы хочет сказать мне: «Но именно здесь я чувствую себя как дома».

И куда в таком случае я должен его увозить?

Мы выехали, когда уже начинало темнеть, и я знал, что в доме моей матери скоро зажжется свет. Он будет гореть всю ночь напролет. Мама ляжет в кровать и станет негромко напевать песни Долли Партон. Просто так, для бодрости духа. А в шкафу все так же будут висеть старые костюмы отца. Они представляют собой слишком большую ценность, чтобы отдать их какой-нибудь благотворительной организации.

5

Джина ждала меня во дворе школы.

Должно быть, она пришла прямо с работы. Деловой костюм-двойка, высокие каблуки и старенький портфель в руке. Она великолепно смотрелась, словно сошла с обложки модного журнала для бизнес-леди. Правда, мне показалось, что она похудела. Моя бывшая жена все еще оставалась красивой женщиной, на которую засматриваются на улице. Она выглядела более серьезной, чем в двадцать лет.

— Извини, Джина, я задержался.

— Все в порядке. Мы с тобой оба пришли раньше. — Она чмокнула меня в щеку и чуть дотронулась до моего плеча. Я сразу понял, что она простила мне Париж. — Пойдем, поговорим с директором.

Мы вошли в основное здание школы. Казалось, здесь ничего не изменилось с тех пор, когда учился я сам. Такие же рисунки на стенах, шум из физкультурного зала, эхом разносящийся по школе, отдаленный смех, тот же привычный запах столовой. Мы прошли прямо в кабинет директора, так как знали дорогу, потому что нас не впервые вызывали сюда.

Директор школы, мисс Уилкинс, была молодой женщиной с бледным лицом и очень коротенькими белокурыми волосами. Ее стрижка под Эминема и модные кроссовки как-то не соответствовали ее высокой должности. Она выглядела почти как выпускница школы. Но здесь все быстро продвигались по служебной лестнице, потому что школа Пэта находилась в неблагоприятном районе и многие учителя не выдерживали нагрузки.

— Мистер и миссис Сильвер? Прошу вас, проходите.

— Вообще-то мы — мистер Сильвер и миссис Макрей, — поправила Джина, — Благодарю за приглашение.

Чтобы немного усыпить нашу бдительность и заставить нас расслабиться, мисс Уилкинс начала с обычной похвалы в адрес нашего сына. Он, дескать, очень милый мальчик, с хорошим характером, его любят учителя и ученики и так далее. А затем она выложила нам причину, по которой нас пригласили.

Оказывается, он совершенно и абсолютно неуправляем.

— Пэт никогда не грубит и не хулиганит, — начала свои объяснения мисс Уилкинс. — Не так, как другие. Он буквально все делает с улыбкой.

— Похоже на то, что он любимчик, — сказал я — никогда не мог удержаться от того, чтобы не защитить его, хотя бы просто замолвив за него слово.

— Он стал бы им, если бы ему хоть раз удалось усидеть на одном месте весь урок.

— Он немного рассеян. — Джина начала нервно грызть ноготь на большом пальце. Мне на секунду показалось, будто это ее, а не нашего сына вызвали к директору за плохое поведение. — Вы это имели в виду? Он позволяет себе бродить по классу, переговариваясь с ребятами и мешая им, в то время как все пытаются выполнить задание. — Она взглянула на меня, ища поддержки. — Нас уже не первый раз вызывают. Далеко не первый.

— Разрешите задать вам вопрос личного характера? — неожиданно сменила тему мисс Уилкинс. Может, прическа у нее и была весьма необычная, но вела она себя как типичная учительница, которых я немало повидал на своем веку.

— Конечно, — заволновалась Джина. Пауза.

— Ваш развод был очень напряженным?

— А разве они бывают другими? — вмешался в разговор я.

Мы шли вслед за мисс Уилкинс по коридору. В каждой классной двери имелось вставленное квадратное стекло. Это очень напоминало окошки для подглядывания в дверях тюремных камер. Мисс Уилкинс остановилась у одной из дверей, заглянула внутрь и отошла в сторону, приложив указательный палец к губам и мрачно улыбаясь. Мы с Джиной через окошко заглянули в класс, где учился наш сын.

Я сразу увидел его среди остальных тридцати шести учеников с одинаковыми взъерошенными макушками, одетых в одинаковые зеленые свитера, которые считались в этом районе чем-то вроде школьной формы.

Пэт находился в центре класса. Также, как и все, он склонился над рисунком, а я, глядя на него, подумал, что его волосы всегда удивительно блестят, прямо как в рекламе

шикарного бальзама, даже тогда, когда его голове, как выражается моя мать, не мешает «задать большую стирку».

На доске учительница нарисовала то, что можно было бы назвать пародией на Землю — не слишком аккуратно выведенный мелом круг, затерянный в бесконечном черном пространстве. На круге виднелись едва узнаваемые очертания материков. Над рисунком она написала: «Наш мир».

Все старательно рисовали. Даже Пэт. И на мгновение мне даже показалось, что все в порядке. Во всем этом было что-то трогательное, потому что эти городские дети представляли самые разные этнические группы со всего мира.

Но оказалось, что мой сын склонился не над своим рисунком, а над чужим — он помогал маленькой девчужке раскрашивать ее картинку.

— Пэт, — обратилась к нему учительница, отвернувшись от доски, — я же просила тебя не вставать из-за своей парты.

Он проигнорировал ее замечание, беззаботно и свободно прогуливаясь от парты к парте, с обезоруживающей улыбкой разглядывая из-под своей золотистой челки рисунки других учеников. Направо и налево он раздавал комментарии по поводу картинок с изображением планеты Земля, над которыми усердно трудились дети.

— Да, — проговорила Джина, и по ее тону я догадался, что она с трудом сдерживает слезы. — Отвечая на ваш вопрос о разводе: он действительно был очень напряженным.

***

Подобные вещи мы всегда делали вместе.

Даже речи не было о том, чтобы в школу к директору шел кто-то один из нас, чтобы его отчитала эта чопорная директриса, больше похожая на панка, и чтобы потом в одиночку переживать за свое чадо.

Мы оба — его родители, независимо от места его проживания, и ничто никогда не может изменить данный факт. Так мы с Джиной договорились.

Вообще у Джины гораздо лучше получалось решать школьные проблемы Пэта, чем у меня. Для нее не было необходимости выгораживать его, потому что она всегда находила нужный подход к учителям, делилась личными проблемами, перетряхивала перед каждым любопытствующим наше «грязное белье», которое на сегодняшний день уже достаточно поизносилось и истлело. К тому же я принимал все гораздо ближе к сердцу, чем она. Или, по крайней мере, я больше поддавался унынию и впадал в депрессию. А все из-за того, что в глубине души я тоже считал наш развод основной причиной школьных проблем Пэта.

— Не вешай нос, Гарри. Он перерастет это, — сказала мне Джина, когда мы сидели в местной забегаловке и пили кофе. Мы всегда приходили сюда после очередного вызова в школу. Вообще-то мы заходили сюда еще тогда, когда Пэта не было на свете. Теперь же правило выпить по чашечке кофе со взбитыми сливками в середине дня стало для нас пределом общения друг с другом.

— Он хороший ребенок, все его любят. Просто умница. Но ему трудно приспособиться, привыкнуть ко всему. Это не синдром нехватки внимания или как там это называется по-научному. Просто он пытается приспособиться.

— Мисс Уилкинс считает, что мы виноваты в его поведении. Она думает, что мы сами запутали его, и может, она права, Джина?

— Не имеет никакого значения, что думает эта чертова Уилкинс. Самое главное — это чтобы Пэт был счастлив.

— Но он совсем не счастлив, Джина.

— Что ты имеешь в виду?

— Он несчастен с тех самых пор, как мы... Ну, ты меня понимаешь. С тех пор, как мы разошлись.

— Смени пластинку, Гарри.

— Я серьезно. Я имею в виду, что раньше он весь как будто светился, помнишь? Теперь он потерял эту способность. Но я не обвиняю ни тебя, ни Ричарда.

— Ричард — прекрасный отчим, — сказала она. Ее всегда задевало, если я намекал, что развод был не таким уж счастливым событием в жизни нашего сына. — Пэту еще повезло с Ричардом, повезло, что у него такой отчим, которому не безразлично его образование и который не хочет, чтобы он проводил все свободное время, играя со световым мечом или в футбол, а предпочитает заинтересовать его посещениями музеев.

— И Гарри Поттером.

— А что плохого в Гарри Поттере? Гарри Поттер — это же замечательно. Все дети увлекаются им.

— Но ему, бедняге, приходится подстраиваться. Я имею в виду Пэта, а не Гарри Поттера. С кем бы он ни был. Разве ты этого не видишь? Когда он с тобой и с Ричардом — под вас. Когда он со мной и с Сид — под нас. Ему постоянно приходится быть осторожным. Признайся, что это так.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Единственное время, когда он может расслабиться, это время, проведенное с моей матерью. Дети не должны быть вынуждены приспособливаться. Из-за нашей глупой драмы у Пэта отнята часть детства. Ни один ребенок не заслуживает такого.

Она не хотела говорить об этом, и я ее не виню. Мне самому бы хотелось считать, что школьные проблемы нашего сына никак не связаны с нами, а просто он ленится и не слушается. Но в это трудно было поверить. Причиной его неспособности усидеть на одном месте стало желание всем понравиться, чтобы его любили. И я знал, что это имеет прямое отношение ко мне и к моей бывшей жене. Как же я могу не думать о том, как все сложилось бы, если бы мы по-прежнему были вместе?

— Ты когда-нибудь вспоминаешь прошлое?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты иногда не жалеешь о нас? — спросил я, затронув запретную тему. — Ну, хоть изредка? Немножко?

Джина устало улыбнулась. Ее чашечка капучино так и оставалась нетронутой. Однако в ее улыбке, как, впрочем, и в кофе, уже не было ни капли тепла.

— Жалею? Ты хочешь сказать, что я должна жалеть о том, что сидела дома одна, в то время как ты строил из себя большую шишку в сверкающем мире телевидения?

— Ну, это не совсем так...

— Твои премьеры, банкеты и тусовки. А я как будто и не существую только потому, что сижу с нашим сыном, а не веду одно из дешевеньких телешоу?

— Вообще-то я хотел сказать...

— Меня считали человеком второго сорта, потому что я занималась воспитанием ребенка. А это является самым важным в мире занятием. Ты говорил, что я домохозяйка, хранительница семейного очага, а они над этим посмеивались, Гарри. Некоторые из них действительно считали, что это несерьезно, что-то вроде забавы. Что это просто очередная шутка.

Ну вот, опять все заново...

— Я попрошу рассчитать нас и заплачу сам, ладно?

— А забавным как раз было то, что никто из этих придурков и карьеристов даже и мечтать не смел о таком дипломе, как у меня. Они забывали и о том, что я свободно владею иностранным языком, а эти олухи с трудом осилили свой родной. Жалеть обо всем этом? Нет, Гарри, не жалею. И я не хочу одна спать в нашей спальне, за стенкой которой находится наш сын, в то время как ты скачешь на молоденькой секретарше из офиса.

— Ты знаешь, что я хотел сказать. Я говорил об отсутствии сложностей. Только и всего. И ни к чему опять вытягивать наружу все эти старые...

— Нет. Не могу сказать, что мне этого не хватает. И тебе тоже не стоит жалеть о нашей прежней жизни, потому что она строилась на лжи. Если хочешь знать, мне хорошо сейчас. В этом между нами разница. Мне нравится то, как я сейчас живу. Мне нравится жить с Ричардом. Для меня это хорошая, спокойная жизнь. И ты, Гарри, должен быть за это

благодарен.

— Это почему же?

— Потому что у Пэта есть отчим, которому он глубоко небезразличен, который о нем заботится. Бывают жестокие отчимы, даже агрессивные. И многим нет никакого дела до детей от прежнего брака.

— Значит, я должен благодарить за то, что моего сына не притесняют? Да прекрати ты, Джина.

— Ты должен быть благодарен за то, что Ричард — прекрасный, заботливый человек, который желает Пэту добра.

— Ричард пытается изменить его, а моему сыну это не нужно. Он хорош таким, какой есть.

— У Пэта есть свои недостатки, Гарри.

— У меня тоже.

— О да, мы это знаем. .

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга, потом Джина попросила счет. Я слишком хорошо знал ее, чтобы попытаться его оплатить.

Вот всегда у нас так получалось — старались поддержать друг друга, быть друзьями, а потом в который раз доводили друг друга до бешенства. Мы не могли совладать с собой. Все кончалось тем, что мы начинали ворошить старые раны и наши дружеские отношения оборачивались невыносимой клаустрофобией..

Я понимал, что разозлил ее сегодня. И поэтому новость, которую она сообщила мне по дороге к стоянке машин, прозвучала как изощренная жестокость.

— Проблемы в школе и весь этот старый хлам, который мы все перемалываем, — это теперь не так уж и важно.

— Что ты хочешь сказать?

— Мы уезжаем в Америку. Я уставился на нее.

— Я давно собиралась тебе сказать. Но не все еще было ясно. Мы определились только на этой неделе.

Некоторое время я пытался осмыслить услышанное. Я ничего не понимал. До меня еще не дошло.

— На сколько вы едете? Я не говорю, что не надо отрывать Пэта от школы, может, ему это даже пойдет на пользу. Несколько недель не страшно. Все равно не так уж много он сейчас занимается.

Моя бывшая жена покачала головой. Она не могла поверить, что до меня все так медленно доходит.

— Перестань, Гарри!

И когда мы остановились на пустынной стоянке за школой, до меня вдруг начал доходить смысл ее слов. Я понял, что моя бывшая жена может делать все, что захочет. Каким же я был болваном!

— погоди, Джина. Ты разве не имела в виду поездку в Америку на время отпуска? Скажи мне, что вы хотели посетить Диснейленд и познакомиться с Флоридой. Или ты хотела сказать что-то другое?

— Я хотела сказать, что мы уезжаем из Лондона, из страны, Гарри. Я говорю о переезде туда навсегда. Я, Ричард и Пэт. У Ричарда заканчивается контракт, к тому же он по-настоящему так и не смог прижиться здесь.

— Ричард не смог прижиться?! Ричард? А как же насчет Пэта? Как насчет того, чтобы дать еще одну гребаную возможность Пэту прижиться?!

— Следи за своими выражениями. Ему всего семь лет. Дети легко ко всему привыкают.

— Но у него здесь школа, бабушка, Берни Купер.

— Какой еще... А, малыш Берни. Господи, Гарри, у него появятся новые друзья! Речь идет о работе. Ричард может получить хорошую работу в Штатах.

— Но у тебя же здесь работа. Послушай, Джина, ты ведь наконец смогла добиться в

жизни того, чего хотела. Неужели ты сможешь все это бросить?

— Моя работа не совсем то, о чем я мечтала. Мне не хватает возможности использовать знание японского. Какой толк работать в японской компании, если нет необходимости владеть японским языком? Не волнуйся, я не имею в виду жизнь в городе. От Коннектикута до Манхэттена на поезде уходит всего...

— Ты говоришь «не волнуйся»? Но как же я буду с ним видеться? А его бабушка?

— Ты все время будешь с ним видеться. Школьные каникулы ужасно длинные. Ты можешь приезжать. От Лондона до Нью-Йорка всего-то шесть часов.

— А с Пэтом ты это обсуждала? Он-то знает, что это не просто поездка на экскурсию с целью познакомиться с подругой Микки-Мауса Минни, а потом — назад домой?

— Еще нет.

Я покачал головой, с трудом переводя дыхание:

— У меня в голове не укладывается, что ты надумала утащить его на другой конец света.

Я понимал, что это не совсем так. Я начал осознавать, что она всегда верила в возможность начать жизнь заново, если уехать далеко отсюда. Она так думала уже не один год — сначала, когда была еще незамужней, и потом, уже после того как мы разошлись. И это все еще оставалось в силе. В прошлом этой землей обетованной являлась Япония. Теперь Америка. Это было очень в ее духе — стремление все начать сначала на другом краю света. Да, я легко мог понять это.

— А что плохого в Лондоне? Он здесь родился и вырос. Здесь его семья и друзья. Джина, он здесь счастлив.

Она вскинула руки вверх, к небесам, как бы охватывая все вокруг: мисс Уилкинс, бесконечные проблемы в школе, неспособность нашего сына спокойно сидеть на уроке, Париж, сломавшийся поезд «Евростар», жизнь в Северном Лондоне.

— Очевидно, несчастлив. Там ему будет гораздо лучше. И не только ему. Я не хочу, чтобы у Пэта было такое же детство, как у меня, — переезд из дома в дом, постоянная смена близких людей. Я хочу, чтобы у него было такое же детство, как у тебя, Гарри. — Она накрыла своей ладонью мою руку. — Поверь мне. Я хочу для мальчика только добра.

Я сердито отдернул руку:

— Ты не желаешь ему добра, ты даже не желаешь добра себе или этому остолопу, за которого вышла замуж.

— Поосторожней в выражениях.

— Ты просто хочешь отомстить.

— Считай, как хочешь, Гарри. Мне все равно, что ты думаешь.

— Как ты можешь так поступать со мной, Джина?

Она вдруг взбесилась. И я снова осознал невозможность вернуть все, что нас когда-то связывало. Мы могли сохранять вежливые, даже приятельские отношения, заботиться о Пэте, но любви между нами уже совсем не было, мы все растеряли. Как-там говорят? Женитьба — на годы, развод — навсегда. Так и у нас с Джиной. Мы в разводе навсегда.

— Это ты не сдержал своих обещаний, Гарри, а не я. Это ты трахался на стороне, а не я. И это тебе, а не мне наскучила супружеская постель.

Она рассмеялась, тряхнув головой. Я смотрел в лицо этой до боли знакомой незнакомке. От своей матери мой сын унаследовал нежно-голубые глаза и светлые волосы. Она определенно была его матерью, но я больше ее не узнавал.

— И теперь, Гарри, ты говоришь, что мне нужно, а что не нужно делать? И у тебя хватает на это наглости? Я увожу своего сына из этой страны. Смирись и привыкай.

С этими словами она нажала на кнопку брелка сигнализации машины, два раза вспыхнули фары. В тот момент мне даже почудилось, что их свет отразился крошечным бликом на ее обручальном кольце.

Кольцо было не то, которое она носила, когда жила со мной.

Это было новое кольцо.

6

Ричард относился к тому типу накачанных деловых людей, которые в последнее время начали появляться по всему городу. Этаким чопорный очкарик, тупица, пусть и полностью «упакованный».

Лет десять тому назад такой тип, как Ричард, который проворачивает свои грязные делишки с чужими деньгами, выглядел бы узкоплечим хлюпиком на тоненьких комариных ножках. Но в наши дни жизнь в городе закаляет и заставляет быть крепким. Не знаю, чем он там занимается, может, штангой или посещает секцию бокса, но, когда я вломился в ресторан, где он обедал с деловыми партнерами, он показался мне не прежним тихим супругом, а кем-то вроде Супермена.

Ричард увидел меня последним. Трое его коллег заметили меня раньше, может, из-за моей одежды. На мне был пиджак, который моя мать зовет «автомобильным», старые полотняные брюки и сапоги. Довольно обычная одежда для режиссера с телевидения, хотя она и выглядела вызывающе непривычной для пафосного ресторана. Того самого, где подают обильную еду из натуральных продуктов, приготовленную по рецептам тосканских крестьян и предназначенную для крутых бизнесменов с шестью нулями ежегодного дохода.

Спутники Ричарда — парень в костюме от Армани, седовласый чудаковатый старикашка и толстяк — прекрасно меня разглядели, когда я приближался, но они не знали, чего от меня ждать. Могу поспорить, что толстяк уже открыл рот, чтобы заказать еще бутылочку минеральной воды. Но как только я заговорил, он понял, что я явился сюда вовсе не для того, чтобы подносить кому-то воду «Перье».

— Тебе не удастся забрать у меня Пэта, ублюдок, — прорычал я. — Даже не думай увозить его из страны.

Спутники Ричарда переводили взгляд с него на меня, не зная, как им следует реагировать на эту сцену. Муж-рогоносец? Брошенный любовник-гей? Я видел, что они не слишком хорошо знают Ричарда, чтобы понять происходящее. Поэтому он, не отрывая от меня глаз, предпочел сразу же разъяснить им ситуацию:

— Этот джентльмен — отец моего пасынка, негодяй, которому не повезло.

Вот тут я и сорвался, бросившись на него через стол, раскидывая в разные стороны хлеб, серебряные соусники с оливковым маслом (его, я больше чем уверен, не водится в домах тосканских крестьян). Компаньоны Ричарда отшатнулись и сразу же съежились, чтобы не попасть мне под руку. Но два официанта накинулись на меня прежде, чем я добрался до Ричарда. Они стали оттащить меня, один заломил мне руки за спину, одновременно сжав в своих медвежьих объятиях, а другой попытался схватить за шиворот «автомобильного» пиджака.

— Отвяжитесь вы от меня, не вмешивайтесь! — выкрикнул я, упираясь пятками в посыпанные опилками доски пола и ухватившись, несмотря на скрученные руки, за льняную скатерть. — Оставь моего сына в покое, Ричард!

Официанты оказались мне не по силам. В отличие от Ричарда я не сидел сутками в спортивном зале, накачивая мышцы и занимаясь на тренажерах. Я почувствовал, что теряю силы, когда они начали тащить меня назад, но так как я все еще держался за скатерть, то я потянул ее за собой. Все, что было на столе, с грохотом посыпалось на пол: бокалы, тарелки с экологически чистой едой из натуральных продуктов, крупно порезанные куски свежеспеченного хлеба, соусники и приборы.

И все это свалилось не только на пол, но и на колени сидящим.

Ричард вскочил на ноги. Он расвирепел, готовый опробовать на мне свои накачанные бицепсы и надавать мне хороших тумаков. С его брюк свисали остатки салата из морепродуктов.

— Тебе, Ричард, не удастся увезти моего сына только потому, что у тебя не получилось прижиться в нашем городе.

— Это решать Джине и мне.

— Я — его отец и навсегда останусь его отцом. Ты, ублюдок, не сможешь ничего с этим поделать.

— Позволь задать тебе один вопрос, Гарри.

— Задавай, недоумок.

Я следил за тем, как он стряхивает с ширинки брюк нечто, напоминающее креветку, замотанную в съедобные водоросли.

— И что только она вообще в тебе нашла?

***

Именно Эймон Фиш впервые рассказал мне о смешанных семьях, что, по-своему, забавно, потому что Эймон был самым одиноким человеком, которого я знал. В нем все еще бродили жизненные соки, но до сих пор почему-то не ударили ему в голову.

Несмотря на светскость, Эймон болезненно застенчив во всем, что касалось женитьбы и любви. В этом, как мне кажется, виновато его ирландско-католическое происхождение. К семейной жизни он относился одновременно с опаской и некоторой долей романтики. Но я вынужден отдать Эймону должное: ведь именно он предупредил меня о том, что ждет меня впереди.

— Дружище Гарри! — выкрикнул он, обращаясь ко мне во время свадьбы. — Хочу перекинуться с тобой парой слов.

Я смотрел, как он пробирался сквозь толпу, с улыбкой кивая по сторонам, дружелюбный и вежливый с теми, кто его узнавал, и приветливый и благодарный с теми, кто ничего о нем не знал. Осторожно держа в руке бокал с шампанским, чтобы не разлить, он выглядел еще более растрепанным, чем обычно, с выбившейся из брюк рубашкой, лохматой челкой и припухшими веками. Но с типично ирландской внешностью, похожий на молодого Джека Кеннеди, даже будучи навеселе, он скорее походил на беззаботного повесу, чем на неряху. Он обнял меня за плечи и чокнулся со мной бокалами.

— За тебя. И за твою прекрасную невесту. И за твою, как там это называют, смешанную семью.

— За мою — что? — Я все еще смеялся.

— За твою смешанную семью. Ну, ты сам знаешь. За смешанную семью.

— Что такое смешанная семья?

— Сам знаешь. Что-то вроде «Брэди Банч». Когда мужчина и женщина соединяют свои прежние семьи, чтобы создать новую семью. Ты ведь меня понимаешь, Гарри? Когда мужчина живет не со своими детьми. А женщина становится матерью детям, которых не рожала. Смешанная семья. Вроде «Брэди Банч». И ты, Гарри. Ты и «Брэди Банч». Чтобы все у тебя было хорошо! — Он притянул меня поближе к себе. — Молодец, приятель. Давай присядем на минуту.

Мы нашли пустой столик в тихом уголке, и Эймон тут же вытащил из кармана пиджака, на котором все еще красовалась помятая гвоздика, маленький полиэтиленовый пакетик. Это было что-то новенькое. Когда я с ним познакомился, он не употреблял ничего, крепче банки «Гиннса» и чипсов со вкусом бекона.

Я осторожно оглядывался, пока Эймон отсыпал белый порошок на краешек открытки со свадебным приглашением и разделял белую полоску на отрезки при помощи кредитки «Америкэн Экспресс».

— Господи, Эймон, только не здесь. Нельзя же принимать эту дрянь на глазах у детей. Пройди, по крайней мере, в туалет. Здесь не время и не место. — И тут я выдал одну из коронных фраз моего отца, будто это он сейчас заговорил моими устами: — Во всем нужно соблюдать меру, Эймон.

Он усмехнулся и принялся скручивать десятифунтовую купюру:

— Меру? Сколько тебе сейчас? Тридцать три? Тридцать два? Ты уже женишься во второй раз. У тебя уже есть сын, который с тобой не живет, и падчерица, которая живет. Так что не учи меня соблюдать меру, Гарри. Ты сам меры не знаешь.

— Но вокруг дети, и моя мать, и моя тетушка Этель.

— Вот как раз твоя тетушка Этель меньше всего будет возражать, Гарри, — проговорил он, умело втягивая носом, как пылесосом, полоски белого порошка. — Именно она продала мне это. — Он протянул мне свернутую, слегка влажную десятку, но я отрицательно покачал головой, и он спрятал наркотик. — В любом случае поздравляю тебя, приятель.

— Спасибо.

— Только на этот раз не испорти всего.

— Что ты хочешь сказать?

— Не витай в облаках и держи своего петушка в штанах.

— Ну конечно, это одна из традиционных венчальных клятв, да? Если не ошибаюсь, принятых в англиканской церкви.

— Я серьезно. Не дергайся, когда пройдет первый пыл. Не верь, что хорошо там, где нас нет. Потому что это не так. Помни о том, что этот отросток пристегнут к тебе, а вовсе не наоборот.

Мы увидели, что Сид направляется к нам через заполненный людьми зал. Она улыбалась, и мне казалось, что никогда еще она не выглядела такой красивой, как в тот момент.

— И не забывай то, что ты чувствуешь сегодня, — сказал мне Эймон. — Ни за что. Я тебя знаю, потому что все мужчины одинаковы. Мы склонны забывать о том, что у нас в сердце.

Но я уже больше не слушал его. Я подумал, что тот день, когда мне понадобится совет нанюхавшегося кокаина комедианта, станет самым черным днем в моей жизни. Я поднялся и подошел к своей жене.

— Ты выглядишь счастливым, — сказала она.

— Я больше, чем счастлив.

— Ух, ты! Больше, чем счастлив. В таком случае надеюсь, что не разочарую тебя.

— Ты никогда не сможешь разочаровать меня, особенно если сделаешь одну вещь.

— Что же?

— Потанцуй со мной.

— Тебе легко угодить.

Я обнял ее, чувствуя близость ее стройного, гибкого тела, облаченного в свадебное платье. И под звуки песни Эллы Фицджеральд «Каждый раз, когда мы говорим "прощай"» мы стали двигаться, наслаждаясь полной гармонией. И даже несмотря на то что вокруг было много друзей и родственников, на протяжении всего танца я видел только лицо моей жены.

***

В конце концов, полиция меня отпустила.

Ричард и администрация ресторана решили не предъявлять мне обвинений. И я ехал домой, раздумывая над всем, о чем мы с Сид говорили перед свадьбой. Часами мы обсуждали самые важные проблемы. Собственно, на этом и держались наши отношения. И еще, конечно же, на обоюдном желании трахаться до потери памяти.

Мы говорили о наших родителях, о старомодных отношениях между ними, когда они женились совсем молодыми, жили вместе всю жизнь и разлучала их только смерть, причем достаточно быстрая. Мы посвящали обсуждению наших родителей столько времени не только потому, что любили их, но и потому, что сами хотели бы прожить такую же семейную жизнь.

Еще мы говорили о наших прежних, несложившихся семьях. Ее — развалилась из-за бесконечных измен Джима, моя рухнула из-за одной-единственной ночи, о которой стало известно жене.

Еще мы говорили о наших детях, о том, какую жизнь мы хотели бы для них, и об опасениях, что наши разводы могут оставить неизгладимые шрамы в их душах.

Мы обсуждали и то, как мой сын впишется в нашу новую семью, как мы дружно постараемся сделать так, чтобы он почувствовал себя полноправным ее членом, даже если

ему придется жить отдельно, со своей матерью и он будет только навещать нас. Мы говорили о моих взаимоотношениях с Пегги, о том, что я стану своего рода отцом для нее, хотя у нее уже был, разумеется, родной отец.

Когда мы принимались рассуждать о наших жизнях, они зачастую казались нам запутанными лабиринтами, но мы верили, что все сможем преодолеть, потому что мы оба были без ума друг от друга. И так продолжалось еще какое-то время. Потому что мы действительно любили друг друга и могли открыто говорить обо всем. Ну, почти обо всем.

Единственной темой, которую мы старались обходить, являлась тема о нашем совместном ребенке. Это важнейшее обсуждение было отложено на потом. Мы оба обвиняли во всем работу. А кого еще можно винить?

— Я просто хочу, чтобы моя компания «Еда, славная еда» раскрутилась и начала приносить достойные доходы, прежде чем мы заведем ребенка, — заявила тогда Сид. — Для меня это очень важно, Гарри. Ты должен понять.

Сид назвала свою компанию по песне композитора Лайонела Барта к фильму «Оливер». Тут готовили суши, запеченные зити, китайские пирожки с овощами, соте из курицы, мини-пиццы и обслуживали районы Вест-Энда и Сити.

— Но ведь с ребенком трудно что-либо предугадать, — попытался возразить я. — Некоторые пытаются завести ребенка годами. Например, у моих родителей ушло несколько лет, прежде чем я родился.

— Тебя стоило долго ждать. И нашего ребенка тоже стоит подождать. Она будет замечательной малышкой.

— Но ведь может родиться и мальчик..

— Тогда он будет замечательным малышом. Только сейчас не время. Послушай, ты ведь знаешь, что я не меньше твоего хочу ребенка.

Я подумал, что это еще неизвестно.

— Только не сейчас. Дай мне только возможность раскрутиться, — повторила она. — Когда-нибудь, ладно? Совершенно точно когда-нибудь. Просто мне нужно сначала кое-что сделать.

Компания «Еда, славная еда» оказалась успешной и быстро набирала обороты. Обеды, всевозможные вернисажи, презентации, банкеты... У них заказывались огромные партии блюд. У Сид уходило невероятное количество времени на все, но это была именно та работа, о которой она всегда мечтала. Ее собственный бизнес. Так что прямо с шикарного приема в новом модном отеле она со всех ног бежала на очередную премьеру и только потом домой, а я тем временем, как тинэйджер, стоял в очереди за презервативами.

«Что-нибудь еще желаете, сэр?» — «В общем-то, да. Поскольку вы об этом заговорили, мне хотелось бы ребеночка. Не найдется ли у вас на складе одного для меня?»

— Мне хочется создать что-нибудь свое, — рассуждала Сид. — Ни разу в жизни мне этого не удавалось. Я всегда работала на других, выполняя незначительные обязанности, которые лично для меня ничего не значили. После того, как у меня родилась Пегги, я была официанткой. Но я кое-что умею, Гарри. И умею это делать хорошо. Я могу приготовить что угодно и к тому же не боюсь тяжелой работы. И еще я знаю, что хотят мои клиенты, я для этого достаточно сообразительна, и у меня есть определенный талант.

— Я это знаю. Конечно, у тебя все это есть.

— Я хочу создать что-то свое, заработать денег, хочу, чтобы и ты, и Пегги гордились мной.

— А я уже горжусь тобой.

— Но понимаешь ли ты меня? Пожалуйста, постарайся понять. Я так хочу, чтобы наш брак удался. Конечно же, дети — это одна из важнейших составляющих брака, но еще необходимо и понимать друг друга.

— Я понимаю.

Говоря это, я улыбался, чтобы доказать правдивость своих слов. Я понимал. По крайней мере, мне так казалось. Мне хотелось, чтобы она преуспела в своем бизнесе, потому

что я знал, насколько это для нее важно. Я видел, что Сид отличается от других мамаш подруг Пегги, которые забыли о карьере и ушли от дел, весьма перспективных и успешных, лишь для того, чтобы завести детей. Моя жена решила поступить по-другому. И кстати, она была ничуть не глупее этих мамаш. Так почему же не предоставить ей возможность делать то, что у нее получается и о чем она так мечтает?

Правда, я подозревал, что желание завести ребенка охлаждал не только ее бизнес. Она устала от жизни с Джимом, и, может, ей хотелось опробовать наш брак на прочность в течение некоторого времени, немного отдохнуть и пожить для себя, прежде чем добавлять в нашу и без того не простую жизнь очередную порцию сложностей. В глубине души я подозревал еще об одной причине, о которой никогда не будет сказано вслух. Сид откладывала беременность еще и потому, что не верила в то, что я буду соблюдать брачный обет и в конце концов не окажусь самым заурядным мужчиной. Очередным Джимом. Она не хотела заводить ребенка от человека, который может ее бросить. Теперь уже во второй раз. И я могу ее понять. Потому что чувствую то же самое.

Пока я ехал домой из ресторана, я думал, что если мы заведем ребенка, то для нас мало что усложнится, все станет, наоборот, гораздо проще. Наш общий ребенок — это ведь то, чего нам не хватает. Чтобы все удержать. Чтобы создать дом, в котором для каждого из нас, включая Пэта, найдется свое место.

Все еще ощущая боль в мышцах рук, там, где меня держали мертвой хваткой официанты, я начал понимать, что ребенок нам нужен, чтобы превратить нашу смешанную семью в нормальную, обычную.

Мне нужно было снова стать настоящим отцом. Для Пегги. Для ребенка, который родится у нас с Сид. И для мальчика, которого у меня хотели отобрать.

***

— Дорогой, помоги мне, пожалуйста.

Сид готовилась к очередному банкету. Вся кухня была заставлена серебряными подносами, затянутыми полиэтиленовой пленкой. Сегодня в меню полностью отсутствовали макаронные изделия. Да и вообще из мучного имелись только хлебцы с оливками да крошечные пиццы с морепродуктами, изготовленные размером с компакт-диск. Зато тут можно было найти помидоры, фаршированные рисом, итальянскую ветчину с инжиром, крупные ломти моцареллы, украшенные листьями базилика и так далее и тому подобное.

Я помог жене отнести подносы в машину, а она тем временем рассказывала мне о предстоящем банкете. Развивающийся бизнес все еще действовал на нее возбуждающе.

— Премьера на Шафтсбери-авеню. Некая голливудская звезда, которая собирается делать театральную постановку. Кажется, Ибсена. Точно не знаю. Во всяком случае, что-то скандинавское. У нас заказ на банкет для двухсот человек, который состоится сразу же после премьеры.

Когда ее микроавтобус оказался полностью загружен итальянскими деликатесами, она захлопнула дверцы и посмотрела на меня. Сид, наконец, обратила внимание на выражение моего лица и тут же поняла: что-то случилось.

— В чем дело?

— Джина и этот неудачник, за которого она вышла замуж. Они собираются уезжать из страны. И забирают с собой Пэта.

— Навсегда?

Я утвердительно кивнул головой:

— Негодяи. И он, и она.

— Зачем им это?

— Из-за Ричарда. В Лондоне у него не получилось с работой. Он хочет попытать счастья в Нью-Йорке. Как будто его несчастная карьера — это единственное, что имеет значение! Как будто Пэт уже ни на что не имеет права.

Она обняла меня. Она понимала, что это для меня значило.

— Как ты отнесешься к тому, чтобы Пэт переехал к нам жить? — спросил я.

- Но ведь Джина не согласится на это?
- А если согласится? Ты не будешь против?
- Все что угодно. Лишь бы тебе было хорошо.
- Спасибо.

Мне стало грустно. Я подумал, что она не сказала о том, что тоже будет рада, если Пэт переедет к нам. Но она и не могла сказать этого. Она дала понять, что не будет возражать. Я знал, что моя жена добрая и благородная женщина, что она меня любит и искренне говорила все это.

Ну почему мне этого недостаточно?

Потому что я хочу, чтобы мой сын значил для нее столько же, сколько для меня. Даже теперь, когда женитьба все изменила, потому что быть женой отца Пэта значит гораздо больше, чем быть просто подружкой отца Пэта. Но я хотел, чтобы она смотрела на него моими глазами и видела, насколько он особенный, замечательным, красивый. Я хотел, чтобы Сид смотрела на Пэта глазами матери. Но, к сожалению, это возможно только тогда, когда есть кровное родство, которое ничто не заменит.

— Господи! — воскликнула она, глядя на часы. — Мне нужно бежать. Давай поговорим обо всем, когда я вернусь?

— Конечно.

Она сжала мою руку и чмокнула в щеку:

— Все наладится, милый. Вот увидишь. Ну, я побежала. Не забудь, что Джим должен заехать за Пегги.

Разве я мог такое забыть?

Эпизодические посещения Джима приобрели такую же важность, как визит главы государства. Возбуждение в нашем доме постепенно нарастало по мере приближения этого важного события. Если рассуждать логично, я должен был бы испытывать к Джиму некоторое сочувствие. Все же он был таким же «воскресным отцом», разлученным со своей «кровью и плотью». Но вместо этого меня всякий раз переполняли негодование, горечь и зависть. У меня на это имелись самые объективные причины: моя жена полюбила его первым (определенно) и очень сильно (возможно). К тому же были еще причины, не имеющие никакого отношения к моей ревности.

Джим появлялся, когда хотел и когда ему это было удобно. Все это могло бы повредить его репутации в нашем доме, но почему-то этого не происходило. Ему все прощалось. Чтобы он ни сделал, Пегги была от него без ума и с огромным нетерпением ждала его появления.

Именно на примере Пегги и Джима я понял, что любой ребенок готов любить своих родителей всем сердцем, несмотря ни на что. И даже в том случае, если родители этого не заслуживают.

***

Джим опаздывал. Сильно опаздывал.

Пегги стояла на стуле у окна, прижав лицо к стеклу, в ожидании отцовского мотоцикла.

Джим не приедет. Я чувствовал это, потому что так случалось и раньше. На этот раз Пегги не суждено провести вечер с отцом.

Зазвонил телефон, и Пегги бросилась к нему. Я опустился на колени и стал собирать игрушки — всякие принадлежности куклы Люси-пилота и ее приятелей, составляющих команду авиалайнера.

Так легко растерять все эти мелкие штучки, а потом она будет переживать, что не может их найти. Я аккуратно поставил на место игрушечный поднос с напитками, предназначенный для стюарда.

В комнату вошла Пегги, держа в руке телефон, стараясь сохранять хладнокровие. При этом она поджала нижнюю губу, чтобы та не дрожала:

— Это папа. Он хочет с тобой поговорить. Я взял у нее трубку:

— Джим?

В трубке слышалась музыка и слова песни: «Крошка, давай расслабимся, крошка,

давай-давай...»

— Я у зубного врача! — прокричал в трубку Джим, стараясь перекрыть гром музыки. — Сегодня у меня не получится. Ужасно обидно. Попробай объяснить ей, ладно, Гарри? Мне чертовски неприятно, но внезапно выяснилось, что мне нужно срочно поставить пломбу.

Я нажал на кнопку отбоя.

Пегги исчезла. Она зарылась под одеяло у себя в спальне. На стенах были развешаны афиши мальчишеских музыкальных групп и плакаты с куклой Люси во всех ее перевоплощениях. И вот теперь все эти довольные и счастливые лица наблюдали за одной-единственной расстроенной девочкой.

Я погладил ее по голове:

— Твой папа приедет в следующий раз, дорогая. Ты ведь знаешь, что он тебя любит.

— У него болит зуб.

— Я знаю.

— Ему больно.

Она села на кровати, я вытер ей слезы бумажным носовым платком с изображением куклы Люси. Я думал о том, какая она необыкновенная девочка и что она заслуживает лучшего, чем такой бесшабашный отец.

— Расскажи мне какую-нибудь историю, Гарри. Только не из книжки, а из головы. Настоящую историю.

— Настоящую?

— Угу.

— Хорошо, Пег. — Я подумал некоторое время. — Давным-давно жил был старик по имени Джеппетто.

— Какое смешное имя.

— И вот Джеппетто нашел волшебное полено, которое — представляешь? — могло смеяться и плакать.

Она с сомнением улыбнулась:

— Правда?

— Абсолютная правда.

— Ты выдумываешь, Гарри, — проговорила она, расплываясь в улыбке.

— Нет, не выдумываю, Пег, — ответил я, улыбаясь в ответ. — Это чистая правда. И из этого волшебного полена — представляешь? — Джеппетто сделал Пиноккио.

— А кто такой Пиноккио?

— Он был куклой, Пег. Деревянной куклой, которая могла вести себя как настоящий человек. Он умел плакать, смеяться и все такое. Но больше всего на свете ему хотелось стать настоящим папой... Я сказал «папой»? Я хотел сказать — «мальчиком». Пиноккио хотел стать настоящим мальчиком.

7

— В жизни нас торжественно объявляют лишь дважды, — усмехнулся Эймон. — Сначала — мужем и женой, а потом — покойным.

Работа была всегда. Даже тогда, когда моя мать спала с зажженным светом, а моя жена посылала меня в аптеку за презервативами. Даже тогда, когда мой сын собирался уезжать на всю жизнь на другой конец света. Работа была всегда.

С ней намного проще, чем с семьей. На работе легче почувствовать себя преуспевающим. Но что бы ты ни делал в офисе, никогда не следует пытаться повторить то же самое дома.

— Я родом из типичной большой ирландской семьи, — говорил Эймон, расхаживая по телестудии, оборудованной под один из тех клубов, в которых он оттачивал свое мастерство комедийного рассказчика. — В семье было десять детей.

Раздался свист из публики, которой внушили, что надо реагировать так, будто они находятся не в стерильной телестудии Уайт-Сити, а в одном из подвальных Сохо.

— Да, я все понимаю. А вы можете себе это представить? Десять душ. Но после десятого ребенка мои родители стали применять один отличный способ контрацепции. Он никогда не подводил. Каждый, вечер, перед тем как идти спать, мои родители проводили около двух часов со мной и моими братьями и сестрами...

Даже когда моя бывшая жена начала обвинять меня в том, что я без видимых причин напал на ее теперешнего мужа, и стала снова заводить разговор об ограничении моих посещений, хотя в этом совсем не было нужды, поскольку скоро я буду ограничен разделяющим нас Атлантическим океаном, все равно всегда была работа. И даже когда каждый час, проведенный с моим сыном, ощущался как еще один час, который прошел, — отсутствующие отцы чувствуют это особенно остро: не *час, проведенный вместе*, а еще один *час, приближающий расставание*, — даже тогда была работа, с ее холодным эпизодическим удобством, приятным ощущением самореализации, с Эймоном и его блестящей карьерой.

— Однажды мой отец пришел домой с работы и застал мою мать в постели с молочником, — рассказывал Эймон. — Она, естественно, была в ужасе. «Боже, только не говори об этом почтальону!» — воскликнула она.

Эймон Фиш прошел длинный путь с тех пор, как впервые появился на пороге моего дома два года тому назад. Он был испуган, темноглаз, симпатичен и только что попробовал свои силы как актер-сатирик. Он не знал еще, чему суждено произойти с ним на телевидении: сделает ли оно его известным или сожрет с потрохами. Теперь он обладал всеми внешними атрибутами успеха: у него имелось собственное шоу, которое выдержало уже четыре сезона, три национальных телевизионных приза и две квартиры без ремонта в модных престижных районах Дублина и Лондона. Ах да, и еще пристрастие к кокаину на сумму 200 фунтов в день.

Несмотря на свой шумный успех в Лондоне, то что он давно отошел от зеленых ирландских лугов, Эймону до сих пор нравилось изображать из себя этакого простачка с широко раскрытыми от удивления глазами, только что прибывшего из деревни самолетом ирландской авиакомпания. Он хватался за мифические легенды о своей прошлой жизни, как утопающий за ненадежный спасательный жилет.

Я был режиссером его самого первого ночного шоу. «Фиш по пятницам» имел успех, потому что мы делали ставку на сильные стороны Эймона. Несмотря на два года телевизионных программ, в душе он все еще оставался эстрадным актером-сатириком. Он мог говорить с гостями, болтать с многочисленными участниками постановки шоу, хотя лучше всего у него получалось, когда он разговаривал сам с собой.

— Большинство ирландских младенцев необыкновенно красивы. Поверьте мне, это правда.

Для расстановки акцентов он использовал небольшое покашливание, которое позаимствовал у своего кумира Вуди Аллена, хотя потом переделал его на свой лад.

— Но когда родился я, то был так безобразен, что акушерка заявила: «Еще не готов», — и попыталась запихнуть меня обратно. Я, право, не знаю. Здесь у вас все совсем по-другому: большинство гинекологов — мужчины. Как это объяснить? Это как автослесарь, у которого никогда не было своей машины.

Самый большой успех у зрителей всегда имели монологи о мужчинах и женщинах его родного ирландского городка Килкарни, которые сопровождались взрывами смеха. И получались они у Эймона очень естественными. К тому же он был все еще достаточно молод, чтобы продолжать совершенствовать свое мастерство. Два года перед телекамерами придали Эймону уверенности в себе, которой у него раньше не было. Теперь он уже не стремился к тому, чтобы его все любили, он мог позволить себе расслабиться и работать, хорошо зная, что при этом полностью владеет аудиторией. Подобно другим актерам, с которыми мне приходилось работать на телевидении, его аудитория была единственным, что

он мог контролировать в своей жизни.

— Я подумываю о том, чтобы снова сойтись с моей подружкой Мем. Она тайландка. Танцовщица. Вернее, не совсем танцовщица. — Тут он подкашливает. — Скорее стриптизерша. — Смешок. Зрители в студии смотрят ему в рот. Они смеются даже тогда, когда он не шутит. — Замечательная девушка. Если посмотрите на наши с ней фотографии — когда мы были в Кох Самуи, во время Рождества в Ирландии или где она исполняет танец в честь моего дня рождения, — вы увидите, что мы созданы друг для друга. Но эти фотографии не отражают по-настоящему наши отношения. Я-то знаю. В нашей жизни были и не столь светлые моменты. Но мы не фотографировались во время них. Интересно, почему мы всегда снимаемся только тогда, когда нам хорошо? Почему я не сфотографировал Мем, когда она болела циститом? А ее плохое самочувствие перед месячными? Где же фотографии всего этого в альбоме?

Громкий смех. Насмешливые выкрики девушек.

— Мы расстались, потому что не сошлись по вопросу брака. Вообще-то холостяки знают больше о браке, чем женатые мужчины, потому что если бы это было не так, то мы бы тоже были женаты. Лично я считаю, что семейная жизнь — это когда переоцениваешь качества одной женщины по сравнению со всеми остальными. А моя подружка считает — ой, боже мой! — На лице и на руках Эймона вдруг появилась кровь. Кровь везде, она брызжет на микрофон, ее столько, что непонятно, откуда она льется.

Дежурный администратор выразительно смотрит на меня, а Эймон тем временем пятится назад, прикрывая лицо руками. Зал замирает. Все шокированы, поражены, но кое-где раздается осторожный смех, так как кто-то думает, что это очередная заготовка, часть представления. Я жестами — ладонью поперек горла — показываю режиссеру на галерее, чтобы срочно останавливали съемку. И тут я понимаю, что кровь идет у Эймона из носа.

Работа была всегда. Несмотря на то что дома имелось множество проблем, всегда была работа.

Затем Эймон оказался весь залит кровью. И все это в прямом эфире.

А дальше не было даже работы.

***

Пэт не заговаривал о переезде.

Я знал, что Джина обсуждала это с ним, пытаясь объяснить, почему это нужно и что это будет значить. Она говорила о работе Ричарда на Манхэттене, об их доме в Коннектикуте — все эти названия были так же далеки для Пэта, как Марс или Венера. Она пыталась убедить его, что хотя он и не будет больше видеть меня по воскресеньям, как теперь, но зато у него будут долгие каникулы, во время которых он сможет проводить время и со мной, и с бабушкой, и с Берни Купером. Он сможет делать в Лондоне все, что ему нравится. Она говорила нашему сыну, что ему в Америке будет хорошо. Говорила всю эту чушь.

И, наконец, —я могу представить себе его бледное личико, поднятое к ней, на котором ничего не выражается, даже его страхи, — она выдала свой главный козырь. Как только они уедут из Лондона и поселятся в новом доме среди зеленых лугов Коннектикута, она сразу же купит ему то, что он всегда хотел иметь. Собаку.

Именно это моя бывшая жена пообещала нашему сыну как компенсацию за то, что он оставит Лондон, бабушку, отца, лучшего друга, свою жизнь. Когда он переедет в другую страну, она купит ему собаку. Настоящую собаку, чудо-пса, который сумеет сделать жизнь Пэта счастливой.

Я проклинал Джину и то, что ее решение и выбор до сих пор способны разбить мой мир на составные части. В течение всего времени, прошедшего со дня нашего развода, я все еще не освободился от нее. Частички Джины внедряются в мою жизнь, подобно осколкам разорвавшей гранаты. Так на протяжении пятидесяти лет из тела моего отца выходили черные кусочки шрапнели. Невозможно избавиться от прошлого. Я никогда не буду свободен, потому что у нее остался мой сын. А теперь она увозит его от меня.

Остановить ее в состоянии только адвокаты.

Когда я затронул вопрос переезда — вроде бы походя, с легкостью, которой я совсем не ощущал, — маленькое личико Пэта, которое я так люблю, стало похожим на маску.

— Ты пришлешь мне открытку, Пэт? Ты отправишь папе открытку, как только приедешь в Америку?

— Я pošлю тебе сообщение на мобильный. Или по электронной почте. А может быть, позвоню по телефону.

— Ты не хочешь послать мне открытку? Мне нравится их получать. Это так здорово!

— Но я не знаю, как это сделать.

— Мама тебе объяснит.

— Да? Тогда я, может быть, и pošлю тебе открытку. Может быть.

— Главное — скорее приезжай домой. Приезжай и побудь со мной. На каникулах. Это самое главное. Ладно, дорогой?

— Ладно.

— И вот еще что, Пэт...

— Что?

— Я буду по тебе скучать.

— Я тоже, — сказал он.

Я опустилсЯ на колени и обхватил его, прижав к себе, зарывшись носом в его светлые волосы. Я ощутил запах шоколада, исходящий от него, и чуть не задохнулся от любви к нему.

— В Америке будет замечательно, — сказала моя мать, и я понял, что она пытается таким образом подбодрить и своего сына, и своего внука. — Нью-Йорк, Нью-Йорк... Ты только вслушайся в это слово! Этот город такой замечательный, что ему дали двойное имя. Вот повезло тебе!

— Это за морем, — сказал Пэт, повернув к ней лицо. — Как Франция. И Париж. Только немного дальше. Знаешь, туда не ходят поезда. Туда только летают самолеты.

— Тебе будет очень хорошо в Америке, милый. Самое забавное в моей матери то, что она верила во все, что говорила. Она настолько искренне любила своего внука, что самым важным для нее было его счастье. И даже если она считала, что поступок Джинны — тащить его на другой коней света, лишив общества друзей, оторвав от школы, от отца и бабушки, когда жизнь только начала налаживаться, — просто сумасшествие, моя мать ни словом не обмолвилась об этом.

Мы пошли навестить могилу моего отца. Для моего сына так же, как и для моей матери, было удовольствием провести воскресный день на кладбище. Они обожали туда ходить. Я не так любил эти посещения, потому что, увидев тело отца в похоронном зале, понял, что та искра, которая делала его любимым и неповторимым, погасла. Я не верил, что мы идем встретиться с ним на церковном кладбище, с холма которого виднелись поля, где я мальчишкой бегал с воздушным ружьем. Мой отец находится сейчас в каком-то другом месте. Но посещение кладбища уже не действовало на меня так угнетающе, как это бывало раньше.

Не помню, когда я перестал расстраиваться, приходя сюда. Должно быть, приблизительно через год. Тогда, когда мы начали больше ценить его жизнь, чем скорбеть о его смерти. Теперь посещения могилы отца уже носили практический характер — поменять засохшие цветы, протереть надгробную плиту. А то и убрать окурки сигарет или пустые банки из-под пива, оставленные местными панками, пытающимися доказать друг другу, что они становятся настоящими мужчинами.

Эти посещения имели определенный символический смысл. Мы приходили сюда, чтобы вспомнить отца, показать, что он важен для нас, что мы его любим. Мы приходили именно сюда, потому что больше некуда было пойти. Только назад в воспоминания, которые запечатлены на старых фотографиях, уже начинающих тускнеть. Но было и еще кое-что.

Поскольку сборы в Америку уже начались, я чувствовал, что сегодня должен привести моего мальчика на могилу к деду точно так же, как в свое время я привел его, несмотря на

всякие протесты, когда дед уже умирал. Они боготворили друг друга. Этот солдат старой закалки и маленький симпатичный мальчик. Сейчас, как и тогда, я твердо знал, что обязан предоставить им последнюю возможность попрощаться.

***

Потом мы вернулись домой к моей матери. Она надела мягкие комнатные тапочки и отправилась в сад играть с Пэтом в футбол.

Она, казалось, находилась в приподнятом настроении, загоняла пластиковый мяч в розовые кусты, напевала отрывки из песен Долли Партон и упорно называла себя Пеле. И только когда ее внуку надоело это пустое занятие и он оправился смотреть видео, моя мама перестала притворяться.

— Он очень волнуется, — произнесла она, качая головой и яростно начищая и без того сверкающую раковину. — Мой дорогой мальчик выглядит растерянным.

Она была права. И ее слова заставили меня осознать, какое большое значение имеет этот переезд в жизни моего сына — невообразимо огромное. Пэт уезжает из Лондона, он покидает отца, лучшего друга Берни Купера, школу, друзей, единственную жизнь, которую он знал. Я все еще не мог осознать, как же все это случилось.

Моя мать оказалась права. Пэт ничего не понимал. Ее мальчик был растерян.

И тол ько сейчас я понял, что мать говорила обо мне.

***

Мы сидели в моей машине около дома Джины, и оба не хотели выходить из нее.

Мы сидели уже неизвестно сколько. Пэт возился с радиоприемником, пытаясь поймать какую-нибудь песню Кайли Миноуг, а я просто сидел, смотрел на него — на его растрепанные волосы, одежду с пятнами от травы — и любовался его небрежным и очаровательным видом.

Эймон считал, что, когда Пэт подрастет, я смогу забрать его к себе. Но я-то знал, что к тому времени мой сын уже станет другим. Малыш, которого я так люблю сейчас, исчезнет навсегда. Так что мы сидели в машине, притихшие от сознания того, что должны потерять. Тут в доме Джины зажегся свет, и я понял, что нам пора.

Обычно я передавал Пэта с рук на руки, как передавали заложников времен холодной войны в условленной контрольной точке «Чарли». Я вел его до калитки, а Джина ждала, стоя в дверях. И мы оба наблюдали, как он идет по нейтральной полосе — садовой дорожке, которая отделяла один мир от другого.

Сегодня все было по-другому. Джина вышла из дома и подошла к машине. Я опустил стекло, ожидая получить очередную порцию упреков за нападение на ее мужа, или за позднее возвращение, а может, за ее загубленную жизнь. Но она улыбнулась мне, почти так же тепло, как раньше:

— Зайди к нам ненадолго, Гарри. Не смотри на меня так. Все нормально. Ричард сейчас играет в гольф.

Пэт неожиданно оживился, забыв о Кайли:

— Да, папочка, пойдем к нам! Ты наконец увидишь мою комнату!

Я никогда до этого не был у них дома. Самым забавным являлось то, что мне собирались показывать дом, перед которым уже стояла табличка, оповещающая всех проходящих, что он продается. Я поначалу для порядка стал отнекиваться, но не сильно, и они оба настояли на своем. Должен признаться, что мне было любопытно. Пэт вел меня за руку, а Джина шла за нами следом.

Это оказался современный дом. Много света, стекла и пространства, блестящие полы, восточные безделушки и со вкусом оформленные черно-белые фотографии на стенах.

— У вас красиво, Джина.

— Выплата кредита нас просто убивает. Это еще одна из причин... — Она замолчала, поняв, что меня не интересуют их финансовые проблемы.

Трудно было догадаться, что в этом доме живет ребенок. Никаких разбросанных игрушек, никакого беспорядка. Пэт потянул меня за руку, уводя вверх по лестнице. Джина

шла за нами, сложив руки на груди и все еще улыбаясь.

Комната Пэта выглядела знакомо. Повсюду валялись старые игрушки из серии «Звездных войн» — пара пластмассовых световых мечей, множество маленьких фигурок героев фильма, сломанные серые детали звездолетов «Миллениум-Фалькон» и «Икс-Уинг», с которыми он играл несколько лет тому назад. А еще я увидел книги, знакомые мне по тому времени, когда я читал их Пэту перед сном: «Где живут дикие звери», «Тигренок, который зашел на чашку чая», «Снеговик», «Лев, Колдунья и Платяной Шкаф» — и, конечно же, всякие картинки и рекламные буклеты, связанные с фильмами «Звездные войны». Здесь же находились и совсем старые игрушки: потрепанная азбука, потертая плюшевая обезьянка по имени Джордж, которую приобрели во время первого и последнего похода в магазин мягких игрушек. Увидел я и новые штучки: кровать оказалась застелена пуховым одеялом с изображением все тех же героев, на письменном столике появились новые школьные учебники и книжки про Гарри Поттера в мягких обложках.

Эта комната была больше той, в которой он спал, когда мы жили все вместе. И конечно же, она была более аккуратной. Либо он изменил свои привычки, либо он теперь жил в доме, где царил порядок.

— Ну, и как тебе моя комната, папочка?

— Отлично, дорогой. Я вижу, что у тебя здесь все есть.

— Да, правда.

Джина погладила его по голове:

— Пэт, почему бы тебе не пойти вниз и не посмотреть видео?

Наш мальчик выглядел крайне удивленным:

— А можно? Разве уже не пора спать?

— Сегодня особенный вечер. Почему бы тебе не посмотреть первую серию?

Когда Джина говорила о первой серии, она имела в виду первый фильм из «Звездных войн».

— Не весь фильм, конечно, а только до того места, когда дroidы берут пленника, ладно? — Это было давнишнее условие. Именно так она всегда говорила: «До того места, когда дroidы берут пленника». Я уже слышал это раньше, даже иногда сам так говорил. — Потом почисти зубы и надень пижаму. Мне надо поговорить с твоим папой.

Пэт побежал вниз, не веря своему счастью. А Джина улыбнулась мне в спальне нашего сына.

— Гарри, — негромко проговорила она.

— Джина, — ответил я. Она выглядела такой стройной и симпатичной. Моя бывшая жена.

— Я хотела кое-что тебе сказать.

— Валяй.

— Не знаю, как это выразить словами. Наверное, я хотела бы объяснить, что не пытаюсь украсть его у тебя.

— Это хорошо.

— Что бы ни случилось, где бы мы ни были, ты всегда останешься его отцом. И ничто этого не изменит,

Я ничего не сказал. Я не стал говорить ей, что сегодня утром был у юриста и что Пэт пойдет к самолету только через мой труп. Я знал, что она пытается быть великодушной, но она не открыла мне ничего нового.

— Жизнь не может всегда опираться на прошлое. И Ричард, и я... мы только думаем о будущем. О будущем нашей семьи. Поэтому мы и уезжаем. Я хочу, чтобы ты постарался это понять. Мы просто думаем о будущем. В семьях так и бывает, Гарри. — Тут она рассмеялась. — Хочешь, я тебе кое-что покажу?

Вдруг она напряглась, как будто мы были незнакомы, и мы оба почувствовали скованность от излишней вежливости.

— Как у тебя со временем?

— У меня его сколько угодно, Джина.

Я последовал за ней из комнаты Пэта. Через один лестничный пролет находился своего рода небольшой кабинет. Тут стояли офисные ящики, книжный стеллаж и голубой монитор компьютера «Аи Мак». На письменном столе — фотография Пэта в два года, на которой он, улыбающийся, сидит голышом в «лягушатнике» бассейна. Комната Джины.

Она открыла большую плоскую картонную коробку и вытащила из нее охапку фотографий Пэта. Размером десять на восемь. Черно-белые, профессионального качества.

Удивительно красивые.

Должно быть, их сделали пару месяцев назад, еще летом, потому что у Пэта были длинные, как до стрижки, волосы и загорелое лицо. Он был по пояс голым, радостным и искрящимся жизнью. На большинстве снимков он смеялся, на других — застенчиво улыбался от удовольствия. Все фотографии были сняты в один солнечный летний день. Пэт дурачился перед объективом в незнакомом мне саду. Наверное, это сад Джины, сад возле этого дома.

У меня, когда я глядел на эти черно-белые фотографии моего сына, перехватило дыхание, потому что фотограф в совершенстве уловил его характер.

На снимках Пэт брызгался водой из бассейна, задыхаясь от восторга, валялся на мокрой траве и швырял футбольный мяч в забор сада, покатываясь от смеха. Его глаза, лицо, худенькие руки и ноги — фотограф не упустил ничего. Меня поразило, что кто-то сумел так хорошо уловить самую суть Пэта.

— Это ты снимала?

Джина отрицательно покачала головой.

— Нет, только вот эту, — ответила она, протянув мне еще одну фотографию. Было видно, что ее сделали и тот же день и тем же фотоаппаратом, но снимал кто-то другой. Пэт спокойно стоял перед камерой и застенчиво улыбался. Рядом с ним я увидел улыбающуюся молодую женщину с экзотической внешностью, которая одной рукой обнимала за плечи моего сына. Она была очень красивой. И сексуальной. И приятной. Она являлась всем, что только можно захотеть.

— Ты ведь никогда не встречался с моей подругой Казуми? — спросила Джина. — Мы с ней целый год жили в одной квартире в Токио. Она сейчас в Лондоне. Хочет стать фотографом. Она просто влюбилась в Пэта. Ты сам это видишь.

Мне тут же захотелось встретиться с ней. С этой женщиной-фотографом, которая так ясно разглядела моего сына, его нежную и радостную сущность. Эту незнакомку, которая сумела заглянуть за напряженную, не улыбчивую маску, которую он научился теперь носить. Эту женщину, которая смотрела на моего сына *моими* глазами.

Неожиданно в моей голове опять ожилата самая мысль, которая является самым началом измены. Опаснейшая мысль для любого женатого мужчины.

«Она где-то там. Она существует.

Просто я еще ее не встретил».

8

Я надеялся, что мой адвокат поможет мне удержать сына, полагая, что вот сейчас он сообщит о нарушении Джинкой некоего закона, предусмотренного природой, и что правовое законодательство не позволит ей преступить его. Как же я ошибался.

— Но ведь родители имеют определенные права, не так ли? — говорил я.

— Все зависит от того, что вы подразумеваете под словом родители, — покачал головой Найджел Бэтти. — Мистер Сильвер, существуют разные категории родителей. Родители, состоящие в браке друг с другом и не состоящие. Мачехи и отчимы. Усыновители и опекуны. Определите ваше понимание термина «родители».

— Вы знаете, кого я имею в виду, Найджел. Родителей, зачавших ребенка в любви и браке. Путем оплодотворения яйцеклетки сперматозоидом. Как у птичек и пчелок.

Биологических родителей в традиционном понимании.

— А, в традиционном понимании. *Таких* родителей.

Найджел Бэтти был маленьким, задиристым человечком и имел репутацию борца за права мужей и отцов, которые пострадали во время бракоразводных процессов.

Я познакомился с ним, когда он вел мое дело о разводе с Джиной и занимался нашим спором о том, где будет жить Пэт. Тогда глаза-бусинки Наиджела прятались за выпуклыми, как донышко молочной бутылки, стеклами очков. Потом он избавился от близорукости при помощи лазерной хирургии и перестал носить очки, но в силу привычки продолжал смотреть на мир, прищуриваясь. От этого он выглядел подозрительным, недоверчивым и враждебно настроенным — человеком, который сам напрашивается на неприятности.

Честно говоря, я не позволил ему распоясаться по отношению к Джине. Он-то собирался представить ее чуть ли не вавилонской блудницей и, соответственно, думал буквально растоптать ее на суде. У меня на это не хватило духу. Что бы ни происходило между нами, Джина не заслуживала такого отношения. Так же, как и мой сын.

В борьбе за Пэта я признал себя побежденным, понимая, что для него так будет лучше. Я проявил благородство. А теперь чувствовал себя самым большим неудачником на свете.

У Бэтти имелись личные причины для фанатичной борьбы за права мужчин. В прошлом он был женат на иностранке. Результатами этого брака стали девочки-двойняшки и тяжелейший развод. Я знал, что он вообще не видится со своими детьми, но по какой-то необъяснимой причине вообразил себе, что в моем случае он сможет добиться всего.

— Это ведь правда, что моя жена не сможет этого сделать? Она не сможет просто так взять и увести моего сына навсегда в другую страну? Так или нет?

— Возражает ли родитель-опекун против контакта?

— Послушайте, Найджел, говорите по-человечески!

Он вздохнул:

— Если этот переезд произойдет, будет ли ваша бывшая жена возражать против того, чтобы вы виделись с сыном?

— Но он же будет жить за Атлантическим океаном!

— Но ваша бывшая жена не собирается лишать вас права его видеть?

— Она лишает меня этого права, увозя его жить в другую страну.

— Понятно.

— Послушайте, а что можно предпринять? Каким образом мы можем ее остановить? Мне плевать на расходы и все равно, что вы будете делать или говорить. Я согласен на все.

— Не буду напоминать, что я вас еще тогда предупреждал. Но именно вы захотели следовать правилам честной игры.

— Послушайте, Найджел, ответьте мне на главный вопрос: может ли она вывезти моего сына из страны?

— Может ли? Нет. Без вашего согласия не может.

— Не может без моего согласия? Адвокат утвердительно кивнул.

— Если она вывезет вашего ребенка из страны без вашего согласия, то она поступит неправильно. — Он хищно улыбнулся. — На юридическом языке мы называем такой поступок похищением.

— Значит, ей необходимо мое согласие?

— Именно.

— Но это же прекрасная новость! Отлично, Найджел. А что она может сделать, если я не дам согласия?

— Ей придется обратиться в суд за официальным разрешением на вывоз ребенка с территории одной страны в другую на постоянное место жительства.

— Значит, не дав согласие, я еще не могу быть наверняка уверенным в том, что остановлю ее?

— Если вы решите не соглашаться на его выезд, а она захочет бороться за свое право, то окончательное решение примет суд. Все закончится этим. У вас будут сложности в том,

чтобы видиться с сыном, если он уедет?

— Понимаете, это ведь Коннектикут. Мне будет сложно просто так заскочить повидать его в воскресенье.

— Конечно, сложно. Но ее адвокат наверняка будет говорить о том, что между Лондоном и Восточным побережьем летает множество дешевых рейсов, а у вас, насколько я помню, хороший стабильный доход. — Тут он заглянул в свои записи: — Продюсер на телевидении. Ну, конечно. Должно быть, интересная работа. Я видел что-нибудь из ваших постановок?

— Я начинал с шоу Марти Манна, а сейчас выпускаю «Фиш по пятницам».

— А, отличное шоу. — Он принялся вспоминать. — «Почему ирландские девушки занимаются сексом с закрытыми глазами?» И тут он покашливает, совсем как Вуди Аллен. У него так здорово это получается. «Потому что не хотят видеть, как мужчина получает удовольствие». Очень забавно.

Тут я вспомнил, что редактор шоу Барри Твист целую неделю пытался мне дозвониться и оставлял сообщения на автоответчике. Именно сейчас, когда на меня свалилось столько забот, на студии все заволновались по поводу Эймона. Впервые до меня дошел смысл высказывания Марти по поводу хранения всех яиц в одной корзине. Если Эймон провалится, то я провалюсь вместе с ним.

— Если переезд в Америку осуществится, ваша бывшая жена будет отказывать вам в общении с сыном в разумных пределах?

— Как это? — не понял я.

— Ну, вы сможете вообще когда-нибудь опять увидеть своего сына?

— Ну, она говорила, что я смогу приезжать и навещать его во время каникул. Или он сможет приезжать сюда. Но это ведь не то же самое, что жить в одном городе, правда? Мы будем жить порознь. — Я покачал головой. — Я чувствую, что он... как бы ускользает от меня, что ли.

— Это ощущение мне знакомо.

— Не знаю, как мы сможем объяснить ему все это. Я имею в виду переезд в Америку.

— Ну, семилетнему мальчику можно наплести что угодно. Вопрос — нужно ли вам это делать? Послушайте, мистер Сильвер, мы можем заставить ее обратиться в суд за официальным разрешением на вывоз сына. Можем попытаться убедить суд, что ребенок при этом подвергается некоему риску. Обращение в суд даст нам выигрыш во времени, хотя это будет и дорогое, и травмирующее предприятие. И я должен предупредить вас о том, что последствия могут быть непредсказуемыми.

Только усилием воли я заставил себя не смотреть на фотографию двух улыбающихся маленьких девочек, которая стояла на его столе. Потому что я знал: Найджел Бэтти прошел через точно такой же судебный процесс и проиграл его.

— То, что случилось со мной, вовсе не обязательно должно повториться с вами, — тут же сказал он, словно прочитав мои мысли. — Вашей жене придется представить суду детальное описание всех предлагаемых мероприятий, которые она планирует осуществить для вашего сына. Место проживания, обучения, меры по охране его здоровья, условия его содержания, контактный адрес, телефон и так далее. А после этого суд будет решать, стоит ли принимать какие-нибудь меры.

— Каковы мои шансы?

Я слышал, как он тяжело вздохнул:

— Не очень обнадеживающие. Существует так называемый фактор предпочтения материнской опеки. Вам понятен смысл данного термина?

— Нет.

— Это означает, что в девяноста девяти случаях из ста отец проигрывает.

— Но это же несправедливо.

— После развода опеку над ребенком передают в основном матери. Считается, что закон заботится о благополучии ребенка. На самом же деле закон просто потакает желаниям

матери. Чувствуете разницу? Закон не столько заботится о ребенке, сколько о матери. Если ваша бывшая жена сумеет убедить суд, что она не собирается лишать вас контакта с ребенком и что благополучие ребенка не пострадает от перемены места жительства, тогда она сможет увезти его, куда пожелает. А теперь позволь мне кое-что сообщить вам из своего личного опыта: со мной случилось именно так.

Он взял со стола фотографию, внимательно смотрел на нее некоторое время и поставил на место, повернув ко мне. Я увидел двух улыбающихся девочек, которые оказались навсегда потерянными для их отца.

— Тогда не остается никакой надежды.

— Надежда есть всегда, мистер Сильвер. Вы можете придержать согласие, и мы подадим на получение распоряжения на контакт. По крайней мере, это немного затормозит ее. Отправим ее в аэропорт окружным путем. Кто знает? Может быть, это даже остановит ее и она никуда не поедет.

— А в контактном распоряжении будет указано, что я могу общаться с ребенком? Она не может препятствовать нашим встречам с Пэтом?

— Не совсем так. Вы будете названы как лицо, которому предоставляется контакт.

Названное лицо. Когда-то я был отцом. Теперь я уже названное лицо.

— В нашем обществе широко известно понятие «отсутствующий отец», мистер Сильвер. Не так уж часто приходится слышать о порядочных отцах, которым по прихоти судьи отказано в общении с ребенком. Я много раз был свидетелем, как отцы ломались, после того как теряли контакт со своими детьми. Ломались в прямом смысле этого слова. Получали нервные срывы, инфаркты, у них подскакивало давление, в результате чего происходил инсульт, совершали самоубийства, становились алкоголиками. Это мужчины, которых убил факт потери контакта с детьми. Мужчины, которые ничего плохого не сделали в жизни.

— Но я-то сделал.

— Что именно?

— Кое-что плохое. Я не похож на этих мужчин. Мой первый брак распался по моей вине.

— В чем именно заключалась ваша вина?

— Наш развод, распад нашего брака. Это моя вина. Я переспал на стороне.

Мой адвокат громко расхохотался:

— Мистер Сильвер, Гарри! Это не имеет к делу никакого отношения. Вам совсем не обязательно сохранять верность своей жене. Господи, что творится в нашей стране! — Его лицо опять приняло серьезное выражение. — Мистер Сильвер, вам придется обдумать еще кое-что. И это самое важное.

— В чем дело?

— Вы должны спросить себя: «А что ты будешь делать, если выиграешь?»

— Но это же хорошо. В этом нет ничего плохого. Если я выиграю, то Пэт останется в стране и у Джинны не будет другого выбора. Мы ведь этого добиваемся, да?

— Как будет чувствовать себя ваша бывшая жена, если вы не дадите ей уехать в Америку?

— Думаю... она станет ненавидеть меня. По-настоящему меня возненавидит.

Тут уже не в первый раз вспомнил о всегдашней мечте Джинны жить в Японии, которой я лишил ее в день нашей свадьбы. Теперь я собираюсь отнять у нее мечту жить в Америке. Получится, что я дважды отнял у нее шанс изменить свою жизнь к лучшему.

— Совершенно верно, мистер Сильвер. Вы не дадите ей возможность прожить жизнь там, где ей хочется. И весьма вероятно, что это скажется на состоянии вашего сына. Даже наверняка скажется. Если вы не дадите ей уехать, то она скорее всего будет настраивать его против вас. И вам станет гораздо труднее общаться с ним. Вообще все затруднится. Так обычно и происходит.

— Значит, вы считаете, что я должен дать ей согласие на вывоз Пэта из страны?

— Я этого не говорил. Но вам, мистер Сильвер, необходимо уяснить себе кое-что в вопросе законодательства о семье. Мы не вмешиваемся. Я имею в виду юристов. Пока родители находятся в согласии, мы — в стороне. Вот когда возникают споры, тогда мы начинаем принимать в этом участие. И уже тогда от нас избавиться не так-то просто.

Я подумал, какой станет моя жизнь, если Пэта увезут в Америку. Какой пустой она будет. Я подумал, какой будет наша жизнь с Сиди и Пегги без Пэта. Мы втроем иногда здорово проводим время и будем это делать всегда. В основном мне запомнились совершенно глупые моменты вроде тех, когда мы отплясывали, дурачась, под музыку Кайли или играли с куклой Люси и ее подружками. А еще я вспомнил те тихие вечера, когда мы существовали одни во всем мире и не было необходимости даже говорить. Но когда Пэт окажется далеко, в другом часовом поясе, наша жизнь всегда будет омрачена некой тенью, даже в самые счастливые моменты. Я мечтал о том, что буду наблюдать, как Пегги растет. В то же время я думал, как же воспитывать чужого ребенка, когда не сумел воспитать своего? Я думал о том, что будет, если Пэт и Джина останутся. Я понимал, что она проклянет меня, обвинит в неудавшейся карьере своего мужа, обвинит во всем, что не сложится в ее жизни. Потом я подумал о том, что будет лучше для моего сына (я честно пытался), но меня захлестнуло сознание того, что я буду ужасно по нему скучать.

— Что бы я ни сделал, я все равно потеряю его, — ответил я. — Я проигрываю в любом случае, правда?

Найджел Бэтти внимательно смотрел на меня:

— Постарайтесь сделать все, что можете, для своей семьи. Вот мой совет. Не как юриста, а как человека. Берегите то, что имеете, мистер Сильвер. Любите свою семью. Не ту семью, которую вы когда-то имели, а ту, которая у вас есть сейчас.

9

У входа в супермаркет путь нам с Пегги преградила полная молодая женщина, которая кричала на капризного маленького мальчика лет пяти.

— Я повторяю тебе, Ронан, в последний раз: нет, черт побери!

— Но мне хочется, — хныкал Ронан, размазывая слезы и сопли по дрожащему подбородку. — Хочу, мама. Хочу. Хочу!

— Ты больше не получишь, Ронан. Можешь хотеть сколько угодно. Но ничего не получишь, ясно? Ты уже достаточно получил сегодня. Тебе станет плохо, если съешь еще. Я тебе дам немного завтра, если будешь слушаться и хорошо пообедаешь.

— А я хочу сейчас, мама. Прямо сейчас.

— Ничего ты не получишь. Разговор окончен. Замолчи, Ронан.

— Хочу, хочу, хочу!

— Вот тебе, Ронан! — крикнула женщина не сдержавшись и, схватив за руку сына, резко крутанула его, сильно шлепнув по задку. Раз, еще раз и еще.

Тут я понял, что женщина не толстая, а беременная. Ронан замолчал на секунду, округлив от удивления глаза, а потом заревел по-настоящему. Беременная молодая женщина потащила ребенка за собой, и его крики раздавались сначала в отделе кулинарии, а потом — в хозяйственном.

Мы с Пегги понимающе переглянулись. Она сидела в магазинной тележке лицом ко мне, болтая ногами. Я был уверен, что в тот момент мы с ней подумали об одном и том же: «Господи, как хорошо, что у нас все по-другому».

Мы с ней частенько чувствовали себя в супермаркете на особом положении. Мы с ужасом взирали на всех этих доведенных до изнеможения молодых и частенько беременных мамаш, оттаскивающих своих ревущих чад от полок с конфетами, а также на хмурых, зловеще молчащих папаш, готовых взорваться по первому поводу, поданному их капризничаящими, надутыми детьми. Мы с ней в таких случаях думали, что у нас все не так.

Мне казалось, что Пегги считала такое поведение неприемлемым. А всех этих орущих

детей невоспитанными. Для восьмилетнего ребенка у нее было необыкновенное чувство такта, достойное Нэнси Митфорд. Все эти ужасные люди, конечно же, не имели никакого представления о том, как следует себя вести в супермаркете. Простонародье. Для меня же это было гораздо больше, чем проявление невоспитанности в магазине.

Когда Сид бывала занята на работе, готовя очередной банкет в Вест-Энде, мы с Пегги вдвоем отправлялись за покупками в супермаркет. И я частенько наблюдал за папами и мамами, делающими покупки со своими родными детьми, и думал: «Ну, чему же тут можно позавидовать?»

Когда наблюдаешь за перебранкой между родителями и их родными детьми, что же тут хорошего? Особенно в многолюдном супермаркете незадолго до его закрытия было легко поверить, что не все у них так уж замечательно, как кажется.

Мы с Пегги получали удовольствие. Может потому, что все же не так часто вдвоем отправлялись за покупками и от этого воспринимали все как маленькое приключение. Хотя теперь это случалось чаще и чаще, потому что «Еда, славная еда» набирала обороты. Мы радостно ходили по рядам, Пегги держала список предполагаемых покупок, сидя на удобном детском стульчике магазинной тележки, и хохотала, когда начинал разгоняться и быстро катить тележку по проходам между рядами стеллажей с продуктами. И хотя для всех мы, должно быть, выглядели как еще один папаша с дочкой, у нас никогда не возникало перебранки, как между родными детьми и родителями.

Мы с Пегги всегда смеялись в супермаркете.

По крайней мере, так был о до сегодняшнего дня.

Во всем был виноват тигр Тони. Если бы у Пегги не имелось неисправимой привычки по три раза в день есть «Фростиз», то и этот поход в супермаркет прошел бы, так же спокойно и безобидно, как всегда.

Но тигр Тони все испортил.

— Теперь хлеб, — нахмурилась Пегги, читая список продуктов, составленный ее мамой.

— Купили, — ответил я.

— Молоко.

Я поднял вверх пластиковую бутылку с молоком пониженной жирности:

— Присутствует!

Пегги рассмеялась, потом прищурила глаза:

— Ту.. Ту-ту...

— Туалетная бумага. Смотри, Пег. Мы взяли столько, что ей можно будет обмотаться нам всем!

— Тогда остался мой завтрак. — Мы находились в ряду по соседству с бакалеей, где на полках стояло множество ярких коробок с изображением призывно улыбающихся героев мультфильмов. — «Фростиз». Они самые кр-р-рутые!

— Нам не нужны «Фростиз», Пег. У нас есть дома кукурузные хлопья, и много.

— Но не «Фростиз», не с тигром Тони. Они кр-р-рутые!

Пегги обожала кукурузные хлопья «Фростиз». Или ей просто нравился тигр Тони со своей коронной фразой «Они кр-р-рутые!».

Уже несколько раз я был свидетелем их с мамой спора по поводу покупки «Фростиз».

Несмотря на то что Пегги любила только «Фростиз», Сид обычно покупала упаковки, в которые входили разные сорта зерновых хлопьев. И в нашем доме было неписаное правило, что Пегги должна съесть все пачки, прежде чем будут куплены новые, включая хлопья со вкусом какао, пшеничные и ненавистные «Особые К». Мы не могли покупать новую упаковку только потому, что она съела все «Фростиз».

Когда вопрос с «Фростиз» вставал в присутствии Сид, она, не обращая внимания на Пегги, просто шла дальше, в другой отдел, и тема отпадала сама собой. Со мной же Пегги чувствовала, что может взять верх и получить дополнительные «Фростиз».

— Гарри, мама так сказала, — заявила она, беря с полки огромную упаковку

«Фростиз», и тигр Тони довольно ухмыльнулся, продолжая скалить зубы даже тогда, когда я взял у Пегги из рук упаковку и поставил ее на место.

— Ну, Гарри! Ты меня просто огорчаешь. Я серьезно.

— Нет, Пег, послушай. Мы придем и купим еще «Фростиз», когда ты съешь все остальные хлопья. Я обещаю. Ладно?

Ее лицо помрачнело.

— Мы купим их сейчас. Сию же минуту. Я не шучу. Ты понял, Гарри?

— Нет, Пег.

Она начала вылезать из тележки. Она была уже слишком большой для магазинной тележки, которая накренилась, и мне пришлось ее подхватить, чтобы она не упала.

— Господи Иисусе, Пег. Ты же башку себе разобьешь!

— Не ругайся, Гарри. Это грубо.

Она вытащила с полки коробку «Фростиз». Я отобрал ее у нее и швырнул назад. На нас начали обращать внимание. Точно так же, как мы с ней смотрели на сцену с Ронаном.

— Перестань так себя вести, Пег, и пойдем домой.

Я подошел, к ней, чтобы поднять и посадить назад в тележку, но она стала вырываться и дергаться.

— Не смей трогать меня, Гарри. Ты не мой отец.

— Что ты сказала?

— То, что слышал.

Я снова наклонился, чтобы поднять ее, но она отступила на два шага назад и громко сказала:

— Я хочу к маме. Ты не мой папа. Перестань притворяться, что ты мой папа.

Возле нас остановилась пожилая женщина с двумя банками кошачьих консервов и пачкой сухого корма для очень породистых котов в корзинке:

— С тобой все в порядке, дорогая?

— С ней все в порядке, — ответил я.

— Извините, — возразила любительница кошек. — Я обращаюсь не к вам. Я говорю с этой маленькой девочкой.

— Он притворяется моим папой, но он не мой папа, — проскулила Пегги, и в ту же секунду глаза ее стали жалостливыми. — Нет, на самом деле все не так.

— Ну вот, — вздохнул я. — Теперь еще тебе не хватает только расплакаться.

— Что за ужасный вы человек, — возмутилась пожилая женщина.

Мимо проходили Ронан с беременной мамой. Ронан успокоился и доедал очередной пакет чипсов.

— Ты в порядке, милая? — спросила эта мамаша.

— Она расстроена, — вздохнула пожилая любительница кошек. — Она хочет к своей мамочке.

— А кто тогда он? — спросила молодая мама, указывая на меня.

— Думаю, никто, — высказалась пожилая женщина.

— Вы кто? Вы ее папа?

— Нет, не совсем.

— Совсем даже нет, — вклинилась Пегги, обхватывая маму Ронана за ногу. — У моего папы мотоцикл.

Пожилая женщина погладила ее по голове. Ронан с подозрением уставился на меня. Вся его мордашка была покрыта крошками от чипсов. Как бы сказала моя мама, он сохранял их «на потом».

Тут вдруг появился бритоголовый представитель службы безопасности магазина, весь из себя в коричневой рубашке и с накачанными бицепсами:

— Что тут происходит?

— Это просто смешно! — воскликнул я. — Мы сейчас же идем домой.

Я протянул к Пегги руки, но она отшатнулась от меня так, словно у меня в руках была

окровавленная бензопила.

— Пусть он меня не трогает!

— Он тебя не тронет, — заявила пожилая женщина.

— Пусть только попробует, — поддакнула мама Романа.

— Мам, — заревел ее сын, демонстрируя непрожеванные куски чипсов во рту.

— Сейчас разберемся, — заявил охранник.

Он подошел ко мне вплотную и легонько уперся мясистыми ладонями мне в грудь. Этот белокожий паренье волосами, подстриженными ежиком, и россыпью прыщей на розовой толстой шее. Через его плечо я видел, как пожилая женщина и молодая мама обнимают Пегги за плечи, бросая на меня гневные взгляды.

— Пройдемте, сэр. Нам надо побеседовать, — сказал охранник, беря меня за плечо. — Прошу пройти в кабинет директора, а там посмотрим, следует ли вызывать полицию.

Я в возмущении сбросил со своего плеча его руку:

— Полицию? Да вы с ума сошли.

— Вы приходите отцом этому ребенку?

— Я — муж ее матери.

— Мы разберемся.

— Никуда я с вами не пойду. Мы сейчас идем домой.

Легкий налет вежливости в поведении охранника мгновенно улетучился. Мне даже показалось, он обрадовался тому, что больше не надо сдерживаться.

— Ты, приятель, пойдешь сейчас со мной, — проговорил он тихо, но убедительно. — По-хорошему или по-плохому, но ты идешь со мной.

— С ума можно сойти. Просто невероятно, — сказал я, но позволил охраннику увести меня с собой, оставив Пегги с ее группой поддержки.

— Мам, — услышал я голос Ронана, — можно мне...

— Нет, черт побери, нельзя, — ответила мама.

***

Целых два часа я провел наедине с прыщавым охранником в маленькой комнатухе, предназначенной для мелких воришек, нарушителей порядка и всяких разных придурков. В конце концов, полицию вызывать не стали, а позвонили моей жене.

Сначала я услышал их шаги, гулко отдававшиеся в коридорах нижнего, служебного этажа супермаркета, потом отворилась дверь, и я увидел свою жену и падчерицу в сопровождении какого-то менеджера в белом халате.

— Привет, Гарри, — произнесла Пегги. — А что это за комната?

— Мадам, — спросил «белый халат», — это он?

— Да он, — проговорила Сид. — Это мой муж. Произнесла она это отнюдь не радостно.

***

— Постарайся хорошо провести время, — говорила Сид, пока наше черное такси медленно пробиралось в вечерних пробках Вест-Энда. — Я знаю, что тебя совсем нет для этого настроения, особенно после ареста.

— Меня не арестовывали.

— Неужели?

— Меня пригласили, чтобы задать вопросы.

— Ах, вот оно что...

— Большая разница.

— Конечно. Но, пожалуйста, постарайся хорошо провести время. Сделай это для меня.

— Хорошо, — ответил я. — Постараюсь. Для тебя.

И я собирался это сделать, потому что знал, насколько этот вечер для нее важен. Сид всегда ходила со мной на вечера и банкеты, связанные с моей работой. На всякие торжественные обеды, посвященные открытию или завершению того или иного сезона, на многочисленные церемонии вручения наград и множество других мероприятий, которые мне

приходилось посещать как режиссеру шоу «Фиш по пятницам». И она никогда не жаловалась.

В отличие от Джинны, которая, как правило, возвращалась с вечеринок домой в слезах и гнев, потому что кто-то говорил с ней как с идиоткой, потому что она всего лишь домохозяйка, Сид умела получать удовольствие от этих мероприятий. Или умело притворялась, что получает удовольствие. Ради меня.

Сегодня вечером наступила моя очередь поддержать Сид. Мы шли на торжественный ужин, который организовывал Союз рестораторов. Впервые на торжество пригласили главного управляющего компании «Еда, славная еда», а я был ее сопровождающим.

— Ты уверена, что мне не надо надевать галстук? — спросил я. На мне все еще были те же свитер и хлопчатобумажные брюки, в которых меня задержали. — Ты точно знаешь, что там не все будут в костюмах и при галстуках?

Сид в раздумье посмотрела на меня. Она так долго выбирала, в чем ей стоит пойти, и в конце концов надела маленькое черное платье, выгодно подчеркивающее ее ноги, которые я так любил. Ноги танцовщицы. Ноги, которые могли принадлежать самой Сид Шариз. Так вот, оказалось, что Сид совсем забыла про меня.

— Что ты обычно надеваешь на свои приемы? Ну, ты знаешь, в честь начала очередного сезона «Фиш по пятницам».

— Что угодно. Можно надевать все, что хочешь. Но это ведь телевидение.

— Ладно. Все будет нормально. Мне говорили, что это неформальный вечер.

Торжество намечалось в ресторане «Дэнз», в котором я уже бывал с Эймоном и парой исполнительных директоров с телестудии. Это было огромное здание, напоминающее амбар, которое перестроили под ресторан. Здесь подавали современные азиатские блюда, что означало идеально оформленные вариации ассортимента ресторанов Сохо и китайского квартала. С одним отличием: порции здесь подавали гораздо меньше, но зато разложены они были на столах под карикатурными картинками Энди Уорхола, изображающими Дэн Сяо Пина. На официантах были красивые френчи «а-ля Мао», а посетители, как правило, одевались именно так, как привык я сам, — дорого, но просто.

Но только не сегодня.

Как только наше такси подъехало к ресторану, у меня внутри все перевернулось, потому что все мужчины красовались в смокингах.

Кроме, разумеется, меня.

— О господи, Гарри! — воскликнула Сид. — Прости меня.

— Да уж....

— Хочешь, поезжай домой.

— Ничего, прорвемся.

— Ты совсем не обязан, дорогой. Это моя вина.

— Я хочу поддержать тебя сегодня. Ну, что такого ужасного может случиться?

— Ты будешь чувствовать себя полным идиотом.

— Вот именно.

Мы вошли внутрь. Я шел среди толпящихся людей, одетых в смокинги, чувствуя себя как монахиня в борделе и осознавая, что все вокруг на меня смотрят и посмеиваются. Но я старался не обращать на них никакого внимания. Я не собирался давать каким-то торговцам куриными паштетами возможность не дать мне сопровождать мою жену в такой важный для нее день.

В дальнем конце зала мы увидели Салли, помощницу Сид, которая отчаянно махала нам рукой, а потом начала пробираться нам навстречу. Салли являлась чем-то вроде родственницы — сводная сестра Джинны и бывшая няня моего ребенка. На ней было изящное шелковое бальное платье с открытыми плечами, без бретелек: что-то вроде того, что надела бы кукла Люси, идя на свидание с Брюси. Впервые она показалась мне вполне взрослой женщиной. Она была очень оживлена, но, заметив меня, тут же успокоилась:

— Что случилось с Гарри?

— Он не знал, — ответила Сид.

— С тобой хочет познакомиться Люк Мур, — сообщила Салли, беря Сид под руку.

— Люк Мур? Он здесь?

— И хочет познакомиться с тобой! — Салли подпрыгивала от восторга. — Он сказал, что слышал много хороших отзывов о «Еде, славной еде», и может помочь нам с новыми заказами.

— Кто такой этот Люк Мур? — спросил я.

— Он всего лишь самый крупный, самый знаменитый делец в нашем бизнесе, — пояснила Салли. — Он владелец «Кейкхоул Инкорпорейтед».

— Люк Мур обслуживает банкеты и торжества для большинства крупных финансовых компаний, — подхватила Сид. — Если ты что-нибудь кладешь в рот в Сити, то можешь быть уверен, что приготовлено это скорее всего именно Люком Муром и «Кейкхоул Инкорпорейтед».

— Идем же, — сказала Салли, таща за собой мою жену.

Я последовал за ними.

Люк Мур оказался крупным мужчиной. Высоким, плотным, с телосложением бывшего спортсмена, который только-только начал набирать лишние килограммы. Его волосы были слишком длинны для современного человека, если он, конечно, не Род Стюарт. Лет сорока, как мне показалось, может, чуть меньше. И выглядел довольно впечатляюще в своем смокинге.

Мне он не понравился с первого взгляда. Он стоял в толпе хихикающих подхалимов, ловивших каждое его слово.

— Говорят, ученые обнаружили пищевой продукт, который снижает женскую сексуальность на девяносто девять процентов, — говорил он. — Он называется свадебный торт.

Пока его лизоблюды задыхались от смеха, утирая слезы умиления, Люк Мур заметил Салли, которая тащила за собой Сид.

Потом он увидел Сид. Он увидел мою жену.

— Должно быть, вы и есть та самая женщина, которая владеет лучшей маленькой ресторанной фирмой в городе, — начал он, беря ее за руку.

Мне показалось, что он не собирается больше выпускать ее ладонь из своих лап.

— А вы, должно быть, самый настоящий льстец и сладкоречивый дьявол, — улыбнулась Сид.

— Я говорю вполне серьезно. Я слышал столько лестных отзывов о вашей компании. Нам надо будет обязательно встретиться и побеседовать. Скорее всего мы сможем быть друг другу полезными.

— Звучит заманчиво, — сказала Сид, и я заметил, что она вовсе даже не собирается убирать свою ладонь из его ручищ. — А это мой муж.

Люк Мур впервые взглянул на меня:

— Я принял его за вашего уборщика.

Подхалимы чуть не надорвали себе бока от смеха. Мои щеки вспыхнули, а жена бросилась на мою защиту:

— Вообще-то мой муж занимает достаточно важное положение, мистер Мур. Он — режиссер на телевидении, Гарри Сильвер.

— Ну, конечно же! — воскликнул Люк Мур, который совершенно определенно никогда обо мне не слышал. — Я большой поклонник вашей работы.

— Понимаю.

— Когда вы работали вместе с Марти Манном, он был чем-то особенным. Жаль, что с ним так все случилось, правда? Все эти жуткие дешевые программки с популярностью лишь на один день. «Шесть пьяных студентов» и все такое прочее. Я не имею ничего против того, что кто-то делает деньги. Вовсе нет. Но я так рад, что вы теперь работаете с Эймоном Фишем.

Он произвел на меня впечатление, и я был польщен.

— Эймон Фиш, — подхватил один из лизоблюдов, — здорово работает.

— Да, — подтвердил Люк Мур. — Но в его стиле есть что-то второсортное.

Я улыбался, прикусив язык. Почему всегда о второсортности говорят только те, кто сам относится к третьему или даже четвертому сорту?

— К тому же, — охотно продолжал Люк Мур, — в наркоманах есть нечто притягательное. Никогда не знаешь, что они выдадут в следующий раз.

— Он не наркоман, — произнес я. — У него нервное переутомление-.

Но Люк Мур уже закончил со мной. Он слегка наклонился вперед, поднес руку Сид к губам и в присутствии всех поцеловал ее.

Меня чуть не стошнило.

— Мне всегда требуются хорошие люди, — проговорил он. — Моему бизнесу нужна такая женщина, как вы, Сид. Мы наверняка должны что-нибудь вместе придумать.

— Мне бы тоже этого хотелось, — ответила моя жена. Потом они обменялись визитными карточками, и я был уверен, что это не только из вежливости.

Эти двое очень скоро встретятся снова.

***

— Может, тебе стоит отправлять Люка Мура вместе с Пегги в супермаркет за покупками? — фыркнул я, когда мы ехали домой в такси. Вечер был ужасным. Я напился, жутко ревновал и очень устал оттого, что на меня смотрели как на слугу, случайно затесавшегося среди гостей. — Может быть, этому чертовому Люку удастся объяснить ей, что нельзя получить «Фростиз», когда бы она ни захотела. Может, он сможет найти причину того, почему этот мерзавец, отец Пегги, появляется только тогда, когда хочет. Может, старина Люк Мур...

— Гарри, — заворковала Сид, беря меня за руку, — успокойся, милый. Люк Мур не собирается на мне жениться. Он не собирается заботиться обо мне, читать Пегги на ночь сказки и помогать нам готовить рождественский обед. — Она с прежней лаской погладила меня по лицу. — Ему просто хочется трахнуть меня.

— Да? — проговорил я трезвея.

— Ты представляешь себе, сколько раз в день женщине приходится видеть такой взгляд?

— Ну, раз или два. Она усмехнулась:

— Может, и больше. Но я — замужняя женщина. Так что замолчи и поцелуй меня, глупый.

Я поцеловал ее, чувствуя себя одновременно и глупым, и благодарным, и везучим, и влюбленным больше, чем когда-либо. Никто не сможет отобрать у меня эту необыкновенную женщину. Ни Люк Мур, ни кто-либо другой. Ни за что, только если я сам не совершу какую-нибудь невероятную глупость.

Но зачем же мне делать это?

10

Поперек щита «Продается», который висел перед домом Джины, было наклеено «Продано». Когда она открыла дверь, я увидел ряды коробок и ящиков, выстроившихся вдоль стен коридора. Все это происходило на самом деле.

Сегодня мне хотелось провести с Пэтом время как-нибудь по-особенному. Обычный воскресный «набор» — кино, парк и пицца — показался мне недостаточным. Я хотел, чтобы он отвел душу, чтобы его лицо светилось от радости, чтобы он запомнил сегодняшний день навсегда.

Итак, мы поехали кусадье Сомерсет на Стрэнде. Это великолепное и очень интересное здание музея, но внутрь мы не пошли. Мы приехали сюда из-за фонтанов.

Нам выдали разноцветные зонтики. Мы направились во внутренний дворик и начали

перебегать от одного фонтана к другому под дождем брызг. Мой сын визжал от восторга, когда струи воды попадали на его зонтик.

Я подумал о Джине Келли в мюзикле «Поющие под дождем». Песни и танцы под дождем.

Вначале внутренний дворик был полон народа, но через некоторое время большинство детей и их родителей перешли на более сухое место к более спокойным развлечениям. Но Пэт никакие мог наиграться с мини-фонтанами, которые какой-то гений установил во внутреннем дворе этой прекрасной усадьбы. Поэтому мы провели целый день, бегая с разноцветными зонтиками над головами под струями воды. Промокшие насквозь, но готовые лопнуть от счастья.

Когда уже начало темнеть, мы поехали к моей маме. Потом все втроем отправились гулять в парк. Моя мама, мой сын и я —мы бродили у озера в осенних сумерках. В парке было безлюдно. Все разошлись по домам. Под ногами шуршали последние желтые листья, а в воздухе пахло холодом и туманом. Ускользал очередной год.

Я вспомнил еще один день в этом парке. Тогда мы впервые сняли страшющие колесики с велосипеда Пэта, который назывался «Колокольчик». Мой отец бежал за «Колокольчиком», а внутри него уже развивался рак, о котором никто еще не подозревал. Он бежал и повторял одно и то же слово снова и снова: «Поймал. Поймал. Поймал».

Когда совсем стемнело, я отвез Пэта домой к его матери. Я подвел его к двери и присел перед ним на корточки — так, чтобы мы с ним оказались вровень.

Поцеловал его, просил слушаться и обхватил его руками, как будто не хотел больше отпускать.

А на следующее утро Пэт, его мать и ее новый муж, все вместе, сели в самолет, чтобы начать новую жизнь в другой стране.

***

Эймон так и не появился.

Помощник, готовящий зрителей, пришел и ушел, аудитория устала ждать. Их настроение падало с каждой минутой. Они пришли сюда, чтобы повеселиться, и, как говорит моя мама, готовы были смеяться, покажи им только палец. Но ожидание появления знаменитости стало действовать им на нервы: Операторы скучали. Суфлерша у монитора достала вязание. Дежурный администратор снял наушники и говорил что-то режиссеру на галерее. Тот взглянул на меня и пожал плечами.

— Я разыщу его, — тут же пообещал я.

Гримерная оказалась закрыта. Я начал стучать в дверь и звать Эймона. Никакого ответа. Я забарабанил сильнее, обозвал его дерьмом и приказал немедленно открыть. Тишина. А потом, наконец, за дверью раздались шаги.

Эймон открыл и, пока я входил, опустился на колени и стал что-то искать под гримерным столом.

Я обругал его, полагая, что он потерял несколько гранул кокаина, но ошибся.

— Она где-то здесь, — сказал Эймон. — Я знаю, что здесь. Ага!

Он выпрямился, сжимая в руке несколько клочков бумаги. Потом начал расправлять их на столике и складывать вместе, как мозаику для малолетних. Это была фотография девушки. Восточно-азиатской внешности. Темноволосой, красивой, которую я уже где-то видел.

— Мем, — произнес он, — моя прекрасная Мем. О, как ты можешь быть такой жестокой? Я так любил тебя. Ты, чертова стерва!

Я наблюдал, как он складывает кусочки фотографии, которую, очевидно, только что сам же разорвал. Это был один из тех любительских полароидных снимков, которые делают туристы, осматривая достопримечательности. На ней были изображены мужчина и женщина, смотрящие прямо в объектив летним днем у входа в Нотр-Дам. Эймон и его Мем в Париже.

— Что случилось, Эймон?

— Она замужем. Выяснилось, что она, черт побери, замужем.

— Мем вышла замуж? — Я вспомнил, как Мем сбрасывала с себя платье в одном из стриптиз-клубов, где она работала. — Но она всегда казалось такой... незамужней.

— У нее муж и ребенок в Бангкоке. Маленький мальчик. Ровесник Пэта. Оказалось, что она все это время посылала им туда деньги.

— Боже мой! — Я обнял его за плечи. — Мне очень жаль, Эймон.

— Мы встретились. Чтобы обсудить возможность снова быть вместе. Казалось, она хочет этого, говорила, что тосковала по мне. Я купил для нее кольцо. Обручальное кольцо от Тиффани. Настоящее. Ну, не смешно ли? Когда она пошла в туалет, чтобы там что-то поправить, я решил спрятать кольцо в ее кошелек. Хотел сделать сюрприз. Тут-то я и обнаружил ее фотографию с мужем и маленьким ребенком. Стерва. А я-то думал, что она правда хотела вернуться ко мне, Гарри. Но меня просто использовали как машину для печатания денег.

Мы с ним устали на разорванную фотографию.

— Как ты думаешь, Гарри, если я склею ее скотчем, то будет ничего? Как ты считаешь? Или лучше попробовать суперклеем?

— Послушай, Эймон, этим займешься потом. Сейчас в студии тебя и «Фиш по пятницам» ждут несколько сотен человек.

— Выступать? Какая могу думать о выступлении, когда у Мем есть муж и ребенок?

— Ты должен. Так надо. Держаться во что бы то ни стало, даже если тебе не до этого. Надо продолжать делать отличное шоу, когда у тебя буквально опускаются руки. Это та жизнь, которую ты сам выбрал. Ты не можешь взять выходной только потому, что тебе сделали больно.

— Сделали больно? Да мне разбили сердце! Разбили и растоптали. Девушка, которую я собирался сделать своей женой, не может выйти за меня, потому что это не понравится ее мужу. Гарри, мне нужно нюхнуть. Порошок в кармане моего пальто. Я приберег его на крайний случай. Вот он и понадобился. Отсыпь мне немного, ладно?

Тут уж настала моя очередь разозлиться. Я достал пакетик с кокаином из кармана его пальто и швырнул прямо в лицо Эймону:

— Ты из-за нее распускаешь сопли? Из-за какой-то девицы? Потому что у нее в Таиланде муж и ребенок, ты хватаешься, за свой спасительный порошок? Ты что, чокнулся? Ты хочешь бросить все из-за какой-то девицы?

— Не из-за какой-то девицы, а именно из-за этой. Ты что, ничего не понимаешь в любви? Несчастный ты человек, Гарри.

— Я все понимаю, приятель. Я знаю, что Мем замечательная женщина. Но кругом полно таких.

— И все они лживы, Гарри.

Он подобрал с пола пакетик кокаина и засунул его в карман. Туда же отправилась и разорванная фотография. Потом он пронесся мимо меня к двери:

— Ну, как же ты можешь понять, Гарри? Конечно же, ты — женатый человек. Что ты понимаешь в романтических отношениях?

***

По воскресеньям было хуже всего.

С отъездом Пэта выходной день превратился в нескончаемый. Я бродил по дому как потерянный, не в состоянии узнать свою собственную жизнь. А на кухне Пегги помогала Сид делать крошечные пирожки по какому-то особому рецепту.

Я догадался, что пирожки предназначались скорее для «Еды, славной еды», а не нам на ужин, потому что я насчитал их около шести сотен. Они были разложены на серебряных блюдах по всей кухне, эти маленькие кусочки теста, которые моя жена и ее дочь заботливо начиняли мясом с чесноком и приправами, чтобы потом зажарить на решетке.

— Пирожки по-техасски, — пояснила Сид.

— Их едят девушки-ковбои, — добавила Пегги. Я стоял в дверях, наблюдая за ними обеими. На них красовались одинаковые фартуки, и у обеих были засучены рукава. Их

черные волосы оказались затянуты в хвостики, открывая милые лица. Похоже, что они получали от своего занятия огромное удовольствие.

— Тебе грустно без него, да? — спросила Сид. Я кивнул. Она погладила меня по руке. Мне не было необходимости объяснять, как я чувствовал себя по воскресеньям. Она достаточно сильно любила меня, чтобы понять.

— Нужна моя помощь? — спросил я.

— Твоя? — удивилась Пегги.

Сид улыбнулась:

— Конечно.

Пегги показала мне, что нужно делать.

Надо было взять кружок теста, положить в середину немного мяса и посыпать его толченым чесноком и приправами. Потом нужно все завернуть и залепить края вместе, чтобы получился аккуратный рубчик. При этом все пирожки должны выглядеть совершенно одинаково.

К моему удивлению, у меня получалось ужасно. Мои слишком толстые пирожки разваливались прежде, чем их можно было положить на блюдо. Сначала это казалось забавным, но, по мере того как пирожки все продолжали разваливаться, это стало уже не смешно.

— Не так, Гарри, — вздохнула Пегги. — Ты слишком много кладешь начинки.

Своими ловкими маленькими пальчиками она показала мне, как нужно правильно лепить пирожки, и у меня стало получаться. Было видно, что Пегги млеет оттого, что смогла выступить в роли учительницы. И некоторое время мы все вместе работали в общей пирожковой гармонии.

Вдруг по непонятной причине я ощутил беспокойство и сказал:

— Знаете что, я, наверное, поеду проведу маму.

— Почему бы и нет? — ответила Сид. — Она будет рада.

— Вы тут справитесь без меня?

Они обе были слишком добры, чтобы ответить на этот глупый вопрос.

***

Я не единственный, кто тосковал по Пэту. Был еще и маленький симпатичный мальчуган с перепачканным лицом, который гонял на видавшем виды велосипеде, великоватом для него.

— А где Патрик? — спросил он.

— Пэт? Пэт уехал. Еще на прошлой неделе. В Америку.

Мальчик кивнул:

— Я знал, что он уезжает, но не знал, что он уже отъехал.

— Да, отъехал. То есть уехал. Ты с ним вместе учился?

Но мальчишка уже умчался, лихо накручивая педали велосипеда, который, казалось, принадлежал старшему брату или сестре. Этот маленький мальчик тоже не знал, чем заполнить день без моего сына.

Берни Купер. Первый и лучший друг моего сына.

***

Когда я был мальчишкой, я знал множество людей, к которым мог пойти в гости без предупреждения, понимая, что мне всегда будут рады. Теперь все приятели выросли. И единственным человеком, к которому я мог заявиться без приглашения, оставалась моя мама.

— Гарри, — сказала она, впуская меня в дом, — привет, дорогой. А я как раз собралась уходить.

Я был поражен:

— В воскресенье? Ты уходишь куда-то в воскресенье?

— Я иду в клуб вместе с тетушкой Этель. Мы там разучиваем ковбойские танцы,

— Ковбойские танцы? Но я думал, что мы вместе посмотрим телевизор.

— Ой, Гарри, — рассмеялась мама, — я смогу смотреть телевизор сколько угодно, когда умру.

Тут раздался звонок в дверь, и в прихожую вошла семидесятилетняя соседка в ковбойском наряде. Вместо привычного кардигана, юбки в цветочек и удобных босоножек, тетушка Этель была одета в жилетку, расшитую блестками и бахромой. На ней также имелись ковбойские сапоги и шляпа.

— Привет, дорогой Гарри. Пойдешь с нами танцевать?

— Ты потрясающе выглядишь, Этель, — воскликнула моя мать. — Энни, детка, где твой пистолет?!

— Скорее, бабка, где твой пистолет?! — И они обе, не сдержавшись, расхохотались.

— Этель там уже была, у нее есть кое-какой опыт. Правда, Этель?

Тетушка Этель скромно улыбнулась:

— Я разучила такие фигуры, как «Легкое скольжение», «Притопы» и «Безумные ножки», но у меня еще плохо получается «Танец ча-ча» и «Шуршащий клевер».

Она начала неуклюже пританцовывать по гостиной, чуть не опрокинув зеленый пуф.

— Шаг прямо левой с переносом тела, затем слегка согнуть правое колено, поворачивая ступню из стороны в сторону, теперь поднять правое колено чуть выше.

— Это твой «Танец ча-ча», Этель?

— Нет, дорогой. Это «Клевер». Больше того, скажу тебе, что это очень хорошо помогает от прострела в спине.

Я посмотрел на тетушку Этель, потом на свою мать.

— Не может быть, чтобы ты отправилась в таком наряде, — сказал я, обращаясь к ней!

Но мне не стоило беспокоиться. Моя мать собиралась сначала просто пойти и посмотреть, понравится ли ей это, а потом уж думать о покупке ковбойского костюма. Я вышел вместе с ними из дома, и, только когда тетушка Этель уже подъезжала на своем «Ниссане» к воротам, моя мать повернулась ко мне:

— Он вернется к тебе, дорогой. Не тоскуй. Мы его вернем.

— Ты думаешь? Я не очень уверен в этом, мам.

— Всем детям нужен отец.

— В твоё время все было по-другому. Сейчас отцы уже не значат так много для детей, как раньше.

— Каждому ребенку нужны оба родителя, дорогой. Поверь мне. Танго танцуют вдвоем. У меня не хватило духу напомнить маме, что сейчас уже никто не танцует танго.

Даже она.

Тетушка Этель посигналила и опустила стекло машины:

— Кибитка подана!

***

Домой я вернулся уже около полуночи.

В кровати было тесно. Пегги спала в обнимку со своей мамой, посасывая во сне большой палец. Ее темные волосы прилипли колбу, отчего казалось, что девочку мучает лихорадка.

— Ей приснился страшный сон, — прошептала Сид. — Что-то про ее папу, который упал с мотоцикла. Она сейчас уснет покрепче, и я отнесу ее в детскую.

— Ничего. Пусть спит здесь.

— Ты не возражаешь, милый?

— Без проблем.

Я поцеловал свою жену и отправился спать на диван. Я действительно не возражал.

Сегодня ночью Пегги нуждалась в своей маме. Лежа в одиночестве на диване, мне не нужно было беспокоиться о том, что Пегги может проснуться среди ночи, или о том, что Сид слишком устала, чтобы заниматься сексом, или что я натянул на себя все одеяло. Здесь некого было обнять, но никто и не станет нарушать мой сон.

Что-то в этом есть — спать на диване. К этому привыкаешь.

***

— Тебе необходимо как-то вернуть романтичность в свою жизнь, — заявил Эймон, обращаясь ко мне. Он ковырял вилкой в тарелке с макаронами. В последние дни он мало ел. — Чуть больше интереса, Гарри. Чуть больше страсти. Ночи, когда ты не можешь уснуть, потому что быть врозь невыносимо. Ты должен помнить об этом. Вспомни, как было раньше. Очень постарайся.

— Думаешь, мне следует купить жене цветов? Он закатил глаза.

— Я думаю, что тебе следует завести любовницу.

— Но я люблю свою жену.

— Ну и что? Роман — это общечеловеческое право. Как право на еду, воду и крышу над головой.

— Ты не роман имеешь в виду. Ты говоришь о том, чем занять свою плоть, об элементарном траханье. Как всегда, у тебя на уме только твой несчастный отросток.

— Называй это, как хочешь, Гарри, — сказал он, ощупывая взглядом официантку, которая забрала его нетронутую тарелку. — Но когда имеешь кое-что на стороне, то браку это не вредит. Наоборот, только укрепляет его.

— Попытайся объяснить это моей жене.

— Жена твоя ничего не узнает.

— Но я-то буду знать. Ты не понимаешь. Я не хочу заводить другую женщину. Я хочу вернуть свою жену. Чтобы все было так же, как раньше.

— Мне просто смешно смотреть на вас, женатиков, — хихикнул Эймон. — Вы жалуетесь на недостаток эмоций под брачным одеялом. Но вам не хватает смелости осмотреться и поискать чего-нибудь на стороне. Ты точно знаешь, что тебе нужно, но смелости у тебя не хватает, чтобы это получить.

— Так брак на том и стоит, — не сдавался я.

— На чем, на разочаровании? На безысходности? Потере иллюзий? На том, чтобы спать с кем-то, кто тебе уже не нравится? Звучит чертовски привлекательно, Гарри. Здорово. В таком случае я лучше останусь холостяком.

— Мне все еще нравится Сид, — уверенно заявил я.

Я иногда наблюдал за лицом Сид, когда она не видела, и был поражен, насколько очаровательно она выглядела, насколько глубокие чувства она вызывала во мне, даже ничего для этого не делая.

— К тому же я думаю, что я ей тоже все еще нравлюсь. Я хочу сказать, когда она вспоминает обо мне.

Эймон рассмеялся моему заявлению.

— Я хочу сказать, что брак не кончается с завершением медового месяца, — проговорил я.

— Но медовый месяц — самая лучшая часть брака.

— Не придумывай ничего по поводу наших сексуальных отношений. Тут все в порядке, когда у нас на это хватает сил. Просто я не знаю. Похоже, что из наших отношений исчезла какая-то искра. Сид все время занята на работе. Или приходит домой уже уставшей. Или отключили горячую воду. Раньше так никогда не было.

— Женщины меняются, Гарри, — сказал Эймон, откидываясь на спинку стула. — Тебе необходимо понять, что женщина меняется в зависимости от периода ее жизни.

— Как это?

— Ну, например, с тринадцати до восемнадцати лет женщина подобна Африке — девственной территории. С восемнадцати до тридцати — Азии. Она так же горяча и экзотична. От тридцати до сорока пяти она подобна Америке: уже вся исследована, но еще полна богатых ресурсов. С сорока пяти до пятидесяти пяти ее можно сравнить с Европой; немного устала, чуть выдохлась, но все еще обладает множеством достопримечательностей. Ну а с пятидесяти пяти и дальше — она как Австралия. Все знают, что она где-то внизу, но мало кто захочет отправиться туда. — Он поднялся.

— Когда ты вернешься, тебе придется подыскать пример получше.

— Да-а. — грустно протянул Эймон. — Когда вернусь. Извини меня.

Он вышел в туалетную комнату. На студии мы решили, что Эймон возьмет отпуск на столько времени, сколько ему понадобится, чтобы привести себя в порядок. Я знал: он расстроен тем, что надо прерывать шоу. Но телестудия настаивала, чтобы он полностью избавился от привычки к наркотикам, прежде чем его снова выпустят в эфир. Поэтому мы организовали этот обед, чтобы я постарался уговорить Эймона обратиться за профессиональной помощью.

Эймон вернулся за стол, его глаза слезились, а кожа приобрела пергаментный цвет. «Неужели опять?» — подумал я. Я дотронулся до кончика своего носа, и он промокнул салфеткой остатки белого порошка на кончике своего.

— Ой, — хихикнул он.

— Послушай, на Харли-стрит есть один врач. Она лечит... переутомление. Студия хочет, чтобы ты показался ей. Я пойду с тобой.

— Вот это да! Черт побери, я уже давно не ребенок. Мне не нужна ничья помощь.

— Послушай, Эймон. У тебя огромный талант. А в настоящее время ты рискуешь его потерять.

— Мне не нужна помощь, Гарри.

— Если ты не покажешься этому врачу, то в конце концов потеряешь свое шоу.

— Я в порядке.

— Ты определенно разрушишь свое здоровье.

— Это мое дело.

— Возможно, у тебя будут проблемы с полицией.

— Да пошли они куда подальше!

— Ты совершенно точно запихаешь в нос все свои кровно заработанные деньги и спустишь в унитаз.

— Что хочу, то с ними и сделаю.

— И пенис твой уменьшится.

— Что?

— Ты слышал.

Минуту он неподвижно смотрел на меня:

— Как там зовут этого врача?

В этот момент сработал виброзвонок его мобильного телефона. Трубка словно забилась в конвульсиях. Эймон начал говорить, хотя телефоны здесь были запрещены. Это звонила его бывшая подруга, Мем. Он тут же чуть не прослезился, запустив дрожащие пальцы в свою растрепанную шевелюру.

— Я не преследую тебя... Неужели двадцать сообщений? Не может быть. В любом случае я просто хотел повидать тебя, мой маленький лимонный пломбирчик! Зачем? Поговорить с тобой, объяснить... Мем, мы можем опять начать все сначала... Я хочу быть единственным мужчиной, для которого ты танцуешь... Пожалуйста, малышка...

Два бизнесмена за соседним столиком с презрением смотрели на него.

— Что это за комедиант с мобильным? — спросил один из них. — Здесь не разрешено пользоваться мобильными телефонами.

— Ту-ту, — сказал другой, изображая придурка с мобильным. — Я еду в поезде...

Эймон набросился на них обоих.

— Телефон ведь не звонил, так?! — бушевал он. — Он включен у меня на вибрирующий сигнал. Поняли? Так что нет никакой чертовой разницы между мной, говорящим по телефону, и вами — гребаными бизнесменами, обсуждающими финансовые рынки, Тайгера Вудса или что-то там еще, что занимает ваши куриные мозги!

«А он прав, — подумал я, делая знак официанту, чтобы нам принесли счет. — Ему следует включить это в свое выступление».

Но, Боже мой, он так раскипятился, что готов был взорваться. И пока два бизнесмена

грозили набить нам физиономии, я размышлял над словами Эймона по поводу женщин и их схожести с различными частями света. Если следовать его теории, то мою жену можно сравнить с Америкой. Хотя после года с небольшим брака она еще не до конца исследована.

Иногда мне кажется, что я совсем не знаю ее.

***

Сам не знаю почему, я стал то и дело проезжать мимо дома Джины. Знал ведь, что там никого нет. Новые жильцы еще какое-то время не должны были въезжать. И даже мечтательная няня вернулась в свою Баварию. Но для меня эти поездки казались успокаивающими, что ли...

Даже если учитывать, что это не мой дом и уже не дом Пэта. Никаких теплых воспоминаний не связывало меня с этим местом. Я проезжал мимо, представляя себе, что всего лишь неделю тому назад в комнате моего сына лежали его вещи. В шкафу — одежда (из чего-то он уже вырос), на кровати — одеяло с изображением его любимых героев «Звездных войн». Когда я думал обо всем этом, то не чувствовал себя так одиноко.

Я объезжал вокруг дома, тоскуя как старый любовник. И тут вдруг я увидел велосипед Пэта.

Его бросили перед домом. Возвращаясь с прогулки в парке, он всегда ставил велосипед на маленькой лужайке перед входом, а потом либо просто забывал о нем, либо считал всех такими же честными, как он сам.

Велосипед до сих пор не стащили только по одной причине: огромный куст надежно скрывал его от посторонних глаз. Я припарковал машину, перелез через символическую ограду в сад и поднял велосипед. Позабочусь о нем до приезда моего сына. Или, может, они захотят, чтобы я переслал его в Америку.

— Ее нет дома? — спросил кто-то.

Я поднял голову. Передо мной стоял очень худой молодой человек с крашеными светлыми волосами. По виду азиат. Один из тех стильных молодых японцев, которых иногда встречаешь в артистических кварталах Лондона. Они часто посещают картинные галереи и магазины грампластинок для специалистов. Этот парень выглядел так, как будто только что плакал. Я смотрел на него через низкий забор.

— Вы кого имеете в виду? Джину? Он взглянул на дом:

— Казуми.

Это имя мне ни о чем не говорило.

— Здесь таких-нет, приятель. Попробуйте узнать у соседей.

— Нет. Она живет здесь. — Он хорошо говорил по-английски. — Я уверен. — Он оглядел улицу, кивая головой. — Я знаю, что это здесь. А вот и она!

Молодая азиатка медленно ехала на велосипеде по улице. У нее были блестящие развевающиеся волосы, как у большинства японок, но на тон светлее, чем обычно. Она остановилась у дома Джины и отбросила со лба волосы, открыв бледное, серьезное лицо. Выглядела она немного старше, чем мне показалось сначала. Не девушка — женщина. Может, приблизительно моего возраста. Давно уже я не встречал таких привлекательных женщин. С тех самых пор, как увидел свою жену. Она взглянула на молодого человека, и стало понятно, что она совсем не рада его видеть. Волосы упали на ее удивительное лицо и она не убирала их, как бы отгородившись от остального мира.

— Казу-сан, — обратился к ней молодой человек. И вдруг я вспомнил: ну, конечно же, подруга Джины из Японии! Та, которая, взглянув на Пэта через объектив фотоаппарата, сумела по-настоящему его разглядеть. Казуми.

Слегка наклонив голову, молодой человек начал быстро говорить по-японски, убедительно доказывая что-то свое. Крашеные волосы помогали ему скрывать собственное отчаяние.

Молодая женщина отрицательно покачала головой и повела свой велосипед по дорожке в глубь сада. Молодой человек сел на ограду возле бывшего дома моей бывшей жены, закрыл лицо ладонями и стал всхлипывать. Она опять, на этот раз с раздражением, покачала

головой и стала выбирать ключ от входной двери. В руках она держала огромную связку, а нужно было найти всего два подходящих ключа. Наконец она открыла дверь, но тут сработала сигнализация,

Прежде чем захлопнуть дверь, она впервые взглянула на меня. Я стоял посреди маленькой лужайки с велосипедом, забытым моим сыном, и наблюдал за тем, как она нажимала кнопки для отключения сигнализации.

Я обратил внимание на выражение ее лица. Как она смотрела на меня. Как будто я был еще одним сумасшедшим влюбленным.

11

Из Нью-Йорка пришла открытка. С изображением Центрального парка осенью. Над массой деревьев с зеленой, желтой, коричневой листвой возвышались серебристые шпили небоскребов. В ярко-голубом небе парили пушистые белые облака. С обратной стороны открытки — послание моего сына, выведенное аккуратными печатными буквами:

«ДОРОГОЙ ПАПОЧКА

МЫ ХОДИЛИ В ЭТОТ ПАРК. ТУТ ЕСТЬ УТКИ.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ. ДО СВИДАНИЯ. ТВОЙ СЫН ПЭТ».

И пририсованы три маленьких крестика, обозначающие то место, где мой сын прикоснулся к бумаге губами.

***

— Однажды пьяница заходит к ирландскому священнику, который исповедует прихожан в Килкарни, — рассказывает Эймон. — Заходит в кабину, и священник его спрашивает: «Что тебе нужно, сын мой?» Пьяница отвечает: «У тебя там, с твоей стороны, тоже бумажки нет, приятель?»

Мы сидим в приемной врача на Харли-стрит. Кругом мягкие диваны, за маленькой конторкой расположились пожилая секретарша, а на журнальных столиках разложены брошюры с рекламой недвижимости. В воздухе пахнет деньгами и болезнями. У Эймона обгрызенные ногти, на некоторых пальцах — почти до крови.

— Все будет в порядке, — говорю я ему.

— Школьный автобус в Килкарни. Тот же пьянчужка орет песни, сквернословит и чуть ли не блюет. Совершенно сам не свой. Детям приходится помочь ему сойти. Тут один из них восклицает: «Черт! Кто же теперь поведет автобус?»

— Она очень хороший врач. Лечила всяких музыкантов, моделей. Всех лечила, одним словом.

— Парень заходит в бар в Килкарни: «Дай мне выпить, черт побери!» Бармен на это отвечает: «Сначала выполни три задания: поколоти нашего вышибалу, вырви расшатавшийся зуб у сторожевой собаки и оттрахай от души местную проститутку». Парень идет в подсобку, и вскоре оттуда доносится собачий лай и поскуливание. Парень возвращается в бар, застегивая ширинку. «Так, — говорит он, — где тут вышибала с расшатым зубом?»

— Постарайся расслабиться.

— Черт побери! Не нужна мне никакая помощь. А все эти негодяи со студии.

— Мистер Фиш? — обращается к нему секретарша. — Доктор Баджо ждет вас.

Эймона трясет. Мы оба встаем, я обнимаю его за плечи. И тут комната плывет у меня перед глазами, ноги становятся ватными, зрение отказывает. И шикарный мягкий ковер приемной бросается мне в лицо...

***

Очнулся я на кушетке в кабинете врача, возле меня сидел Эймон с озабоченным лицом. Доктор Баджо что-то обматывала вокруг моей руки. Я сообразил, что она измеряла мне давление.

— У вашего отца бывало повышенное давление? У меня прямо перед глазами возникло лицо отца.

— Что?

— У вас давление 195 на 100.

— Черт возьми, Гарри, — высказался Эймон, — это ты болен, а не я.

— Вы понимаете, что это значит? — спросила меня врач. — Это очень серьезно. Первая цифра — систолическое давление, то есть давление в артериях, когда кровь выбрасывается сердцем, а вторая цифра — это диастолическое давление, когда сердце отдыхает, наполняясь кровью перед следующим сокращением. Ваше давление опасно высокое. У вас может случиться инсульт. У вашего отца было повышенное давление, мистер Сильвер?

Я тряхнул головой, пытаясь осознать происходящее:

— Я не знаю. Он ничего не рассказывал мне даже тогда, когда заболел раком легких.

***

Я постучал в дверь бывшего дома Джины, прекрасно зная, что ее там нет, и мысленно спрашивая себя, что я тут делаю. Я понимал, что пришел сюда в поисках того, чего мне не хватало дома. Было непонятно, что это. Пока непонятно.

Дверь приоткрылась, и над цепочкой показалось лицо Казуми с миндалевидными глазами. Она отбросила назад каскад черных волос.

— Да?

— Джина дома?

— Джина уехала, — ответила она, и меня удивило почти полное отсутствие акцента в ее английском. Всего лишь небольшая картавость, как у многих шотландцев. — Джина здесь больше не живет.

— Ах да, конечно, — воскликнул я, тряхнув головой и оглядев улицу, как будто что-то вспомнил. Потом я взглянул на Казуми и улыбнулся. — Меня зовут Гарри.

— Гарри? Неужели Гарри Джин-сан? Джина-сан. Уважительное обращение. Я не так уж много узнал о японском языке за пять лет супружеской жизни с женщиной, помешанной на Японии. Но это я знал точно.

— Да, это я.

Впервые я увидел ее улыбку, похожую на волшебный свет, заливший весь мир.

— Я слышала о вас. Ну, конечно же, бывший... Я имею в виду отец Пэта, да?

— Собственной персоной.

— Сакамото Казуми, — представилась она. Научившись говорить по-английски с шотландским акцентом, она все же была японкой и назвала сначала свою фамилию. — Я живу здесь, пока не приедут новые жильцы. Приглядываю за домом. Мне очень удобно. Просто повезло.

— Казуми, это вы делали фотографии моего сына?

Она снова улыбнулась. Я не мог оторвать от нее глаз.

— Собственной персоной, — ответила она шутливо.

— Мне они так понравились. Просто потрясающе, как вам удалось схватить его суть.

— Нет, нет. Ничего особенного. Просто сняла его быстренько в саду, — сказала она с чисто японской скромностью, несмотря на шотландский акцент и хороший английский.

Она быстро кивнула, подтверждая свои слова. Этот жест показался мне очень японским.

— Он красивый мальчик, — сказала она.

И я знал, что сказанное было не просто данью вежливости. Фотографии являлись доказательством. Эта незнакомка действительно считала моего сына красивым.

— Но вы должны знать, что Джина-сан в Америке с Ричардом и с Пэтом-кун.

Пэт-кун. Такое уважительно-приветливое обращение тронуло меня. «Милый, дорогой Пэт», — говорила она. Оказывается, моя бывшая жена научила меня большему, чем я думал.

— Совсем забыл, — сказал я. — Иногда я забываю какие-то вещи.

Конечно же, в этом я солгал, но все остальное было чистой правдой: то, что я говорил о ее великолепных фотографиях, и то, что в ее присутствии я забывал обо всем. Где я, что я, с

кем должен встретиться, а главное — сам факт того, что я женат.

Казуми провела меня в дом и налила мне чаю. Конечно, она могла этого и не делать, но она сказала, что у нее сложилось впечатление, будто мы знакомы уже очень давно.

Казуми была лучшей подругой Джины в Японии. Целый год они вместе жили в крошечной квартирке в Токио. Джина планировала вернуться в Японию навсегда, но тут она повстречалась со мной. Казуми была в курсе происходящего. Если она также знала причину, по которой мы с Джиной не сумели жить счастливо до конца дней (а это наверняка так), то она была слишком тактична и воспитанна, чтобы упоминать об этом.

— Ее мальчики, — улыбнулась Казуми. — Так она всегда вас называла. Вас и Пэта. Ее мальчики.

«Больше уже не называет», — подумал я. В то же время меня охватило радостное ощущение, что мы могли вот так запросто сидеть в доме Джины и Ричарда, попивая зеленый чай. И Казуми рассказывала мне, как много в свое время я значил для ее подруги.

Потом она поведала мне историю своей жизни. Не в деталях, конечно, но рассказала мне достаточно, чтобы я узнал: в Японии она была дизайнером интерьеров, но всегда мечтала стать фотографом. Ее увлекло западное искусство фотографии: Вебер, Ньютон, Картье-Брессон, Эйвдон, Бейли... Сколько она себя помнила, ей всю жизнь хотелось заниматься только этим — смотреть на мир и запечатлевать то, что она видела. Потом что-то случилось в Токио. Она, правда, не уточнила, что именно, но я догадался, что связано это было с мужчиной. Так что она села в самолет до Хитроу, оставив позади прошлую жизнь. Оказалось, что шотландский акцент она приобрела, проучившись три года в Эдинбургском университете. Ей тогда было лет девятнадцать-двадцать, и это случилось вскоре после совместной с Джиной жизни, когда подружки делили в Токио не только свои трапезы, но и квартиру.

— Я всегда хотела учиться в Эдинбурге, — сказала Казуми. — С самого детства.

Ее совершенный английский иногда давал незначительный сбой, но тем не менее звучало это совершенно очаровательно.

— Очень красивый город и очень древний. Годы ее пребывания в Эдинбурге, должно быть, пришлись на начальный период нашего с Джиной брака. И я высказал некоторое удивление, что мы не встретились с ней тогда.

— Джина-сан была в то время очень занята в основном своими мальчиками.

Но я-то знал, что дело совсем не в этом. В начале наших с Джиной отношений мы считали себя самодостаточными. Мы искренне верили, что ни в ком не нуждаемся. Даже в самых дорогих старых друзьях. Мы позволили себе отдалиться от всех. И только когда все развалилось, мы поняли, насколько были не правы.

— Кто тот мужчина, Казуми? Ну, тот, в саду, который рыдал?

Я понимал, что вмешиваюсь, куда не следует, но эта красивая, гордая женщина, которая могла послужить причиной чьего-то нервного срыва, возбуждала мое нездоровое любопытство.

— Ах, заплаканный мужчина? Это мой муж. — Помолчав немного, она добавила: — Бывший муж.

Потом встала. Она уже много сказала. Слишком много.

— Хотите посмотреть еще фотографии Пэта? Я только что проявила пленку.

Мы прошли в бывший кабинет Джины. Дом казался почти пустым. Единственными вещами здесь были вещи Казуми. Она разложила на полу снимки стандартного размера. Ее техника была просто блестящей. Композиция, контрастность, выбор ракурса — все казалось мне, любителю, безупречным. Эти монохромные снимки моего сына, шалящего в саду, удивительно точно отражали мгновения его детства. Несмотря на то что фотографии были черно-белыми, их наполняло настоящее теплое чувство. Я снова убедился в том, что мой сын ей нравился.

— Почему вы уехали из Токио?

Мне захотелось узнать, почему она оказалась так далеко от дома. Я подозревал, что

вряд ли это было связано с Картье-Брессоном или Робертом Капа.

— Я была похожа на Джину.

— Как это?

— Шуфу.

Я постарался вспомнить, что это значит по-японски, но у меня ничего не получилось. Тогда я попытался догадаться:.

— Э-э, мать?

— Нет, нет. Мать будет ока-сан. Шуфу буквально означает миссис Интерьер.

— Миссис Интерьер?

— В Англии говорят домохозяйка. В Америке их называют хозяйка дома. А в Японии — шуфу. Джина хотела быть шуфу. Нет?

— Наверное, хотела. Какое-то время.

Пока не решила, что пора вернуть себе свою собственную жизнь.

— Мой муж хочет, чтобы я была шуфу. Но мне не так уж этого хочется.

Казалось, что это ее сильно забавляет. Но я не был уверен, что так зацепило ее за живое — идея стать домохозяйкой или обязанности миссис Интерьер. А может, она таким образом просто маскировала свое смущение.

— И ничего из этого не получилось? Очевидно, нет. Не получилось. Ну и болван же ты, Гарри! Иначе она не находилась бы здесь, а в саду не рыдал бы ее муж. К тому же всякие посторонние мужчины не стучали бы к ней в дверь и не сочиняли бы разные сказки.

Но на первый раз было достаточно. Она и так сказала мне слишком много.

— В браке, — произнесла она.

Я не сразу понял, что сейчас она имеет в виду меня. Она смотрела на широкое золотое кольцо, украшающее безымянный палец моей левой руки.

— Снова женат. Женатый мужчина. Женат на другой женщине. Не на Джине-сан.

Я взглянул на свое обручальное кольцо, как будто видел его впервые. Как будто оно появилось на руке внезапно. Мне не пришлось в голову снять его перед тем, как я отправился навестить Казуми.

Потому что сейчас я не могу его снять. Что-то случилось с кольцом. Оно как будторосло в палец.

— Ничего не вышло, — сказала Казуми словно сама себе и так, как будто пробовала на вкус эту новую фразу. — Просто ничего не вышло.

***

Джина прислала мне фотографию. И я увидел, что у моего сына появилась новая улыбка.

Он улыбался щербатым ртом с голыми деснами, и этот незатейливый снимок тронул мое сердце. У Пэта выпали два передних верхних зуба, прямо в середине. Это придавало ему до смешного лихое выражение. Он выглядел как пьяненький матрос, который бредет на свое судно из увольнительной.

На снимке он был специально для этого случая нарядно одет. С головы до ног во все американское, что носят нью-йоркские янки: бейсболка, спортивный костюм и то, что моя мать назвала бы «аляской». Вся одежда оказалась синего цвета с белой американской эмблемой. Из-под куртки виднелась американская рубашка в бело-голубую полоску, которая была ему несколько велика.

Он выглядел как самый настоящий маленький американец. Я сразу же бросился ему звонить, даже не прочитав письма Джины. Мне было безразлично, что еще находилось в конверте.

Трубку сняла Джина и сразу же позвала Пэта.

— Что случилось с твоими зубами? — спросил я его.

— Они выпали.

Он говорил на удивление спокойно.

— Больно было?

— Нет.

— Ничего, новые вырастут, Пэт.

— Знаю. Постоянные зубы взамен молочных. Мама мне объяснила.

Его передние зубы качались уже давно. Почему-то я думал, что они выпадут, когда я буду рядом. Теперь, когда это случилось, я понял, что произошло это без меня.

Тут я разглядел спичечный коробок в конверте. На нем было-написано: «Иль Форнао. Улица Мал-берри, 132а, между Хестер и Гранд».

— Тебе хорошо в Америке?

— Нью-Йорк ужасно большой. Даже больше, чем Лондон. А такси здесь желтого цвета, а совсем не черного. А тут, где мы живем, есть поля. Мы живем не в городе.

— Ты что, ходил с мамой и Ричардом в ресторан «Иль Форнао»? Тебе там понравилось, дорогой?

— Там готовят пиццу. Ты открывал коробок?

Внутри спичечного коробка лежали две остренькие жемчужины. Выпавшие передние зубы моего сына.

— Это мне? Можно я оставлю их у себя?

— Ты можешь продать их Зубной Фее.

— Может, я лучше оставлю их себе? Просто буду их хранить. Ладно?

— Ладно.

— У тебя все хорошо, дорогой?

— Я очень занят.

— Охотно верю.

— Мы все еще распаковываемся.

— Много еще осталось?

— Не знаю. Мне только семь лет.

— Да, конечно. Я забыл. Пока не будет больше наших с тобой воскресений.

— Знаю. Коннеки... Коннаки... Коннектикут. Да. Коннектикут слишком далеко от тебя. Тебе трудно приезжать по воскресеньям.

— Но мы все равно можем разговаривать по телефону. Я как-нибудь приеду тебя навестить, а ты можешь приехать ко мне сюда на каникулы. Скоро. Очень скоро.

— А где я буду жить?

— Я тебе найду какое-нибудь хорошее местечко у нас в доме.

— А как же мои вещи? Куда я дену все мои вещи?

— Я сделаю так, что для твоих вещей найдется специальное место. Много места.

— Ну, тогда ладно.

— Америка тебе очень понравится. Тебе там будет хорошо. Там, где вы живете, очень много места.

— У меня, может, будет собака. Мама обещала. Как только распакуемся, пойдем покупать собаку.

— У тебя будет свой собственный песик? Вот здорово! Как ты собираешься его назвать?

— Пока не знаю. Это может быть и «она», а не «он». Тогда и имя будет другое.

— И вот еще что, Пэт...

— Что?

— Не забывай меня. Ладно? Не забывай своего старика отца, который тебя так любит.

— Я никогда не забуду тебя.

Потом трубку взяла Джина. Она хотела поговорить, но я не собирался ни о чем расспрашивать ее. Для меня самое главное, чтобы с Пэтом все было в порядке. Остальное меня не волновало. Мне было вес равно. Но ей хотелось мне обо всем рассказать.

— Мы сейчас живем с семьей Ричарда в Коннектикуте. Ему каждый день приходится ездить на поезде до Манхэттена. Он ищет там работу.

— Подожди минуту. Я считал, что у него есть там работа, поэтому вы и уехали.

— Да, у него была работа, но он уволился.
— Уже? Вы ведь только что приехали. Когда же он успел уволиться?
— Это оказалось не совсем то, что он ожидал. Он думал, что эта работа будет лучше, но экономика в развале повсюду. Для таких людей, как Ричард, не так уж много возможностей. И снять жилье тоже непросто. Ты бы согласился тратить на дорогу до работы три часа каждый день? Или жить близко от работы, но в крошечной коробке? Вот и весь выбор.

— Значит, все не так, как вы ожидали?
— Ему говорят, что он слишком квалифицированный работник. Ну, как можно быть слишком хорошим для работы?

— Мне не понять. Но думаю, что это расплата за гениальность. Но с Пэтом все в порядке?

— Мне кажется, что он в восторге, Гарри. Все в семье Ричарда носятся с ним. Относятся к нему — ну, не знаю! — как к собственному ребенку.

«Очень порядочно с их стороны», — подумал я, но ничего не сказал.

— У сестры Ричарда есть сынишка, на год моложе Пэта. Они очень сдружились. Много времени проводят вместе. Они тоже живут в Коннектикуте, как и вся остальная семья.

— Но это не то, что ты ожидала?

— Где найдешь землю обетованную? Сейчас я начинаю понимать, что это не так просто.

— И когда в таком случае вы возвращаетесь домой?

Она вздохнула:

— Наш дом теперь здесь, Гарри. Ричарду предложили еще одну работу, в компании «Брайдл-Уортингтон»

— Что это? Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Это брокерская фирма, Гарри. «Брайдл-Уоотингтон» — это брокеры с Уолл-стрит.

— Ты же говорила, что он слишком квалифицированный.

— Это не совсем то, что он искал. Зарплата гораздо меньше. Но они предложили Ричарду работу. Конечно, денег не очень много, не совсем то, что он хотел бы, но на первое время...

— Я понял, что это значит. Либо ехать очень долго на поезде, либо жить в каморке. Ты ведь так мне объяснила?

— Идеальных мест нет. Хотя Коннектикут очень красив. До Нью-Йорка час на поезде, может, немного дольше. Мы подыскиваем школу в районе Харфорда или Нью-Хейвена. Обучение здесь в тысячу лучше, чем в Лондоне. С Лондоном покончено.

— Только не для меня, Джина. У меня с Лондоном не покончено. Послушай, для чего ты мне все это говоришь?

— Для того, чтобы ты знал, что все это сделано не с целью забрать у тебя Пэта, а для того, чтобы начать лучшую жизнь. Для нашей семьи.

— А как же я?

— У тебя есть своя семья,

— Не совсем, потому что ты украла моего сына.

Она на минуту замолчала. Даже на таком огромном расстоянии я мог слышать, как она кипела от негодования.

— Какое же облегчение быть далеко от тебя, Гарри. Как же хорошо, что ты не будешь больше вмешиваться в мою жизнь. Больше всего я мечтаю об этом. Чтобы ты стал мне чужим.

Тут она отсоединилась,

А я остался в комнате. С телефонной трубкой в одной руке и бесценными маленькими зубами-жемчужинами — в другой.

Иногда по вечерам мы укладывали Пегги спать и один из нас читал ей на ночь, пока она не засыпала. Потом мы смотрели телевизор, занимались на диване любовью, и наша маленькая семья, казалось, процветала.

В какие-то дни Пегги оставалась на ночь у своего отца, и тогда все было еще лучше. Джим Мейсон завел себе новую подружку, и та явно старалась показать, какая она замечательная, щедро одаривая Пегги подарками и вниманием. Всем этим она показывала, что так будет всегда. Почему-то именно в те вечера, когда Пегги оставалась у своего отца, Сид всегда задерживалась на работе.

Все почему-то затягивалось, когда Пегги не было рядом. Банкеты, посвященные открытию новых проектов в Вест-Энде, конференции в Сити — может, это являлось простым совпадением, но Сид всегда работала допоздна, когда не надо было спешить домой к Пегги. Да, наверное, это всего лишь совпадение.

Так я думал. Пока не узнал его машину.

Я стоял у окна, когда увидел подъезжающий «Порше-911». Была поздняя ночь, или, скорее, раннее утро, когда знакомый «911» въехал на-нашу улицу с хищной грацией акулы, охотящейся на мелководье.

Машина остановилась. Мне были видны их силуэты. Я наблюдал за профилем моей жены и Люка Мура, которые сидели в «Порше» и разговаривали. Просто разговаривали.

Когда послышался звук отпираемого замка, я уже находился в постели. Лежал на боку с закрытыми глазами и ровно дышал.

Моя жена прошла на цыпочках в спальню и начала как можно тише раздеваться, притворяясь, что поздно вернулась с работы, в то время как ее муж притворялся спящим.

***

В кресле моего отца сидел какой-то старик.

От этого мне показалось, что я ошибся адресом, и пришел не туда. Никто никогда не садился в кресло моего отца — ни моя мама, ни Пэт, ни я. Старое кресло у камина являлось не самым лучшим местом в доме. Оно стояло напротив телевизора под неудобным углом, к тому же его мягкое сиденье продавилось от старости. Но это всегда было кресло моего отца, что-то вроде провинциального трона в современном каменном дворце. И хотя отца не было в живых уже два года, оно всегда оставалось его креслом. Кто же этот старик?

— Здравсь, паря, — произнес он, обращаясь ко мне.

«Здравсь, паря?» Что это он имеет в виду?

Внешне старик выглядел прямой противоположностью моего отца. У него имелась роскошная серебристая шевелюра, зачесанная назад, тогда как мой отец обладал гладкой блестящей лысиной. Мой отец был плотным и мускулистым, а этот тип имел осиную талию престарелого жиголо. Отец всегда носил дома широкие спортивные брюки, матерчатые тапочки «под гобелен» от Маркса и Спенсера и кардиганы какого попало немаркого цвета. Настоящий провинциальный папаша, хотя я знал, что под скромным свитером прячутся военные ранения.

Этот же самозванец вырядился ковбоем. Рубашка с бахромой. Сапоги с острыми носами и высокими каблуками. Тесные, обтягивающие джинсы «Ливайс» с огромной пряжкой на ремне, под которыми ясно виднелись выпуклые очертания его старческого отростка. Дедушка кантри-певца Глена Кемпбелла.

— Здравсь, паря, — повторил он, медленно поднимаясь из кресла моего отца. Совсем не торопясь. — Зовусь я Тексом. Ты, должно быть, Гарри. Рад познакомиться, приятель. Элизабет много про тебя рассказывала.

Нэнси Гриффинпела «Печаль одинокой звезды». Напевая, в комнату вошла моя мать с подносом, на котором были расставлены чашки, чайник и тарелка с печеньем.

— Я вижу, ты уже познакомился с Грэмом, дорогой, — сказала она.

— Грэм? Я думал...

— Текс — это мое сценическое имя, — сказал он, не моргнув глазом. — Грэм... Не

знаю, но как-то не звучит, когда выделяешь все эти кренделя, верно ведь?

— О-о, ты бы видел, как Грэм, я хотела сказать Текс, танцует, — хихикнула моя мать, передавая по кругу имбирное печенье. — Иногда начинает казаться, что еще немного — и он просто взлетит в воздух на своих старых ходулях.

Ну, теперь все встало на свои места. Дружок по танцам. Вот оно как. Совершенно безобидное дело. Ничего предосудительного. Два пенсионера-бодрячка иногда развлекаются танцами на закате своих дней. Очень даже естественно. Но мне трудно было это воспринять. Я все еще не мог оправиться от присутствия Текса.

Моя мать, у которой имелось шестеро братьев и не было ни сестер, ни дочерей, которая провела всю свою жизнь в окружении мужчин, всегда была очень избирательна в выборе знакомых и дружила исключительно с женщинами. Если не считать, конечно, моего отца: он всегда был самым лучшим ее другом.

— Познакомились мы с твоей матерью, когда танцевали «Четырехзвездный буги». — Он будто прочитал мои мысли. — Подсказал ей кое-что. Ей и... Элси?

— Этель, — поправила его моя мама. — «Четырехзвездный буги», — напела она себе под нос. — Такой трудный танец. Все эти повороты.

— Вращения, — мягко поправил ее Текс. — «Четырехзвездный буги» — это танец в четыре ряда, — сообщил он, как будто я собирался проявить интерес к такого рода подробностям. — В отличие от «Дикого-дикого Запада» — танца, который, как вам, наверное, хорошо известно, исполняется в два ряда.

— Вы живете где-то поблизости, Текс?

— В Саут-Энде. Прямо по шоссе A127, потом направо у старого паба «Рок войны».

— Грэм работал страховым агентом, — подсказала мама. — Конечно, сейчас он на пенсии.

Текс налил всем чаю:

— Один кусок сахара или два? Я-то и без того сладкий.

Моя мама буквально покатилась со смеху, как будто услышала что-то очень остроумное.

Она отправилась на кухню за очередной порцией печенья, а я извинился перед Тексом и вышел вслед за ней.

— Я думал, что ты ходишь на танцы с тетушкой Этель, — начал я.

— Этель бросила танцы. Из-за своего артрита, Гарри. Все эти притопы вызвали у нее обострение. Бедняжка.

— Что этот Джон Уэйн делает в нашей гостиной, сидя в кресле отца?

— Старина Грэм. С ним все в порядке. Не волнуйся, он безобиден. Просто отвозит меня до дома на своей машине. Поверь мне, он слишком высокого о себе мнения. Очаровал всех наших старушек.

— А тебя?

— Меня? — Мама искренне рассмеялась. — Не беспокойся, Гарри. Для меня это прошедший этап. Если я приглашаю мужчину домой на чашку чая с печеньем, то можешь быть уверен, что он получит именно чай, ну, может быть, к печенью я еще добавлю заварной крем.

— А Текс знает об этом? — Я вспомнил выпуклые очертания в районе ширинки джинсов «Ливайс». Хотя маме перевалило уже за семьдесят, она была очень миловидной женщиной и вполне еще могла привлечь какого-нибудь похотливого старикашку. — Он не будет хвататься за шестизарядный пистолет? — произнес я с ухмылкой, притворяясь, что уже знаю ответ.

Но мама перестала улыбаться.

— У меня был муж, — сказала она. — И этого для меня вполне достаточно на всю жизнь.

***

— Твоей маме необходимо доказать себе, что она все еще женщина, — сказала моя

жена. — Она должна проявить свою сексуальность.

— Она — маленькая старушка! И проявлять себя ей надо как-то по-другому. Пусть вяжет, наконец!

Мы собирались ложиться спать. Как делали это уже сотни раз. Но вид моей раздевающейся жены все еще возбуждал меня. Чего стоят ее длинные обнаженные ноги! Не думаю, что она чувствовала то же самое, глядя, как я натягиваю на себя полосатую пижаму.

— Мне кажется, что это просто замечательно, что у нее есть друг-мужчина, Гарри. Ты ведь знаешь, как ей не хватает твоего отца. Не хочешь же ты, чтобы она всю оставшуюся жизнь спала с зажженным светом?

— Она всегда была с моим отцом. И ей должно его не хватать. Это правильно.

— Значит ли это, что после твоей смерти я обязана хранить тебе верность?

Я фыркнул:

— Мне будет вполне достаточно, если ты будешь мне верна, пока я жив.

В этот момент она надевала через голову футболку и на мгновение застыла. Потом показались ее прищуренные глаза:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего.

— Выкладывай.

— Просто ты, кажется, чересчур подружилась с этим типом.

— С Люком?

— Его так зовут?

— Господи, Гарри! Меня не интересует Люк. По крайней мере, не в этом аспекте.

— Ты говорила, что он хочет...

— Мне наплевать, чего он хочет. Одно дело хотеть, другое — получить. Он достаточно умен, чтобы понять, чем я занимаюсь. И он знает, что я могу быть полезна его бизнесу. Думаю, что он может и мне быть полезен. Я им восхищаюсь, понял?

— Ты восхищаешься торговцем бутербродами?

— Он блестящий бизнесмен. Все, что он имеет, он заработал тяжелым трудом. Я знаю, что тебе не понравились его слова об Эймоне. Мне тоже не понравились. Но это только бизнес. Неужели ты думаешь, что я имею на него виды? Я не трахаю все, что движется, Гарри. Я не мужчина, я — не ты.

— Ну, и как же вы общаетесь — ты и старина Люк? Мне просто любопытно, как строятся ваши отношения.

— Его компания получает больше заказов, чем они могут принять. Если что-то появляется, когда они полностью заняты, он вызывает меня.

— Нет, я имею в виду, как строятся ваши с ним взаимоотношения? В другом плане. Он знает, что ты не заинтересована в нем как в мужчине? Его это устраивает? Или он все еще лелеет надежду наложить руки на твои канapé? Можешь не отвечать, потому что ответ я знаю.

Я понимал, что мне следует заткнуться, но уже не мог остановиться. Я испугался, что теряю ее. Это было смешным, потому что именно я отправился в дом Джины, зная, что ее там нет.

— Хочешь, я скажу тебе, Гарри, что меня огорчает? Ты думаешь, что он хочет от меня только одного. Но может — только может, — его интересует и еще кое-что? Тебе это не приходило в голову? Почему тебе так трудно поверить в то, что кому-то я нравлюсь именно тем, что могу делать. Не тем, как я выгляжу. Неужели это так трудно себе представить?

«Потому что ты все еще сводишь меня с ума, — подумал я. — И я не могу себе представить, что другие мужчины смотрят на тебя и не чувствуют того же, что и я». Но вслух я ничего не сказал.

— Не хочу даже с тобой разговаривать, — сказала она, повернулась на бок и резко выключила свет на своей тумбочке.

Я повернулся на другой бок и тоже выключил свет.

Какое-то время мы молча лежали в темноте. А когда она заговорила, в ее голосе не было ни слез, ни гнева. Только некоторое недоумение:

— Гарри?

— Что?

— Почему тебе так трудно поверить, что тебя любят?

Тут она застала меня врасплох.

***

Казуми говорила, что каждое утро она посещает курсы фотомастерства в Сохо. После пары неудачных попыток я обнаружил, что если правильно рассчитаю, то смогу перехватить ее по дороге от дома Джины до станции метро. Мне самому было трудно поверить в то, что я делал. Но все равно я шел на это.

Я остановился у края тротуара, посигналив ей, игнорируя машины сзади, которые из-за меня остановились в этот утренний час пик и отчаянно мне сигналили.

Я притворился удивленным:

— Казуми? Я так и подумал, что это вы. Хотите, подвезу вас в город? Мне по пути.

Несколько неохотно она села в машину. Казалось, что она не так уж и рада меня видеть, во всяком случае, не настолько, насколько я надеялся. Казуми с трудом втащила большую картонную коробку, на которой было написано «Илфордская фотобумага». Еще на плече у нее висели два фотоаппарата, но она не выглядела как обычная туристка. Я спросил, нравится ли ей Лондон, что она сейчас изучает и скучает ли она по Японии. Я слишком много говорил, нес всякую чепуху, щеки мои горели от возбуждения. Наконец, ей удалось вставить слово.

— Гарри, — сказала она.

Не Гарри-сан? Не уважительно-вежливое обращение? Должен признаться, что я был несколько разочарован.

— Вы женаты, Гарри. У вас красивая жена, которую вы очень любите.

Все это было правдой. Она смотрела на застывшее, парализованное движение за окном машины, качая головой.

— Или я что-то не поняла?

Нет. Дело во мне. Это я что-то не понял. И тут меня вдруг осенило. Я точно знал, что это было.

***

Пахло рыбой и пряностями.

В кухне Сид экспериментировала с приготовлением красной фасоли, риса и какой-то рыбы, кажется, сома, когда я ввалился туда и плюхнулся перед ней, прямо на разделочную доску стопку глянцевых проспектов.

— Что это?

Я вытащил один проспект наугад и, подражая рекламному агенту, продемонстрировал ей пальмы, голубое море и белый песок.

— Барбадос, дорогая. — Я начал перебирать брошюры. — Антигуа. Санта-Лючия. Каймановы острова.

— Ты что, сошел с ума? Мы не можем поехать на Карибы. Только не сейчас.

— А как насчет Мальдивов? Или Красного моря? Кох Самуи?

— Я не поеду в Таиланд, Гарри. У меня работа. Я взял ее руки в свои:

— Давай убежим вместе?

— Не трогай меня. Я вся пахну рыбой.

— Мне все равно. Ты — любовь всей моей жизни. И я хочу увезти тебя в какой-нибудь тропический рай.

— А как же Пегги?

— Флорида. Любое место на земном шаре. На пару недель. На неделю. Она сможет плавать и нырять, загорит, покатается на лодках-бананах. Ей понравится.

— Я не могу забрать ее из школы.

— Джина ведь забрала Пэта из школы.

— Я — не Джина. И я не могу уехать на две недели. Имелись среди проспектов и другие брошюры.

Тоненькие, с городскими пейзажами на обложках вместо солнечных пляжей.

— Ну, а как насчет мини-отпуска? Всего на несколько дней? Прага. Венеция. Или Париж. Пэту очень понравился Париж.

— Гарри, я сейчас слишком занята. Мы только что раскрутились. Мы с Салли едва успеваем поворачиваться. Думаем нанять еще кого-нибудь в помощь.

— Барселона? Мадрид? Стокгольм?

— Извини. Я вздохнул:

— Хочешь, пойдем в кино? Поужинаем в китайском квартале? Салли побудет с Пегги.

— Когда ты планируешь? Мне подходит воскресенье.

Мы с женой вытащили наши ежедневники и в окружении кастрюль и продуктов попытались найти окно для романтического вечера.

II

Твое сердце — это маленькое чудо

13

Моя жена. Я всегда мог выделить ее в заполненном людьми зале. Особенный овал лица, наклон головы, манера откидывать назад волосы. Мне всегда достаточно одного взгляда. Никогда не мог спутать ее ни с кем. Даже когда совершенно не ожидал увидеть.

Это был торжественный вечер на телестудии, посвященный открытию нового сезона телепрограмм. Вино и закуски, сплетни, немного лести, речь, произнесенная Барри Твистом о предстоящих развлечениях. Вечер принудительного веселья. Впрочем, ничего удивительного для моего рода деятельности. Эймон официально находился в отпуске, и «Фиш по пятницам» не был включен в график весеннего показа, но я решил, что должен присутствовать на торжестве. Совет, который дал мне Марти Манн, тяготил меня больше, чем я хотел признаться самому себе. Может, мне следовало бы осмотреться вокруг и поискать новые таланты. Может, глупо было возлагать все свои надежды только на одного человека? Но в данный моментя не мог думать ни о чем ином, потому что здесь присутствовала моя жена. Я протолкался к ней. Сид ничуть не удивилась, увидев меня.

— Гарри? Ну, и как ты тут?

— Работаю.

Если можно назвать работой четыре часа светской беседы под шардоннэ. Для моего отца такой вечер стал бы особенно торжественным, но для меня он был одним из привычных трудовых будней.

— А ты как? — хотя сейчас я уже догадался как.

— Тоже работаю. — Только теперь я заметил, что она держит пустой металлический поднос, на котором лежало несколько кусочков, оставшихся от рыбных пирожков или от канапе. — Салли исполняет роль моей няни. Я хотела сказать, нашей няни. Мне позвонили сегодня днем. Обычно эти вечера обслуживает Люк и его компания. Но они сейчас перегружены. Для меня это хорошая возможность заработать.

Люк. Опять этот подонок!

Мы улыбнулись друг другу. Я был очень рад ее видеть. Я чувствовал себя так одиноко на этой вечеринке, пока вдруг не увидел ее лицо. Сид до этого уже бывала на некоторых сборищах вместе со мной, хотя и не в последнее время.

Она никогда не отлынивала от похода со мной на встречи, но данное мероприятие было совсем не в ее духе: слишком много сигаретного дыма, алкоголя и бессмысленной болтовни ни о чем с людьми, которых она больше никогда не увидит и которые всегда поглядывали

поверх вашего плеча, выискивая какую-нибудь знаменитость. Но она бывала со мной здесь раньше, поэтому совершенно естественно увидеть ее, пусть даже и с металлическим подносом.

Я дотронулся до ее руки:

— Принести тебе что-нибудь выпить?

Она рассмеялась:

— Иди работай, малыш. Еще увидимся, ладно? Мы можем вместе пойти домой, если ты сможешь помучиться здесь до тех пор, пока я не соберу посуду.

Она чмокнула меня в щеку и отправилась на кухню за очередной порцией рыбных пирожков. А я принялся фланировать между гостями, стараясь избегать тех, кто мог бы начать расспрашивать меня об Эймоне и его нервном расстройстве. В центре зала был установлен стенд с телевизорами, по которым передавались рекламные ролики новых проектов предстоящего сезона. Было много шоу Марти Манна. Возобновлялся показ серии «Шесть пьяных студентов в одной квартире», а также программы студии Си-Си-ТВ «Вас обокрали!». Я стоял напротив стенда, потягивая пиво и взирая на ролики тупых викторин, сериалов и ток-шоу.

«Затасканная пошлятина, — рассуждал я. — Это же губительно для телевидения».

Рядом со мной возникла пара соответствующе одетых деловых людей, которые, забрасывая в рот орешки, так уставились на экраны с рекламой, как будто никогда в жизни не видели телевизора. Они не могли быть ни с телестудии, ни из выпускающих компаний, которые делали передачи, потому что были слишком формально одеты. На телестудии у нас существовал определенный стиль одежды — модно, но одновременно небрежно. Причем всегда. Может, это рекламодатели, которых пригласили, чтобы дать им почувствовать вкус славы со скидкой?

Мимо меня проскользнула Сид, неся в каждой руке по подносу, наполненному сашими. Она подмигнула мне и наклонилась, чтобы поставить один из подносов на стол. Двое мужчин отвернулись от телеэкранов, их челюсти усердно двигались, перемалывая орешки.

— Погляди на эти ножки, — сказал один из них.

— Они у нее растут от шеи, — поддакнул другой.

— А вот попки совсем нет.

— Плоская, как блин.

— И сисек нет.

— А их не бывает при таких ногах.

— Хотя попка очень важна.

— Это точно.

— Даже при таких ногах надо, чтобы была либо попка, либо сиськи. Потому что за что-то ведь надо держаться, когда начинаешь.

— Хотя ножки отличные.

— Такие как обхватят твою шею, так не захочешь и вздохнуть.

Они оба давились от смеха, следя, как моя жена пошла дальше.

Я с горящим лицом пристально смотрел на них, не отводя взгляда, стараясь, чтобы они заметили меня.

Но они не обратили на меня внимания. Орешки у них закончились, и, напрасно запустив пальцы в вазы, где оставались только соленые крошки, они отправились на поиски еще чего-нибудь вкусенького.

Я пошел искать жену. И наткнулся на нее в тот момент, когда она угощала сашими группу смутно знакомых мне женщин. Они угощались сырой рыбой и одновременно умудрялись полностью игнорировать Сид. Эти чертовы людишки. Что они себе думают? Она что, для них пустое место?

Сид улыбнулась мне. У нее очень милое лицо, которое таким и останется, несмотря на все годы, которые пройдут. Но я не смог улыбнуться ей в ответ:

— Бери свое пальто. Мы уходим.

— Уходим? Но я не могу уйти. Еще нет, малыш. Что случилось? Ты выглядишь, как будто...

— Я хочу уйти.

— Но у меня работа. Ты ведь знаешь.

Женщины начали поглядывать на нас, держа кусочки лосося и тунца своими пухлыми пальчиками. Я взял Сид под руку и отвел ее в сторону. Ее металлический поднос уперся в чью-то спину. Сашими угрожающе поползли вниз.

— Серьезно, Сид, Я уйду домой. Прямо сейчас. И я хочу, чтобы ты пошла вместе со мной. Пожалуйста.

Она больше уже не улыбалась:

— Ты, может, и идешь домой, Гарри. А я буду работать. Что случилось? Объясни мне. Кто-нибудь сказал что-нибудь об Эймоне? Ты поэтому так расстроился? Забудь про Эймона. Марти прав. Ты должен начать что-нибудь новое.

Я хотел бы сказать ей, чтобы она не растрчивала себя здесь. Я очень хорошо знал, каковы здешние мужчины, потому что я сам — один из этих мерзавцев. Но она все равно не поняла бы, о чем я говорю. Она была очень наивна. Считала, что все ценят ее за хорошо выполняемую работу, за сырую рыбу и жареную на палочках курицу.

— Пожалуйста, Сид. Пошли со мной.

— Нет, Гарри.

— Тогда делай как знаешь.

— И сделаю.

Итак, я оставил ее кормить все эти жесткие, пустые физиономии, а сам пошел искать такси. Я оставил ее там одну, хотя понимал, что она слишком хороша для этого места и для этих людей.

***

Когда я пришел домой, Пегги уже давно спала. Салли сидела на диване, одной рукой покачивая колыбельку со своим малышом, а другой переключая программы на пульте телевизора. Малышку звали Прешиз. Салли спросила, как прошел вечер. Конечно же, она имела в виду для «Еды, славной еды», а не для телестудии. Я ответил, что все было хорошо. Потом я заказал для нее такси.

Мою жену привез домой Люк Мур. К тому времени я уже лежал в кровати на боку, притворяясь спящим и изображая ровное, ритмичное дыхание. Я прислушивался к тому, как жена раздевается, как с ее стройного тела спадает одежда, и мое сердце под полосатой пижамой от Маркса и Спенсера болело за нее. Потом мы долго лежали молча в темноте, стараясь не тревожить друг друга. Спиной друг к другу в супружеской кровати и в то же время не соприкасаясь.

— Ваше сердце, мистер Сильвер, — это маленькое чудо.

— Маленькое чудо.

«У моей жены роман, — думал я. — Она трахается с этим типом. Я знаю».

— Сердце — это маленький насос, размером с кулак, — говорила мой врач, доктор Баджо, накачивая манжет, который она обернула вокруг моей руки. Я чувствовал, как тот надувается. — У всех нас есть кровяное давление. У здорового человека нормальное давление составляет 120 на 80. А ваше... ну надо же...

Так оно обычно и случается. Обещаешь любить друг друга вечно. И сам веришь в это. Не планируешь спать ни с кем другим в жизни. Потом время подтачивает любовь, как волны прилива подтачивают прибрежные скалы. И в конце концов твои чувства — ее чувства — уже стали не теми, чем были когда-то. Как свет в темную комнату, впускаешь в свою жизнь других людей, а потом уже не можешь их выпроводить. После того как уже впустил. Что же тут поделаешь?

— Можете надеть рубашку, — раздался голос врача.

Сид уже больше не хотела никакого секса. Только не со мной. Даже мои чудесные презервативы не привлекали ее больше. Ну, по субботам мы еще занимались любовью,

правда, иногда это откладывалось до воскресенья или переносилось на понедельник, если ресторанный бизнес требовал ее присутствия. Но у меня было ощущение, что она идет на это только для того, чтобы я не возникал. Что ей проще спокойно лежать и ни о чем не думать, чем ссориться по этому поводу. Она всегда говорила, что слишком устала. Да. Конечно. Устала от меня.

Мне даже не секса не хватало. Это было нечто другое. Я хотел снова почувствовать себя любимым.

— Есть много способов контролировать давление, — продолжала доктор Баджо. — Нужно сократить принятие алкоголя. Сбавить вес. Заниматься физическими упражнениями. Можно даже поменять жену.

— Поменять жену?

Ведь не так уж все и плохо. Я хотел, чтобы мой брак сохранился. На этот раз я хотел все сделать правильно. Раз и навсегда.

— Но я люблю свою жену.

— Не жену, мистер Сильвер, а свою жизнь. Не поддавайтесь обстоятельствам. Старайтесь находить время для себя и контролировать свои эмоции. Вам, мистер Сильвер, необходимо поменять свою жизнь. У вас она одна.

Жизнь. Не жену.

У вас, очевидно, она не одна.

Сердце — это маленькое чудо.

— Мне нравилось то, как на меня это воздействовало, — говорил Эймон. — Давным-давно. И мне опять захотелось испытать это чувство.

Мы гуляли по территории частной клиники, которая находилась в часе езды на машине к югу от Лондона. Эймон говорил о кокаине, пока мы шли по парку, загребая ногами опавшие листья. Он завершил только половину 28-дневного курса детоксикации, но уже выглядел гораздо лучше, чем когда я видел его в последний раз, вернувшегося с Эдинбургского фестиваля. Сегодня днем он должен был участвовать в футбольном матче. Наркоманы против маниакально-депрессивных больных. Но матч отменили. Страдающие маниакально-депрессивным психозом были слишком депрессивны.

— У нас тут проводятся групповые занятия. Такие истории рассказывают, Гарри! Закачаешься. Все эти алкоголики-наркоманы повествуют о том, в какой момент у них все пошло наперекосяк. Каких только зависимостей не существует! И некоторые из пациентов очень красноречивы. Знаешь, что сегодня утром сказал один из них? Алкоголь дал мне крылья для полета, но потом он отнял у меня небо и все остальное. Правда, здорово? Я точно так же ощущаю свое отношение к кокаину.

— Но это же ничего не объясняет. У тебя есть замечательная жизнь: деньги, слава, девочки, а ты на все это плюнул из-за какого-то чувства. Даже не чувства, а воспоминания о чувстве.

— Брось, Гарри. Я же знаю, что ты не пьешь, и наркотики — тоже не твой профиль. Но ты испытываешь примерно то же самое.

— Как это?

— У тебя то же самое по отношению к женщинам.

Тут я понял, что он прав. Именно поэтому я хотел, чтобы Сид снова стала той женщиной, какой я увидел ее в день нашего знакомства. Поэтому я пошел к Казуми. Оказывается, я тоже был пленником чувства.

Память о величайшем чувстве на свете.

Это не кокаиновый порошок и не алкогольный дурман. Это чувство, которое появляется у меня, когда я начинаю отношения с женщиной. Страсть, секс, вдохновение, ощущение того, что жив и кому-то нужен, — все это обволакивает постоянно ускользающее от нас время.

Мне нравилось чувствовать это.

И я не мог ничего с собой поделать. Я снова желал это испытать.

Даже если потом возникнут серьезные проблемы.

14

Джим Мейсон походил на мужскую особь, достигшую плодоносящей поры.

На его точеном лице наметился второй подбородок, а из-под кожаной куртки, как зрелый кабачок, выглядывал пивной животик. Но, несмотря на это, было видно, что он все еще способен надеть неприятностей. Бывший муж Сид явился за своей дочерью.

— Привет, Гарри. Как дела, приятель? Пегги готова?

Никогда не представлял, что буду принимать участие в разыгрывании подобной сцены. Хотел бы я знать, как нужно правильно себя вести в таком случае. Этот мужчина разбил сердце женщине, которую я люблю. Но если бы он этого не сделал, то моя жена и я не были бы вместе. Мне нужно его благодарить за это или следует надавать ему тумаков? А может, и то и другое?

Когда-то Сид была от него без ума, а он бросался за ее спиной на каждую подвернувшуюся азиатку, которая оказывалась ему доступна от Хьюстона до Хокстона. Моя любимая сделала все, что было в ее силах, чтобы брак с этим уродом состоялся. Она даже поехала за ним в Лондон, когда стало понятно, что Америке нет до него никакого дела. Она поддерживала его после аварии на мотоцикле, ухаживая за его дурацкой ногой. Даже уже после встречи со мной она дала ему еще один шанс. Ну и, конечно, она родила ему ребенка, которого потом сама и воспитывала. Мне следовало бы ненавидеть Джима Мейсона. Но я обнаружил, что с ненавистью у меня не очень-то получается. Скорее, я испытывал к нему чувство болезненной ревности.

На самом деле меня передергивало не оттого, что он плохо относился к Сид, а потому, что он завоевал ее сердце, не прикладывая к этому никаких усилий. А потом, тоже как бы между прочим, разбил его вдребезги. Но презирать его, мужчину, который был первым мужем моей жены, я не мог.

Он всегда приветлив со мной.

— Сид еще на работе? Женщины никогда не переделают всей работы! Шучу, шучу. Передай ей от меня привет. А где там моя ненаглядная маленькая принцесса? Она готова?

— Папочка!

Пегги отбросила в сторону куклу Люси-балерину и бросилась к отцу. Джим поднял ее на руки и поцеловал в темную макушку. Она обхватила ногами его талию, а руками шею, самозабвенно обнимая его. Они редко виделись, отец и дочь. И поэтому каждая их встреча становилась такой эмоционально насыщенной, что напоминала сцену воссоединения освобожденного пленного вьетконговца со своей семьей. Но мне трудно судить, насколько искренними были эти эмоции. Длительные периоды-разлуки могут вынудить родителей и детей чувствовать себя почти чужими.

Я проводил их до двери. У них всегда был один и тот же маршрут. Сначала поездка на мотоцикле Джима в «Кей Эф Си» или «Пиццу-экспресс». Я сомневался в том, что Пегги была достаточно большой, чтобы ездить на мотоцикле. Но Джим не обращал на это внимания. Он плевать хотел на такие мелочи. Однажды Сид заметила, что Пегги слишком мала для мотоцикла. Тогда Джим резко повернулся и ушел, оставив свою дочь горько плакать. Три месяца после этого он не появлялся. Теперь поездки на мотоцикле обсуждению не подлежат.

Посещения Джима всегда сопровождалась покупкой какой-нибудь огромной, ненужной и на удивление бесполезной игрушки. Чаще всего это были плюшевые медведи, размером больше Пегги.

Когда они ушли, я вдруг с тревогой понял, что она забыла надеть свой детский шлем для мотоцикла. А Сид установила очень жесткие правила поездок на мотоцикле:

1. Всегда надевать шлем.
2. Крепко держаться за папу.

3. Не ездить под дождем.
4. Не уезжать далеко.
5. Не выезжать на шоссе.

Я выскочил на улицу, но огромный, звероподобный мотоцикл «Нортон» уже был далеко. Пегги сидела сзади, крепко прижавшись к обтянутой кожаной курткой спине отца. Волосы на ее непокрытой голове развевались по ветру. Я побежал вдогонку, размахивая детским шлемом и выкрикивая их имена. Но они меня уже не слышали и. Дорога была длинной и прямой, и я следил за тем, как мотоцикл уменьшается в размерах, и ругал Джима за его наплевательское отношение к собственной дочери.

Вдруг в самый последний момент они повернули назад.

Когда, мотоцикл приблизился, я стоял посередине улицы с бешено колотящимся в груди сердцем. Так бывает, когда твой ребенок неожиданно подвергается ненужному и необоснованному риску. «Нортон» затормозил прямо передо мной. Улыбающиеся лица Джима и Пегги сияли от восторга. Я тут же нахлобучил ей на голову шлем.

— Ты чертов идиот, Джим.

Он встряхнул своей красивой головой, словно не веря своим ушам:

— Как ты меня назвал?

— Ты слышал. А что мама тебе говорила, Пегги? Что самое главное в езде на мотоцикле? Какое правило номер один?

Они перестали улыбаться и смотрели на меня из-под своих шлемов, удивительно похожие друг на друга. Мне всегда казалось, что Пегги похожа на Сид, но сейчас я видел, что она и его дочь тоже.

— Ну, Пегги, что мама тебе все время повторяет? Что ты должна помнить?

— Крепче держаться за папу, — ответила моя падчерица.

***

Как же трудно для приемного родителя суметь проявить достаточно внимания к чаду и в то же время стараться не переборщить со своей заботой!

Существуют, конечно, совершенно безответственные отчимы и мачехи. Это те, которые оказываются на скамье подсудимых, о которых пишут в газетах и которые потом попадают в тюрьму. Проблема с заботой о своих пасынках и падчерицах их совершенно не тревожит. Им все равно. Для них ребенок их партнера — надоедливый, ненужный довесок, живое напоминание старых, давно отживших свое отношений. А как же все остальные? Те, которые хотят, чтобы все было как надо?

В нас нет ничего особенного. Мы ничуть не лучше других, только потому что взяли на себя исполнение роли родителя не своего биологического ребенка. Мы ввязываемся в это, не задумываясь о последствиях, а если и задумываемся, то нам кажется, что все устроится само по себе. Мы думаем, что любовь и смешанная семья как-нибудь уживутся. Да-да, именно на это мы и надеемся.

Но и в смешанной семье остаются те же проблемы, что и в прежней, только еще добавляются и свои собственные. Мы ничего не можем дать приемному ребенку, кроме доброты и поддержки, потому что настоящие родители поступают именно таким образом. Но в тоже время мы не имеем права отругать приемного ребенка так, как это делают родители биологические.

Я ни разу не поднял руку на Пэта.

Но на Пегги я не мог даже повысить голоса.

Приемные родители — те, которые стараются сделать все возможное, — хотят добиться симпатии приемных детей. Биологические родители в этом не нуждаются. Потому что знают: их и так любят.

Это любовь безоговорочная, которой любят без всякого повода и условий. Родителям нужно сделать что-то уж очень скверное, чтобы поколебать любовь своего ребенка. С приемными родителями все по-другому. Их так не любят.

И мне лично все больше и больше кажется, что нет ничего, что помогло бы завоевать

такую любовь.

Я был либо слишком мягок — уж очень мне хотелось нравиться Пегги и я старался изо всех сил заслужить ее симпатии, либо слишком старался заменить ей родного отца. Пожалуй, пытаться быть не тем, кто ты есть и кем никогда не сможешь стать, как раз и есть самая большая ошибка приемного родителя.

В минуты спокойствия я понимал, что Ричарду приходится нелегко. Я знал, что привычки, которые он пытается привить моему сыну, — посещение музеев, чтение книг о Гарри Поттере, употребление в пищу тофу, даже жизнь в другой стране — малыш не рассматривал как наказание. Не из-за этого я испытывал к Ричарду чувство ненависти, а из-за того, что он забрал у меня моего сына. Что он себе думает? Он Пэту не родной отец.

Быть приемным родителем — неблагоприятная работа. Они никогда не бывают в выигрыше. Вы принимаете либо слишком большое, либо слишком маленькое участие в воспитании этого крошечного незнакомца. Но при этом есть одна вещь, которую приемный родитель не имеет права забывать, — ребенку все равно гораздо тяжелее.

Взрослые всегда могут найти другого мужа или жену, но дети разведенных родителей никогда не приобретут другого отца или мать. Также, как невозможно получить другое сердце, легкие, новые глаза.

В богатстве и бедности, в радости и печали — вы привязаны к родителям, от которых родились.

Пегги была обременена мной, мужчиной, спавшим с ее матерью в одной кровати, который не был для нее ни рыбой ни мясом, ни другом, ни отцом, а всего лишь исполнителем мужской роли родителя.

Этакий «дядя Папа».

***

Вечер, как в старые времена. В этом-то и идея. В «Курзон Мэйфэр» шел обновленный фильм «Энни Холл». Потом мы собирались поужинать в китайском квартале уткой по-пекински. А закончить вечер можно чашечкой кофе в маленьком подвальчике-забегаловке в Сохо, перед тем как вернуться домой. И уже там заняться медленным, ленивым сексом, после которого так хорошо крепко заснуть.

Фильм, утка, кофе, секс.

Потом мы приняли бы любимую позу для сна — как ложки, лежащие в ящике буфета, одна в одну, после чего должны последовать целых восемь часов сна — вместе, на одной подушке.

Идеальное свидание!

Мы вовсе не собирались проторчать весь вечер в каком-нибудь Мет-баре с какими-нибудь Галлахерами. Я пребывал в уверенности, что наш вечер доставит нам радость. Как уже бывало раньше много раз. Но я, наверное, перестарался, желая, чтобы все было как в прежние дни.

Кино оказалось хорошим. И мы гуляли по улицам Сохо, держась за руки и смеясь над Элви Сингером и его Энни Холлом. Совсем так же, как когда-то, мы были полны впечатлениями от фильма и друг от друга.

И только в китайском квартале все пошло наперекосяк.

Ресторанчик «Шеньянский тигр» был переполнен. За соседним столиком расположилась целая китайская семья. Дедушка, бабушка и несколько супружеских пар со своими прелестными детьми, включая новорожденного младенца, похожего на толстощекого маленького Будду с целой копной (вот поразительно!) угольно-черных волос, как у Элвиса Пресли.

Мы с Сид одновременно взглянули на младенца и улыбнулись друг другу.

— Правда, он чудесный? — сказала она. — Такие волосы!

— Хочешь такого же? Еще не поздно изменить заказ. Мне принесут утку, а тебе — малыша.

Я всего лишь пошутил — честно! — но улыбка почему-то тут же исчезла с ее лица.

— Прекрати, Гарри. Не заводи опять старую песню о ребенке. Ты никак не можешь удержаться и не говорить об этом.

— О чем ты? Я и не думал заводить разговор о ребенке. Просто поддразниваю тебя. — У тебя раньше всегда было чувство юмора.

— А ты раньше всегда давал мне спокойно жить.

— Что ты имеешь в виду?

— Знаю, ты хочешь, чтобы я бросила заниматься бизнесом. Так ведь? Тебе надо, чтобы я забеременела и осела дома, на кухне.

Я ничего не сказал. Ну, как я мог отрицать, что предпочел бы обеды, приготовленные для семьи, а не для половины богемного Лондона? Как же я мог отрицать, что хочу ребенка, семью и все ее старомодные составляющие?

Мне хотелось бы, чтобы у нас все было как раньше, но не потому, что желаю закабалить ее, а просто потому, что люблю.

Официант принес нашу утку по-пекински, тарелки с огурцами, зеленым луком и сливовый соус. Я подождал, пока он порежет утку и отойдет.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива, Сид.

— Тогда оставь меня в покое, Гарри. Дай мне спокойно заниматься бизнесом, предоставь мне возможность в кои-то веки сделать хоть что-то для себя самой. Не старайся заставить меня все бросить, ради... даже не знаю, кем ты хочешь меня сделать. Дорис Дэй, так? Или Мэри Тайлер Мур? А может, твоей мамой? Этакой домохозяйкой в духе пятидесятых годов, которая по вечерам никогда не выходит из дома?

Моя мать вообще-то все вечера проводит на танцах. Исполняет «Буги» и «Стройся в ряд», а еще «Мне это нравится, я это люблю». Но я не стал вдаваться в такие подробности.

— Я не против того, чтобы ты ходила куда-нибудь по вечерам. И я рад, что твой бизнес процветает. Просто мне хотелось бы, чтобы у нас с тобой было больше вечеров, подобных этому. Когда ты проводишь вечер со мной.

Но она уже разошлась:

— Ты ведь желаешь быть единственным кормильцем семьи! Большим человеком! Ты собираешься посвятить всю оставшуюся жизнь тому, чтобы стать копией своего отца?

— Возможно. Мне известны худшие варианты, чем мой отец. — Я резко отодвинул от себя тарелку. У меня вдруг пропал аппетит. — А ты собираешься всю оставшуюся жизнь подлизываться к уродам?

— Люк Мур не урод. Он блестящий бизнесмен.

— А кто говорит об этом Люке чертовом Муре? Я имел в виду тех пьяненьких парней из Сити, которые считают, что имеют право залезть тебе под юбку только потому, что ты приготовила для них курицу, жаренную на палочках!

Тут из ее сумки послышалась трель мобильного телефона. Она вынула его и сразу же узнала номер звонившего, потому что это был наш домашний номер.

— Салли?

Та сидела с Пегги. Сид не любила, чтобы кто-то посторонний оставался с ней.

— Давно у нее рвота?

Прекрасно, подумал я. Теперь ребенка выворачивает прямо на няню.

— Все в порядке? — спросил подошедший официант.

— Спасибо. Все замечательно, — улыбнулся я.

— Жидкая или с кусками пицци? — расспрашивала Сид. — Ладно. Ты не можешь отвести ее в туалет, чтобы ее там рвало? Хорошо, хорошо. Салли, мы будем дома через полчаса. Что? Ничего не надо делать, только надень на нее чистую пижаму, а грязную засунь в стиральную машину. Мы хватаем такси. Пока.

— Что-нибудь случилось?

— Ты ведь знаешь, что она не любит, когда мы уходим из дому одновременно. У нее расстроился живот. — Сид подозвала проходившую мимо официантку. — Принесите, пожалуйста, счет. — Потом взглянула на мое окаменевшее лицо: — Ты сердишься потому,

что Пегги нездоровится?

— Нам следует остаться. Ты должна доесть свою любимую утку. Ничего с Пегги не случится.

— Она съела пиццу «Мистер Милано», и ее тут же вырвало. Как ты можешь говорить, что с ней ничего не случится?

— Потому что это происходит регулярно.

И это было правдой. Каждый раз, когда мы иногда выбирались вечером куда-нибудь, Пегги как будто специально засовывала себе пальцы в рот, чтобы вызвать рвоту.

— Послушай, если бы она действительно заболела, то я бы волновался не меньше твоего.

— Неужели? Не меньше моего? Не думаю, Гарри.

— Неужели ты не видишь? Это что-то вроде шантажа. Пегги делает это специально, чтобы ты прибежала домой. Ешь свою утку, Сид.

— Я не хочу. А тебе, Гарри, следует знать, что она чувствует. Уж кто-кто, а ты должен это знать лучше других. Ты ведь знаешь, каково быть отцом-одиночкой.

— Ты действительно так думаешь? Ты считаешь себя матерью-одиночкой? — Я покачал головой. — Ты замужем, Сид. Ты перестала быть матерью-одиночкой в день нашей свадьбы.

— Тогда почему я до сих пор это чувствую? Почему я до сих пор чувствую себя одинокой?

— Не потому, что с Пегги что-то не в порядке... Официант подал нам счет и поставил перед нами тарелку с разрезанным на четыре части апельсином.

— А потому, что тут что-то не в порядке с нами самими.

***

Вечер был испорчен. На улице оказалось еще хуже, чем в ресторане.

Приветливая, медленно гуляющая публика сменилась группами шумных пьяниц. После окончания спектаклей «Мама Миа» и «Отверженные» зрители выходили из театров и тщетно пытались поймать такси, которые все уже были заняты. Улицы заполнялись празднующейся молодежью из пригорода и приехавшими издалека нищими. Напротив переполненного народом паба начиналась ленивая драка. Послышались звуки разбитого стекла и вой сирены.

И тут я увидел ее.

Казуми.

Она стояла в очереди напротив церкви на Шафтсбери-авеню, которую лет двадцать назад переоборудовали в клуб «Лаймлайт». Мыс Джинной бывали там пару раз. Я и не подозревал, что «Лаймлайт» все еще работает.

Казуми стояла с группой мужчин и женщин, которые выглядели немного моложе ее и по виду были из местных. Она находилась в центре толпы. Молодые люди старались произвести на нее впечатление, а девушки пытались с ней пообщаться. Она терпеливо улыбалась, потом увидела меня и отвернулась, будто и не заметив мужчину своей бывшей подруги, а может, просто не обратила на меня внимания. Казуми собиралась пойти на танцы.

Я шел домой, а она — развлекаться.

Это были не способы провести вечер.

Это были разные жизни.

15

Из Америки пришла еще одна открытка. На ней под словами «Коннектикут — штат мускатных орехов — Новая Англия» было изображение сельской местности с буйной растительностью ярких осенних красок. На обратной стороне открытки — написанное прописью послание от моего сына:

«Дорогой папочка. У нас есть собака. Его зовут Бритни. Мы его любим. До свидания».

— Бритни — это забавное старое имя для собаки, — сказала моя мама. — Наверное, это была идея Джинны.

Когда-то моя мама любила Джину. Я всегда говорил, что, когда они познакомились, моя мама считала Джину таким домашним вариантом Грейс Келли, великолепно сочетающей в себе голубоглазую красотку, старомодную порядочность и знатное происхождение. После нашего развода мама постепенно пересмотрела свое мнение. Сейчас Джина уже меньше всего походит на принцессу государства Монако и все больше напоминает вавилонскую блудницу.

— Мама, может, Бритни сука, а не кобель?

— Нет необходимости так выражаться, — произнесла мама.

Мы находились на кладбище, у могилы отца. Я был здесь впервые после Рождества, когда заезжал за мамой, чтобы отвезти ее к нам домой на праздники. С тех пор прошло уже три месяца. Это было на удивление хорошее Рождество. Мама и Сид с удовольствием фаршировали гигантскую индейку, Пегги целый час висела на телефоне, разговаривая с Пэтом. Они сравнивали свои подарки. Я до сих пор помню выражение лица Пегги, когда она открыла свой подарок и нашла там не только куклу Брюси — диск-жокея на Ибице, но и мелкие кукольные принадлежности к нему, включая крохотные проигрыватели для дисков.

После отъезда Пэта я думал, что Рождество пройдет грустно, с ощущением потери, а на самом деле все оказалось наоборот. Рождество стало приятной передышкой от моей тоски. Время неумолимо шло, и я заметил, что надгробный камень уже не такой безукоризненно белый, как несколько месяцев назад. Он немного покосился от времени, и на нем появились пятна от зимней сырости. Все постепенно меняется, а я и не замечаю этого.

— С Пэтом все в порядке? — спросила мама. — Ему нравится школа? Он завел там друзей? Здесь у него были проблемы, а как там? Я помню, что вы с Джинной ходили к его учительнице. А сейчас у него все наладилось?

— С ним все в порядке, мам, — произнес я, хотя, по правде говоря, не имел ни малейшего представления, стал ли Пэт круглым отличником или все так же бродит по новому классу, как и раньше. У меня было ощущение, что мой сын находится не за тысячи миль от меня, а на расстоянии нескольких световых лет.

— Знаешь, я по нему скучаю.

— Знаю, мам. Я тоже скучаю.

— Он приедет на каникулы?

— На летние. Он приедет на летние каникулы.

— Это долго. До лета еще долго ждать. А как насчет пасхальных каникул? Может, он приедет на Пасху?

— Я поговорю об этом с Джинной.

— Надеюсь, что он приедет на Пасху.

— Я постараюсь это устроить, мам.

— Потому что, знаешь, ведь всякое может случиться. Никогда не известно, чего ждать.

— Мам, ничего с ним не случится, — сказал я, стараясь сдержать раздражение. — С Пэтом все хорошо.

Она взглянула на меня, потерла ладони, смахивая с них землю с могилы своего мужа.

— Я не имею в виду Пэта, Гарри. Я говорю о себе. Я уставился на нее в изумлении, почувствовав, что мир перевернулся.

Мой отец всегда в моем представлении был самым сильным, Мама никогда не водила машину, не отпирала дверь после наступления темноты и терпеть не могла любые конфликты. И только потому, что у нее не было водительских прав, что она всегда вежлива с грубыми официантами и спит с зажженным светом, я решил, что она робкая женщина. Сейчас я готов признать, что у моей матери имелось достаточное количество мужества.

— Мама, что случилось? Она вздохнула:

— Обнаружила опухоль, Гарри. Когда была в душе. В груди.

У меня похолодело сердце.

— О Господи, мам.

— Она маленькая и очень твердая, Я ходила к врачу. Ты ведь знаешь, как я не люблю ходить к врачам. Прямо как твой отец. Сейчас мне нужно сдать анализы. Грэм отвезет меня на своей машине.

«Вот так всегда и случается, — подумал я. — Сначала теряешь одного родителя, потом другого». Как настоящий эгоист, я подумал, что, пройдя через все это с отцом, я не уверен, что смогу пережить то же самое опять. Хотя знал, что все равно придется. Это самое естественное событие в жизни.

Я представил себе ее в душе. Как она намыливала себя кусочком мыла в форме дельфина, которое подарил ей на Рождество ее внук. Я представил себе выражение ее доброго, неповторимого лица, когда она обнаружила что-то, чего никогда раньше не было.

Маленькую твердую опухоль. Опухоль размером с планету.

***

Вернувшись домой, я застал Пегги, сидящей на ковре скрестив ноги и изучающей книжку про куклу Люси.

— Посмотри, Гарри, что у меня есть.

Я уселся на пол рядом с ней и посмотрел в книгу

«Я люблю куклу Люси — самую популярную куклу в мире». Это было серьезное журнальное издание, содержащее социологический анализ и исследования противоречий в различных мировых культурах. Первая статья называлась «Откуда появилась кукла Люси». Я пробежал ее глазами, потому что мне самому стало интересно. Оказалось, что кукла Люси родилась в Париже от матери, которая была наполовину таитянка, наполовину бразильянка, и от отца англо-зулусского происхождения. В книге также сообщалось, что кукла Брюси родом с Ибицы. Были там и более научные статьи. «Кукла Люси как современная модель». «Роль куклы Люси в феминизации общества». «Кукла Люси как кладезь традиционных ценностей». «Кукла Люси как корень сексуальной революции». «Кукла Люси — совершенная кукла. Ее можно сделать всем, чем хочешь».

— Откуда у тебя это, дорогая?

— Это дал мне дядя Люк.

— Дядя Люк?

— Он приехал к нам вместе с мамой на своей гоночной машине.

— Дядя Люк заходил к нам домой?

— Нет. Он дал маме эту книгу для меня. Она для больших девочек.

И почему все эти уроды дарят маленькой девочке совсем не те подарки? Ее отец со своими огромными бесполезными плюшевыми животными. А теперь еще и эта книжка-журнал от дяди Люка. Пегги еще лет десять расти до такого издания. Но я-то что понимаю? Она любит разглядывать картинки, а тут был о огромное количество страниц с изображением куклы Люси разных годов выпуска.

— Так много всяких кукол Люси, — проговорила Пегги.

Итак, куклы Люси во всей своей красе: кукла Люси — деловая женщина (когда кукла Люси работала в офисе гигантской японской корпорации до финансового краха), Люси — танцовщица из Рио (наряд танцовщицы с плюмажем и шлейфом), работница Люси (блондинка, перекрашенная в брюнетку, чтобы подчеркнуть серьезность Люси, делающей карьеру; у нее были очки, правда, без диоптрий, и портфель).

Тут была и кукла Люси — космонавт, кукла Люси — эстрадная дива, Люси — банкирша, Люси — хиппи, Люси — прыгающая на тарзанке, Люси — певица-шансонье, Люси — пилот истребителя.

А еще Люси — домохозяйка, повариха, туристка, продавщица. Карьера и дом, любовь и секс, популярность и скромность, работа и развлечения.

— Какая кукла тебе больше всего нравится, Гарри?

Я взглянул на куклу Люси «Спокойной ночи, крошка», на которой была надета

прозрачная белая рубашечка, достающая только до пупка.

— Мне больше всего нравится Люси — работающая девушка, — ответил я.

— Почему?

— Она напоминает мне твою маму.

— Мне тоже.

Сид наверху переодевалась. Она сидела за туалетным столиком в лифчике и трусиках, глядя в зеркало. Она бросила на меня взгляд, уже настроившись защищаться и ожидая, что я начну высказываться по поводу книги дяди Люка,

Я тряхнул головой и закусил губу.

— Моя мама... — начал я.

— Что случилось?

— Она обнаружила опухоль у себя в груди. — Я произносил слова медленно, с расстановкой.

Тут же моя жена бросилась ко мне и обняла. Она прижала меня к себе так, как делала всего дважды: когда мы узнали, что мой отец умирает. И когда мой сын переехал жить к своей матери.

В самые тяжелые для меня моменты.

Она обнимала меня. Моя жена прижимала меня к себе. Она обхватила меня руками и крепко сжала в объятиях так, как будто не хотела меня никогда отпускать. Гладила меня по волосам, шепча на ухо тихие слова, которые звучали как молитва. Раскачиваясь и убаюкивая меня.

А я в это время плакал и плакал, не в силах остановиться.

***

Мой врач рекомендовала мне плавать. По утрам, сразу после открытия, я шел в местный бассейн и присоединялся к офисным служащим, которые уже тренировались там перед работой, нарезая круг за кругом.

Я проплывал из одного конца бассейна в другой, нараспев повторяя свою мантру; «Мое сердце — маленькое чудо, мое сердце — маленькое чудо». Я плавал до изнеможения. Это новое выражение, которое я выучил недавно. Оно означало делать что-то до тех пор, пока уже не остается сил продолжать. До изнеможения.

Когда я вышел из бассейна, то час пик был в самом разгаре. Народ со стоянки устремился к станции метро.

Кроме нее.

Казуми сидела на траве на корточках и наводила объектив своего фотоаппарата, пока офисные служащие торопились на работу.

Я застыл на месте и долго смотрел на нее, как маленький любопытный зверек.

На ней была черная куртка, сапоги и короткая бежевая юбочка-килт. Даже я смог определить, что килт у нее от Бэрберри. Черные колготки, отличные ноги. Волосы, упавшие на лицо. Вот сейчас она опять отбросит их назад. Она слишком хорошо выглядела для часа пик.

— Что вы фотографируете?

Она взглянула на меня и на этот раз узнала.

Улыбнулась:

— Листья. Распускающиеся листья. Они прекрасны, но всего лишь мгновение. Я люблю японскую сакуру. Вы знаете, что такое сакура?

Я кивнул:

— Цветущая вишня. Да? Японцы ходят в парк смотреть на цветущую вишню каждый год. Она цветет всего несколько дней. Школьники, служащие, рабочие, старики — все ходят смотреть на цветы вишни, пока они не опали.

Она поднялась на ноги, одернула юбочку от Бэрберри и отбросила с глаз прядь волос:

— Вы знаете о сакуре от Джины?

— Да, от Джины.

За все годы, проведенные с моей первой женой, я получил краткий вводный курс по культуре Японии. Я знал о традиции сакуры.

— Не уверен, что листочки северного Лондона подпадают под ту же категорию.

Она рассмеялась:

— Замечательные краски. Разные оттенки зеленого. Очень размытая граница между ними. Нужно только посмотреть на это другими глазами. Вы интересуетесь фотографией?

— Я? Очень даже.

— Правда?

— Конечно. Для меня это не просто снимки во время отпуска, которые за тебя проявляют в фотолаборатории. Знаете ли, фотография — это один из видов искусства двадцатого века. Э-э-э... Исключительно современное направление, которое до конца еще не исследовано.

Что это я несу? Какая чепуха! Она, наверное, подумала, что я полный идиот.

— *Остановись, мгновенье, ты прекрасно*, — произнесла она.

Я, должно быть, выглядел озадаченно.

— Эти слова поэта очень подходят к фотографии. Это — как смотреть на сакуру. Момент интересен тем, что длится только мгновение. *Остановись, мгновенье, ты прекрасно*, — она улыбнулась. — Люблю эти слова. Они так красивы.

«Остановись, мгновенье, ты прекрасно», — подумал я.

— Мне тоже нравится. — Я произнес это вполне серьезно.

Она надела крышку на объектив фотоаппарата и опять одернула юбку. Она собиралась уходить. Я попытался возобновить иссякшую беседу:

— У вас все в порядке, Казуми? Вы работаете?

— Пытаюсь. Ищу.

— Вы нашли себе жилье? Она кивнула.

— Там же, на Примроуз-Хилл. Через несколько домов от бывшего жилища Джины.

— Замечательно. Примроуз-Хилл — отличное место.

— В магазине видела Джуду Лоу с малышом.

— Повезло вам, — сказал я, хотя на самом деле подумал, что повезло Джуду Лоу. — Давно хотел спросить вас, могу ли я заказать вам сделать еще фотографии Пэта? Если вы не очень заняты. Я отметил кадры на негативах. Я точно знаю, какие снимки хотел бы.

Она кивнула головой. Эти быстрые, обнадеживающие движения.

— Я перешлю их вам.

— Или я смогу зайти к вам и забрать их.

— Или я пошлю их по почте.

— Мне не трудно. Правда.

Она смотрела на меня какое-то время, раздумывая.

— Хотите чашку чая, Казуми? За теннисным кортом есть кафе.

— Конечно. Британцы всегда хотят чаю.

— Как и японцы.

Мы пошли в сторону маленького кафе у теннисных кортов, двигаясь против потока спешащих офисных служащих. Когда мы заказали напитки, я представил себя в ее квартире на Примроуз-Хилл, увидел, как она снимает свои сапоги, а потом освобождается от юбки. Я видел это совершенно отчетливо. И мне казалось, что лучше этого нет ничего на свете. То старое ощущение, которое появлялось у меня всегда, когда что-то должно вот-вот начаться.

— Как Пэт? — спросила она.

И я за это обожал ее. Я мог обожать каждого, кто проявит заботу о моем мальчике.

— Думаю, хорошо, — ответил я. — Начал учиться в школе. Завел собаку. Ее зовут Бритни. Он приедет сюда на каникулы. Надеюсь, скоро. Мы должны это обговорить. А как вы? Нравится в Лондоне?

— Лучше, чем в Токио. Лучше, чем тогда, когда я была замужем.

Я подумал о плакавшем парне в саду у дома Джины. Какая-то часть меня не хотела об

этом слышать. Терпеть не могу, когда начинают вспоминать о прошлом. Это все портит. Но Казуми хотела, чтобы я ее выслушал. А я был слишком любопытен, чтобы прерывать ее.

— Он фотограф. Достаточно известный. По крайней мере, в Токио. Он знал многих европейских фотографов: Хорста, Роберта Дуано, Алана Брукинга. Фотографов из «Магнума». Вы знаете? «Агентство Магnum»? Он был великолепен. Я работала у него помощником. Моя первая работа после колледжа. Я — как это сказать? — буквально божила его.

— Боготворила его.

— Он очень меня хвалил. Потом мы поженились, и он изменился. Хотел, чтобы я сидела дома и завела ребенка.

— Что за мужчина? Как он мог так поступить?

— Не хотел, чтобы я работала. — Она отпила чай. — Как вы и Джина.

Я не мог оставить это без ответа:

— Совсем не как мы с Джиной. Она сама захотела остаться дома и воспитывать сына. По крайней мере, сначала.

— Женатые мужчины, — произнесла она, как будто этим объяснялось все. Она встала, вынула маленький кошелечек от Прада.

— Уберите деньги. Я заплачу. Вы расплатитесь в следующий раз.

— Нет, — сказала она. — Следующего раза не будет. Я перешлю вам фотографии Пэта по почте.

***

Казуми направилась к выходу, а я смотрел ей вслед, пока она не смешалась с потоком офисных служащих. Девушка-азиатка в килте от Бэрберри.

Я крикнул ей вслед:

— Когда я вас снова увижу?!

Не оборачиваясь, она подняла вверх левую руку:

— Когда ваш палец излечится.

Я взглянул на свою руку. На безымянном пальце поблескивало золотое кольцо. Я чувствовал, что сегодня с ним что-то не так. Оно просто врезалось в кожу.

***

Я был уверен, что у Джины, глубоко внутри, осталась еще ко мне слабость. .

— Ты, чертов кретин! — набросилась она на меня, когда я позвонил. — Идиотская твоя башка. Круглый дурак. Ты хоть имеешь представление, который здесь час? Уже за полночь. Пэт давным-давно спит. Ну, ты и болван, Гарри.

— Я не с Пэтом хотел поговорить, а с тобой.

— Давай, только быстро. Я уже собиралась чистить зубы и идти спать.

— Я хочу, чтобы Пэт приехал сюда. Примерно на неделю. Дней на семь. На Пасху. Как насчет пасхальных каникул?

Я услышал, как она, закрыв ладонью трубку, сообщила Ричарду, что это звоню я. А он вздохнул, хлопнул дверью и надулся (последнее я себе представил).

— Это невозможно, Гарри.

— Почему *нет*?

— Потому что очень накладно для нас отправлять его туда-сюда через Атлантический океан. К тому же это нарушит его режим. И он еще слишком маленький. Кто он, по-твоему? Тони Блэр? Ему всего семь лет.

— Он будет в порядке. Для него это будет приключением. Я должен его увидеть, я не могу ждать до лета. А деньги — не проблема.

— Неужели? — Она могла быть ужасно язвительной. — Для тебя, может быть и не проблема. Но работа Ричарда в компании «Брайдл-Уортингтон» не сложилась. — Пауза. — Он уволился.

— Господи, не может же он без конца менять работу! Ему придется просто взять себя в руки и вспомнить о своих обязанностях!

Ответом мне было долгое молчание. И я догадался, что моя бывшая жена уже раньше высказала Ричарду все, что она думала, почти такими же словами.

— Значит, он сейчас безработный?

— Нет, он сейчас *осматривается*. Но денег на поездку у нас нет.

— Я оплачу билет. Не беспокойся об этом, Джина. Я просто хочу увидеть моего сына. Хочу, чтобы он знал, что здесь у него тоже есть какая-то жизнь. У него ведь бывают каникулы? Отправь его сюда на Пасху. В любой день.

— Я об этом подумую.

— Пожалуйста. — Приходилось умолять ее, чтобы я мог увидеть собственного сына. Но я почему-то совершенно на нее не злился. По неясной мне самому причине я скорее испытывал чувство, похожее на жалость. — Как там у вас жизнь?

— Побережье в Нью-Ингланд очаровательно. Много исторических мест. Всякие антикварные магазинчики и рыбацкие деревушки. Все эти названия, которые напоминают детство в Англии, — Ярмут, Портсмут. Здесь, кажется, есть даже маленький Хэмптон. Все эти английские названия, Гарри.

— Звучит заманчиво. Я рад за тебя, Джина.

— Но...

— Что?

Она перешла почти на шепот, как будто разговаривала не со мной, а сама с собой:

— Здесь, где мы живем, все не совсем так. В Хартфорде не так уж замечательно. Видишь ли, это большой, уродливый город. Тут высокая преступность. И мне немного — не знаю, как лучше сказать, — наверное, одиноко. Ричард каждый день отправляется в город искать работу. Пэт в школе.

— Учится хорошо?

— Очень хорошо. Он больше не слоняется по классу во время урока.

— Это отлично, Джина.

— Но я никого здесь не знаю. Днем все расходятся, вечером сидят дома. Все не совсем так, как я ожидала.

Тут, как мне показалось, она встрепенулась, вспомнив, с кем разговаривает:

— Но мы справимся. Привыкнем, и тогда все будет хорошо.

— Послушай, отправь Пэта сюда на неделю. Он побудет с моей мамой. Ему понравится. И она будет рада.

Я ничего не сказал Джине о маме, об опухоли размером с целую планету. Те времена прошли.

— Потому что ведь никогда не знаешь, что может случиться в жизни, правда?

— Это верно, — согласилась моя бывшая жена. — Никогда не знаешь, что может произойти с жизни.

16

Если бы вы увидели, как моя мама идет по улице, то могли бы принять ее за маленькую старушку, которая отправилась покупать еду для своей кошки. И очень бы ошиблись.

Начать с того, что она терпеть не может кошек, потому что считает, будто от них происходит жуткий беспорядок (хотя, как ни странно, она всегда наклонится погладить даже самую паршивую, блохастую кошку, встретившуюся у нее на пути).

Когда вы посмотрите на мою маму, вам может показаться, что вы очень хорошо ее знаете. Но вы опять ошибетесь, потому что совершенно не представляете, что она за человек.

Я знаю о ней только кое-что.

Она считает Долли Партон величайшей певицей и убеждена, что никто не смеет смеяться над ее фигурой. Мама может смотреть любые спортивные передачи по телевизору, но предпочтение отдает более жестким видам спорта: боксу, регби, традиционному футболу. Она не сомневается в том, что ее внук является самым красивым ребенком на свете, и это

мнение она считает совершенно объективным и непредвзятым.

Еще кое-что о моей маме. С тех пор как умер мой отец, она временами чувствует себя невероятно одинокой. И не имеет никакого значения количество людей вокруг нее. Она боготворила моего отца и всегда, когда думает, что ее никто не слышит, разговаривает с его фотографиями. Для нее самым замечательным способом провести день является поход на кладбище, на его могилу.

Я знаю, что своей семье и друзьям она внушает невероятное чувство любви. Ее молодые соседи, например, с удовольствием чинят ей краны, а потом долго пьют вместе с ней чай. Целая армия ее седовласых подружек постоянно приглашает ее с собой за покупками в новые магазины, а ее братья звонят ей каждый день.

Моя мама добрая, приветливая и мужественная женщина. Очень мужественная. И хотя после наступления темноты закрывает на замок входную дверь, она всегда готова дать отпор любому хулигану. Когда Пэт был совсем еще маленьким, она пригрозила надрать уши шайке подростков, которые, по ее выражению, *вконец разбушевались* в местном пабе, носящем название «Вкусная кухня генерала Ли».

Я тогда очень на нее рассердился. Я боялся, что они могут пырнуть ее ножом, потому что в нашем жестоком современном мире даже маленькие старушки не могут чувствовать себя в безопасности. Но сейчас я был даже рад, что она так поступила. В этом ее суть. Такова она, моя мама. И я очень горжусь ею.

Она никогда не срывалась, как мой отец. Она была терпима ко всем жизненным проявлениям и верила в доброе начало в каждом человеке. Но когда она выходит из себя, то может и сама... *разбушеваться*, как она выражается.

Ее любимый брат, тот, который был ближе всего к ней по возрасту, любит напоминать ей об отметине, оставшейся на пианино в доме в Ист-Энде, где они выросли. Моя разъяренная мама, когда брат довел ее до белого каления своими поддразниваниями, метнула ему в голову нож, промахнувшись всего на несколько сантиметров. Нож вонзился в пианино и завибрировал так, как это бывает только в мультфильмах. Попытка убийства собственного брата — поступок, нехарактерный для нее. Она росла тихой, застенчивой девочкой, которую в школе дразнили за небольшой дефект речи. Причем дразнили не одноклассники, а учителя. В школе Ист-Энда царили порядки, как в рабочем доме у Диккенса. Мама всегда утверждала, что нож просто выскользнул из ее рук, а ее брат настаивал на том, что прицел был очень точным.

В доме, наполненном мальчишками, она находилась на положении королевы. Родители в ней души не чаяли и всячески способствовали тому, чтобы она считала себя особенной и неповторимой. Ее избаловали так, как балуют единственного ребенка.

Я знаю, что маму всегда любили. Она была единственной девочкой в большой семье, а потом единственной женщиной в нашей маленькой семье, в которой воспитывался я. Именно поэтому, я уверен, ей так хорошо удавалось дарить свою любовь. Я знаю наверняка, что и Пэт, и я сам пропали бы без нее. Мне даже трудно представить, каким будет мир, если в нем не будет больше моей мамы.

Она всегда полна жизни. Больше, чем кто-либо другой из всех известных мне людей. Она любит петь и танцевать. Любит посмеяться в самые трудные моменты, причем именно в самые трудные. Мы до сих пор улыбаемся, вспоминая, как она во время похорон моего отца стукнулась головой о гроб.

Только человек, который любит людей так, как моя мама, может стать таким одиноким, как она. По вечерам она тщательно планирует, какие передачи будет смотреть. Она любит новости, документальные передачи о реальных людях, но удивленно поднимает бровь, когда показывают проколотые языки и соски в программе «Шесть пьяных студентов в одной квартире». Я знаю, что она презирает мыльные оперы, хотя в прошлом, в восьмидесятых годах, она с удовольствием смотрела сериал «Даллас». Мультипликационные злодейства тоже ее развлекают.

Ну, что еще? Ах, да.

Я знаю, что моя мама терпеть не может ходить по врачам.

***

В конце концов, Текс не повез маму в больницу. Кажется, у него что-то случилось с машиной, хотя на самом деле, я подозреваю, у него просто сдали нервы.

Мама сообщила мне, что поедет на автобусе. Я предложил отвезти ее в больницу и пойти с ней. Но она ответила, что вполне доедет и автобусом. Она не хотела устраивать шумиху. Вот так с ней всегда. Если бы Четыре Всадника Апокалипсиса ворвались к ней в сад, продираясь сквозь кусты роз, мама все равно постаралась бы не устраивать шумихи даже из такого события.

Это являлось ее особенностью — посмеяться и не устраивать шумиху. Такова была ее жизненная философия. Что-то вроде легкого стоицизма, который так трогал меня, что всякий раз хотелось обнять ее покрепче и прижать к себе.

Но сегодня не хотелось смеяться. Даже улыбаться было трудно в такие дни.

Я все-таки отвез ее в больницу. Когда она вышла от врача, я по ее виду понял, что новости плохие.

Она никак не могла понять диагноз, медицинскую терминологию и то, что какой-то твердый кусочек плоти может до неузнаваемости изменить всю ее жизнь.

Она не хотела обсуждать это в переполненной людьми приемной врача. Она ничего не сказала, пока мы не сели с ней в машину.

Мы сидели на территории бесконечной больничной автостоянки. Вокруг, как акулы, кружили машины, выискивая драгоценное место, чтобы припарковаться. Очевидно, это был день сплошных посещений.

— Посмотри, я записала это на бумажке. — Она протянула мне листок бумаги. Там было дрожащей рукой накарябано *invasive carcinoma*.

— Что это значит? — спросил я, догадываясь о значении фразы, но с трудом веря в это.

— Рак груди, — сказала мама.

Ну, конечно. Сначала один пациент, потом другой. Самое естественное на свете, такое же, как рождение ребенка. Но почему же я чувствую, как будто мир разваливается на куски?

— Врач центра сказал, что они пока не знают, что будут делать, какое применят лечение. Очень симпатичный человек. Похож то ли на испанца, то ли на итальянца. Говорит по-английски лучше меня. Они все так, правда? Прямо сказал мне обо всем. Упомянул какие-то стадии. Это значит, что они должны посмотреть, есть ли риск распространения и насколько все поражено сейчас. Ну, ты понимаешь. У меня не было слов.

— Я говорила с медсестрой, которая занимается такими пациентами, как я. Очень приятная, чудная девушка. У нее еще нос проколотый — как это называется? — пирсинг. Она специально обучалась для того, чтобы иметь дело с больными вроде меня. Пора возвращаться, Гарри. Пойду на автобус. Не беспокойся. Я знаю, что ты занят.

Я внимательно смотрел на ее профиль, пока она разглядывала больничное здание. Это мягкое, доброе лицо, которое я знал всю мою жизнь. На нем отражались все эмоции, которые она испытывала.

Шок. Страх. Замешательство. Гнев. И даже некая мрачная веселость.

— Грэм недолго крутился вокруг. Старина Текс. Ковбой Джо из Рио-Саутэнда. Исчез быстренько, как только смолкла музыка. Вот твой отец был бы здесь, со мной. Он бы вошел ради меня и в огонь, если бы только это потребовалось. Таким уж был наш брак. Таким он и должен быть.

— Ведь есть много способов лечения, да?

Она молчала, погрузившись в собственные мысли.

— Мам? — окликнул я. — Есть много способов лечения этого, правда?

— Ах да, конечно. Очень много. Я не собираюсь сдаваться, Гарри. Многие живут с раком груди. Это не то, что с твоим отцом. С раком легких долго не протянешь. Чертов рак легких. Забрал твоего отца, но меня ему не одолеть! Чертов, чертов рак. Это просто... гадость. Извини за резкость.

— Мам?

— Что, родной?

— Я очень горжусь, что ты моя мама.

Она кивнула, взяла мою руку и сжала ее в своих ладонях. И стиснула так крепко, что я почувствовал, как ее кольцо впилося в мою кожу. Эта тоненькая полоска золота, отполированная временем.

Обручальное кольцо моей мамы.

Оно подходило ей идеально.

***

Мои родители познакомились через ее брата, того самого, в которого она со злости метнула нож, пытаясь наказать его. Он всегда был ее любимым братом.

Мамин брат и мой отец, будучи подростками, ходили в один и тот же боксерский клуб. Это происходило в то время, когда бокс был так же популярен среди мальчишек, как и футбол. Сейчас, конечно, все изменилось. Все мои коллеги по телевидению, кто когда-то занимался боксом в школе, посещали Итон.

В те времена бокс считался просто полезным-видом спорта. И после одного спарринга — дядя и отец были одинакового возраста и в одном весе, а еще они оба на год старше моей мамы — мамин брат привел моего будущего отца к себе домой в Ист-Энде, на маленькую тупиковую улицу, напоминающую по форме банджо. На этой-то улице-банджо и стоял дом, полный мальчишек, в котором жила одна девочка.

В семнадцать лет мой отец уже имел три года рабочего стажа. Он был задиристым и буйным, его гордыня прекрасно дополнялась взрывным темпераментом. Когда одна из многочисленных двоюродных сестер обругала его, он привязал ее к фонарному столбу и намылил ей мылом рот. В нем бурлила ярость, и он был готов драться с кем угодно. Ему это даже нравилось. Потом он увидел мою мать, которой исполнилось всего шестнадцать лет и которая была принцессой улицы-банджо. И в тот момент у него появилось желание перестать драться и начать жить по-другому.

Она научила его быть нежным. Он научил ее быть сильной. А может, это все уже в них имелось: буйный мальчишка оказался более чувствительным, чем хотел показать. И она тоже, наверное, была тверже, чем казалась. Скромная шестнадцатилетняя девочка закалилась в бедности, в жизни на улице-банджо и в обществе своих многочисленных братьев.

***

Их брак стал необычайно счастливым. До последнего дня жизни отца они были без ума друг от друга. На протяжении всей жизни они никогда не переставали друг за другом ухаживать.

Он посылал ей красные розы, она приносила ему завтрак в постель. Он, бывало, смотрел на нее, не в силах поверить своему счастью. Она писала для него стихи и клала в коробку с обедом, которую он забирал с собой на работу. Я видел его открытки, отправленные ей, — на день рождения, на Рождество, на День всех мам. Он называл ее своим ангелом, любовью всей жизни. Внешне он совсем не походил на романтического героя, но она вдохновляла его на написание сонетов.

Оба они, выросшие в окружении множества людей, вполне были счастливы в обществе друг друга. Единственное, что омрачало их союз, так это первые годы, когда у них никак не получалось родить ребенка. И после того как я родился, у мамы произошло несколько выкидышей. Одним из четких воспоминаний детства было то, как мама сидит на полу в нашей съемной квартире, расположенной над лавкой зеленщика, и горюет об еще одном потерянном ребенке, а мой отец пытается утешить ее — своего ангела с разбитым сердцем, свою единственную любовь.

Таким был мой первый взгляд на семейную жизнь.

Когда я сам стал отцом, то обнаружил, что подражаю им, стараясь точно так же сохранить равновесие между строгостью и мягкостью. Они для меня казались самыми лучшими родителями. Любящими и строгими одновременно.

Мой отец никогда и пальцем нас не тронул, проявляя свой вспыльчивый характер на тех, кто по своей глупости сердил его. Моей маме было не чуждо иногда сделать вид, что она собирается запустить в меня чем-нибудь, когда я доводил ее до белого каления своей рассеянностью и уединенными играми. Но моя мама слишком долго ждала своего единственного сына, чтобы долго на меня сердиться.

— Ну, подожди, придет отец домой! — обычно говорила она. И это была самая страшная угроза.

Но я никогда его не боялся. Потому что знал: мои родители любят меня. Любят бескорыстной всеобъемлющей любовью, которая не закончится и после их смерти.

Единственное, чего я боялся, когда был ребенком, так это потерять маму. Маленькая, с кудряшками на голове, ростом чуть больше метра пятидесяти, она в один из темных, ненастных зимних вечеров (которых теперь почему-то уже не бывает) могла исчезнуть в направлении магазинчиков, находящихся недалеко от нашего дома, чтобы купить нам что-нибудь на ужин. То было время, когда зимой шел снег и, насколько я помню, улицы окутывал туман из клубящегося из труб дыма от горящих каминов. Она отправлялась покупать фарш, свиные отбивные или отварную фасоль. А по пятницам — рыбу с жареной картошкой, которую всегда заворачивали в газету. Таким было меню моего детства.

А я ужасно волновался, чуть ли не до потери чувств, ожидая возвращения мамы, которая всего лишь решила пройтись по магазинам с определенной целью. Я стоял у окна на спинке дивана, прислонив лицо к запотевшему стеклу. На мне все еще была школьная форма: серые фланелевые брюки, серая рубашка и полосатый галстук — эта тусклая стариковская одежда, которую нас заставляли носить. Я пристально вглядывался в темные пустые улицы и ждал ту, которую никто не может заменить. И мучился от мысли, что она никогда больше не придет домой.

***

Мы с Сид повели маму на представление.

Мой отец всегда водил ее на всякие шоу. Раз в полгода родители облачались в выходные костюмы и устремлялись навстречу огням центрального Лондона. Для людей, которые в основном проводили вечера перед телевизором, они являлись прямо-таки знатоками музыкального театра.

После появления телевизионных версий «Оклахомы», «Вестсайдской истории» и «Моей прекрасной леди» мои родители очень точно подпевали исполнителям, когда смотрели эти фильмы. Мама еще любила и танцевать. Она очень хорошо изображала разные танцы из «Вестсайдской истории». Для нее мюзикл являлся не простым созерцанием. В течение пятидесяти лет она ездила в Вест-Энд, а там на Шафтсбери-авеню, на Стрэнде и Хеймаркете каждый вечер звучали определенные мелодии. Так что она знала их не хуже самих исполнителей.

Сейчас ей захотелось еще раз посмотреть «Отверженных».

— Мне так нравится этот спектакль, — сообщила она Сид. — Особенно маленькая девочка и проститутки, а еще расстрел студентов. Очень грустные сцены и очень красивые мелодии.

В театр она надела белый костюм-двойку из дорогого магазина, который я привез ей из Нью-Йорка и выглядела чудесно. Но в то же время она смотрелась очень хрупкой и пожилой, старше, чем обычно. Гораздо старше, чем я когда-либо мог себе представить.

Когда мы заехали за мамой, Сид взяла ее за руку и уже не выпускала всю дорогу до театра и потом, пока мы пробирались сквозь толпу, мама выглядела слишком хрупкой для окружающего транспорта, суеты и шума.

Состав публики в зале был обычным: смесь иностранных туристов, экскурсантов, приехавших на автобусах из пригорода, и местных жителей, вышедших вечером в театр. Прямо перед нами сидел молодой человек в полосатом костюме, один из лощеных выскочек Сити. С одной стороны от него расположилась женщина, выглядевшая его матерью, а по другую сторону — особа, больше похожая на его бабушку. Мне он сразу почему-то не

понравился.

Он возмущение обернулся и покачал головой, когда мама, снимая пальто, случайно задела его полкой по уху. Потом он несколько раз шикнул, когда во время увертюры она начала подсвистывать. Во время представления он громко покашливал, когда мама подпевала «Мне снился сон» в сцене с умирающей Фантиной. В конце концов, когда она присоединилась к хору, поющему «Слышишь, как поет народ?», он сердито обернулся.

— Замолчите, пожалуйста, — прошипел он.

— Оставь ее в покое, приятель, — ответила ему Сид, и за это я почувствовал к ней огромный прилив любви. — Мы тоже заплатили за свои билеты.

— Мы не можем получать удовольствия от представления, если она будет вести себя так, как будто она участница хора!

— Кто это она? — подключился я.

Сзади на нас стали шикать. Впереди в нашу сторону начали поворачиваться головы — лысые и с химической завивкой. Откормленные лица, искаженные гримасой раздражения.

— *Слышишь, как народ поет песнь разгневанных людей?* — пела моя мама в счастливом неведении, — *Это песнь народа, что перестал сам быть рабом!*

Расфуфыренная бабушка молодого «костюма» вставила свое слово:

— Да будет вам известно, что мы тоже оплатили наши места.

— Мы не можем сконцентрироваться на представлении, — заскулила ее старомодная дочь.

— Вам нет необходимости концентрироваться, дама, — сообщила ей Сид. — Просто расслабьтесь и получайте удовольствие. Ведь вы знаете, как это делается, не так ли?

— Ну, надо же!

— Я иду за помощью, — сказал ее сын и отправился искать девушку-капельдинера.

Потом нас выставили из зала.

Надо отдать им должное, они были очень вежливы. Сказали, что если мы не можем заставить маму замолчать, то администрация оставляет за собой право удалить нас из зала, а уговорить маму замолчать было совершенно невозможно, потому что еще должна была последовать сцена смерти Вальжана, Жавера, Эпонин и всех тех замечательных студентов, которых должны расстрелять.

Итак, мы ушли со спектакля. Моя жена, моя мать и я. Мы ужасно смеялись над этим, как будто быть удаленными со спектакля гораздо более забавно, чем смотреть его. Мы шли в разодетой толпе, направляясь в бар «Италия». Мы пообещали маме, что она выпьет там чашечку удивительного чаю.

Мы втроем шли под руку по улицам Сохо.

Распевая при этом во все горло «Пустые стулья за пустыми столами».

17

Я встречал своего сына в аэропорту.

Он появился из зала прибытия самолетов, держась за руку бортпроводницы «Бритиш Эрвейз». На шее у него висело что-то вроде опознавательной бирки. Похожие бывают у детей, эвакуированных с территории военных действий, которых показывают в черно-белых документальных лентах.

Господи, пожалуйста, позаботься об этом ребенке.

— Пэт! Я здесь! Пэт!

Стюардесса заметила меня раньше, чем Пэт. Он что-то серьезно ей говорил. Его лицо было бледным и напряженным, но тут он увидел меня. Вырвавшись от девушки, он бросился ко мне в объятия.

Я стал на колени, крепко прижал его к себе и поцеловал в светлую макушку:

— Дай мне взглянуть на тебя, дорогой. Он улыбнулся и зевнул, и я увидел, что его щербатая улыбка изменилась. Вместо беззубого пространства спереди появились два

неровных, вылезающих из десен зуба. Зубы, которые прослужатему всю оставшуюся жизнь.

Имелись в нем и другие изменения. Он подросток, и его волосы немного потемнели. И еще я не узнал ничего из его одежды.

— Ты в порядке? Как прошел полет? Я так рад опять тебя видеть, дорогой!

— В самолете совсем невозможно спать, потому что все время тебя будят и заставляют что-нибудь съесть, — ответил он, жмуря свои уставшие голубые глаза. — Надо было выбирать между рыбой и курицей.

— Он еще не освоился с разницей во времени, да, Пэт? — ослепительно улыбнулась мне девушка-стюардесса. — Он такой чудесный мальчик!

Это было правдой. Он был замечательным мальчиком. Умным, веселым и красивым. А еще независимым и смелым: совершил перелет через весь Атлантический океан в одиночку. Потрясающий ребенок.

Мой сын. В семь лет.

Мы поблагодарили стюардессу, поймали такси и поехали в город. На сердце у меня стало легко и радостно впервые за несколько месяцев.

— В Коннектикуте все в порядке?

— Все хорошо.

— Тебе нравится новая школа? Ты завел там друзей?

— Все нормально.

— А как мама?

— Она в порядке. — Он помолчал, хмуро разглядывая в окно медленно движущиеся по направлению к шоссе машины. — Только она все время ругается с Ричардом. У них был небольшой скандал по поводу Бритни.

Всегда с Джиной так. На секунду я подумал о том, кто такая эта Бритни? Новая сексапильная няня? Или какая-нибудь секретарша, ищущая любви? Нет, секретаршей она быть не может, потому что у Ричарда нет работы. У него все прогорело с «Брайдл-Уоррингтоном». И кто же эта таинственная женщина?

— Бритни стошнило в гостиной, — сказал Пэт. — Ричард ужасно рассердился. Потом Бритни сделала лужу на ковре, на который нельзя писать, потом Бритни сделали операцию, и Ричард сказал, что это отвратительно, когда кто-то кусает себя за швы.

Я в это время думал о том, что эта Бритни — та еще няня.

И вдруг я вспомнил. Ну, конечно же! Это собака моего сына. У него теперь есть собака.

По лицу Пэта расплылась улыбка.

— Догадайся, что он делает? Во время ужина он садится прямо рядом со столом и лижет, сам знаешь что. Свой петушок.

Я поднял брови.

— Ричард или Бритни?

Мой сын задумался на минуту:

— Ты, наверное, шутишь?

— Иди ко мне.

Он сполз с сиденья и взобрался ко мне на колени. Я почувствовал привычный запах Пэта — смесь сахара и пыли, понял, насколько он устал. Через несколько минут он уже крепко спал.

У водителя такси на приборной доске виднелась фотография трех маленьких детей. Он взглянул на нас в зеркало заднего вида и улыбнулся.

— Вы, ребята, приехали издалека? — спросил он. Я прижал сына к себе:

— О да, мы действительно проделали очень долгий путь.

***

Сид украсила входную дверь разноцветными воздушными шарами, и я почувствовал, как меня наполняют благодарность и любовь.

Она, улыбаясь, стояла в дверях, пока я расплачивался с шофером. А после того, как я подтащил чемодан Пэта к лестнице, она присела на корточки и обняла моего сына. Тут я

почувствовал, что мы наконец стали одной семьей.

Пегги сидела в гостиной и смотрела видео о кукле Люси. Это был мультфильм, который мы вместе с Пегги смотрели раньше — о Люси-певице рок-н-ролла и ее группе с тупыми лицами, которые затерялись во времени и попали в пятидесятые годы.

— Кукла Люси-певица и ее друзья не могут дожидаться, когда они наконец присоединятся к компании подростков в кафе, где будут шикарно проводить время, — заявила Пегги. — Пристегните ремни, действие начинается, отсчет пошел!

Пэт смущенно улыбнулся своей давнишней подружке.

— Привет, Пэт, — сказала Пегги небрежно, как королевский отпрыск. — Ну, и как там Америка?

— Хорошо, — ответил он. — У меня есть собака. Его зовут Бритни. Ему не позволяют заходить в дом, потому что он прямо при всех лижет свой петушок.

— Не хочу разочаровывать тебя, Пэт, — фыркнула Пегги. — Но он не может быть собакой-мальчиком, если его зовут Бритни. Потому что Бритни — это имя девочки, глупый.

Пэт взглянул на меня за поддержкой.

— Бритни — это мальчик, правда?

Я представил себе Бритни, который вылизывает свой огромный пенис, сидя у стола.

— Думаю да, дорогой.

— Хочешь со мной посмотреть «Американские граффити куклы Люси»? — спросила Пегги. — Кукла Люси-певица волшебным образом возвращается к жизни в этой увлекательной версии популярной классической ленты.

Мы с Сид переглянулись, улыбнувшись друг другу. Она легонько сжала мою руку. Она понимала, как много это значит для меня.

Пэт задумчиво посмотрел на розовое изображение на телеэкране.

— Кукла Люси — ерунда, — буркнул он.

— Пэт, — укоризненно произнес я.

— Кукла Люси — жуткая ерунда!

— Пэт!

— Кукла Люси может поцеловать меня в мою королевскую задницу.

— Пэт, я предупреждаю тебя.

— Кукла Люси может идти ко всем чертям.

И с этого момента все покатилося в тартарары.

***

Я никогда в жизни не видел маму такой счастливой. Это было больше, чем счастье. Она снова увидела внука и впала в своего рода экстаз, в самую настоящую эйфорию. Моя мама словно растворилась душой в своем внуке.

Не успел я заглушить мотор машины, как она схватила его на руки и сильно сжала в объятиях, чуть не задушив при этом. Потом она отодвинула его от себя и с восторгом посмотрела на его чудесное личико. Затем покачала головой, не в силах поверить, что он опять здесь.

Даже если всего на одну неделю.

Мы вошли в дом. На журнальном столике валялись розовые и фиолетовые рекламные буклеты. Мама быстро собрала их, но я успел рассмотреть несколько заголовков.

«Как успешно жить со своим диагнозом». «Реконструктивная хирургия груди». «Кто сможет помочь вам при раке груди». «Отправляемся в больницу». «Золадекс». «Таксол». «Таксотер». «Аримидекс». «Химиотерапия». «Радиотерапия».

Я не понял даже половины этих названий, но знал, что все это означает.

— Мам, с тобой все в порядке? — задал я самый бесполезный вопрос на свете, но просто не мог удержаться. Потому что хотел услышать от нее, что все будет хорошо и что она будет в этом мире всегда.

— Ну, конечно, я в порядке. — Она не желала поднимать шумиху и стремилась любой ценой избежать проявления жалости и мелодрамы. — Мне прислали всю эту информацию,

прямо и не знаю, как только мне удастся все это прочесть.

Она взяла все посвященные раку буклеты и засунула их в ящик стола. Потом задорно хлопнула в ладоши.

— А сейчас я заварю чудесный чай для моих мальчиков, — объявила она. — Как вам это?

— Мне нельзя употреблять кофеин, — сказал Пэт, берясь за пульт телевизора. — Так мама говорит.

— А я уже выпил несколько чашек капучино, — поддакнул я. — Мой доктор не рекомендует мне употреблять кофеин больше трех раз в день. Из-за высокого давления.

— А-а, — озадаченно протянула мама. — Ну, ладно. Тогда я сделаю чай только для себя. Хорошо?

Так что мы с Пэтом устроились на продавленном диване, который помнил каждый изгиб наших тел, а мама отправилась на кухню, напевая «Джолин», одну из песен Долли Партон, и размышляя о таком странном новом мире, в котором ее сыну и внуку запрещается выпить обычную чашечку чая.

***

Потом мы все пошли в парк. Мы с мамой стояли и наблюдали, как на спортивной площадке Пэт карабкается вверх по металлической решетке, кое-где покрытой ржавчиной. Он уже не был тем осторожным маленьким мальчиком, как два года назад. Теперь он был бесстрашен, как горный лев.

Два мальчугана постарше, подобно двум ловким обезьянкам уже сидели на самом верху решетки. То и дело Пэт останавливался и с восхищением смотрел на них. Ему все еще нравились мальчики старше него. Они же полностью его игнорировали.

— Как хорошо, что он приехал, — произнес я. — Снова мы как одна настоящая семья. Особенно это чувствуется, когда мы здесь, с тобой. Просто обыкновенная семья, в которой нет необходимости особо ни о чем задумываться. В которой все кажется нормальным. Как у вас с отцом.

Отец с удовольствием поспорил бы со мной насчет моих разглагольствований о нормальности. Он начал бы предсказывать вымирание семьи, рост показателя разводов, появление поколения детей, которые воспитываются только одним родителем. Он бы говорил все это, сворачивая себе папиросу.

Отец был целиком за нормальный образ жизни.

Но мама была сделана из другого теста.

— Что такое нормальность? — спросила она. — Мы с твоим отцом были женаты десять лет, прежде чем ты родился. Ты называешь нас нормальными? Тогда мы чувствовали себя кем угодно, но только не нормальными. Скорее, ошибкой природы.

Два старших мальчика спрыгнули с решетки и побежали к качелям. Пэт улыбнулся им с обожанием.

— У всех наших друзей были дети, — продолжала мама. — Они плодились, прямо как кролики. Всегда кто-нибудь находился в интересном положении. Раз-два — и готово. Только у нас никак не получалось. — Она улыбнулась. — И ты называешь нас нормальными, Гарри? Господь с тобой. Мы себя такими не чувствовали, могу тебя заверить.

Я наблюдал, как мой сын с серьезным, сосредоточенным лицом, которое зарумянилось от свежего воздуха, старательно забирался наверх.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Мы — ты, отец, я — были нормальными.

Я вспомнил, как мы отмечали Рождество вместе с моими тетусками и дядюшками. Вспомнил наши поездки в Корнуолл, как мы жили там в кемпинге. Запах готовящегося обеда, пока отец мыл машину в маленьком переулке перед домом. Вспомнил, как мы отправились в Саутенд, но не на пирс или пляж, а на собачьи бега. И как я лежал на заднем сиденье автомобиля, а над головой проносились желтые огни фонарей шоссе Эссекса, когда мы возвращались от бабушки или после спектакля в лондонском Палладиуме, куда мы ездили раз в год. Я тогда говорил маме, что не могу уснуть, потому что совсем не устал.

«Просто закрой глаза, —обычно отвечала она. — Просто закрой глаза, и пусть они отдохнут». Было что-то простое и хорошее в моем детстве, то, что моему сыну иметь было уже слишком поздно.

— Трудно отыскать более нормальную семью, чем была наша, — высказался я.

— Значит, мы стали нормальными, когда родился ты. А если бы ты не родился, то мы так и остались бы ошибкой природы.

— Не знаю. Знаю только, что тогда все было просто. А сейчас все слишком сложно. Пэт с Пегги не разговаривают друг с другом. Сид сердится на меня, потому что считает, будто я слишком балую Пэта. А я зол на Сид из-за ее отношения к приезду Пэта всего лишь на какую-то несчастную неделю.

— Почему Пэт и Пегги не разговаривают?

— Они повздорили. Он назвал куклу Люси дешевой проституткой. А ты ведь знаешь отношение Пегги к кукле Люси?

— Братья с сестрами ссорятся вес время. Я чуть не зарезала одного из моих братьев.

— Да, но они ведь не брат и сестра, так ведь? В этом все дело. Поэтому никогда ничего не будет нормально. Если все распадется, что тогда будет? Мы никогда больше друг друга не увидим. Это ты называешь нормальным? Да брось, мам. Даже ты не можешь быть мыслящей настолько широко.

Мы наблюдали, как Пэт взобрался на самый верх решетки. Его силуэт вырисовывался на фоне огромного голубого неба, он стоял, одетый в теплую куртку, и улыбался нам. В воздухе, несмотря на промозглость, пахло весной. Пэт крепко держался обеими руками за перекладину. Золотистые пряди волос выбились из-под шапочки с кисточкой, которую связала для него бабушка.

— Мне просто не нравится весь этот разговор о нормальности, — проговорила мама. — Многие годы я чувствовала себя кем угодно, только не нормальной. Десять лет мы пытались родить тебя. Каждый месяц — очередное расстройство, разбивающее сердце. Помножь это на десять, Гарри. Ты у нас самый умный. Уясни-ка это для себя.

Одна нога Пэта соскользнула, и я заметил, что выражение на его лице тотчас сменилось с гордого на встревоженное. Он немного пошатнулся. Но устоял, крепко уперся ногами в перекладину и крепче схватился за верхние прутья своими маленькими ручонками.

— Нормальных семей не бывает, — подытожила мама.

***

Позвонила Джина. Часы показывали около полуночи. Дети давно спали. Пегги в своей комнате, Пэт на стареньком матрасе в гостевой комнате. Сид дома не было, она обслуживала банкет, посвященный открытию одного из тех новомодных отелей, которые появлялись повсюду в нашем городе. После ссоры из-за куклы Люси мы вновь начали друг с другом разговаривать, хотя и с подчеркнутой вежливостью, которая иногда даже хуже, чем злобное молчание. Я обрадовался, что никого нет рядом, когда позвонила моя бывшая жена:

— С ним все в порядке, Гарри?

— Все хорошо.

— Надеюсь, ты не позволяешь ему есть сахар? И кофеин ему вреден, и британская говядина.

— С тех пор как он приехал, он еще не пробовал «Хэппи Мил».

— Я хочу, чтобы ты отвез его повидать моего отца.

— Твоего отца? Отвезти его к Гленну?

— Да, к дедушке Пэта.

Мне всегда трудно запомнить, что у Пэта два дедушки и две бабушки. Мать Джины умерла еще до рождения Пэта. И, хотя отец Джины был еще жив и Пэт иногда навещал его, Гленн не являлся дедушкой в традиционном понимании,

Гленн остался таким, каким был всегда. Лохматым музыкантом, который так никуда и не пробился. Один раз он случайно, на рубеже шестидесятых-семидесятых годов, появился в передаче «Любимые популярные певцы и музыканты», а вообще-то Гленн провел почти три

десятка лет своей жизни, работая продавцом в магазине, торгующем гитарами, на Денмарк-стрит и играя для подростков «Лестницу в небо». Большую часть своей энергии каждые несколько лет он расходовал на создание очередной музыкальной группы, не говоря уже о создании новой семьи. Джину и ее мать он оставил много лет тому назад. Возможно, из-за разных взглядов на музыку.

— Я хочу, чтобы он повидал моего отца. Я хочу, чтобы он знал, что у него есть еще один дедушка. Не только твой отец, Гарри.

— Хорошо. Я отвезу Пэта к Гленну.

— Спасибо.

— Как там у вас? Все в порядке? Бритни по-прежнему расстраивает Ричарда? Пэт мне все рассказал. Он все еще вылизывает свой пенис рядом с обеденным столом? Я, конечно, имею в виду не Ричарда, а собаку.

— Вот как раз собака — самая меньшая наша проблема.

***

Мой сын среди ночи позвал меня. Я выскользнул из кровати, заметив, как рядом заворочалась Сид, и, сам наполовину сонный, пошел к нему, осторожно ступая босыми ногами.

И все было так, словно мы никогда не расставались.

Его длинные светлые волосы от пота прилипли ко лбу. Я усадил его прямо, дал ему воды и потер ему спинку, как делал, когда он был совсем малюткой и ему следовало после кормления отрыгнуть воздух.

— В самолете невозможно спать, — пробормотал он во сне. — Это очень трудно, потому что все время движешься, и еще эта еда, и маленький телевизор. Правда, трудно уснуть, папочка?

— Сейчас все в порядке. Все хорошо.

Я прижал к себе моего мальчика и стал его убаюкивать, ощущая тепло его тела сквозь фланелевую пижамку, чувствуя, как с каждым вдохом и выдохом поднимается и опускается его грудь. Я ощущал, как всего меня заполняет всеобъемлющая любовь к нему.

Было четыре часа утра. Дом спал. Но я уже проснулся и вспомнил давнишние слова.

— Просто закрой глаза, и пусть они отдохнут, — сказал я моему мальчику.

18

Пегги оглядела толпу, окружавшую гигантское чертово колесо под названием «Лондонский глаз».

— Тут так много народу, — сказала она, беря меня за руку.

Я взглянул вверх на «Лондонский глаз», возвышавшийся над нами, а потом — вниз на ее встревоженное личико. Улыбнувшись, я сжал ее руку: — Скоро и мы будем там.

Она кивнула и еще крепче ухватилась за меня. Иногда Пегги вкладывала свою руку в мою, и тогда я начинал думать, что все образуется.

Она была такой маленькой, сообразительной, умудренной, доверчивой и такой красивой, что стоило ей взять меня за руку, как я был готов защищать ее до конца своих дней. Я держал эту теплую ладошку, и больше ничего вокруг не имело значения. Ни эпизодические посещения ее беспутного папаши. Ни непрекращающаяся война с Пэтом по поводу того, какой фильм смотреть вечером. И даже тот факт, что ее мама смотрит на нее так, как никогда не будет смотреть на моего сына. Пегги взяла меня за руку, и внутри меня произошла какая-то химическая реакция. Я почувствовал себя ее отцом.

Высоко над нами в ясном апрельском небе вращалось колесо. Оно вращалось так медленно, что с того места, где мы стояли, казалось, будто оно совсем не движется. Но поскольку все новые и новые пассажиры входили в кабинки, сделанные из стекла и стали, и выходили из них, становилось понятно, что там, наверху, все же что-то происходит.

Толпа подошла вплотную к барьерам перед входом на посадку. Пэт возбужденно

носился вдоль очереди, проверяя, насколько мы продвинулись. Сид читала брошюру о «Лондонском глазе», иногда произнося: «Вот это интересно», прежде чем зачитать нам какой-нибудь факт об архитекторах, строительстве или размерах колеса. Но, пока Сид читала, а Пэт носился вокруг, Пегги просто держала меня за руку.

Она была более невозмутимой, чем Пэт, но не это стало причиной того, что сегодня она была такой притихшей. В то время как моего сына целиком захватила шумиха аттракционов, Пегги вся эта суэта немного нервировала.

— Сверху мы сможем увидеть наш дом, Пег, — сказал я ей. — И еще мы увидим Парламент, и все парки, и лондонские доки.

— И Биг-Бен? — спросила она тихо.

— И Биг-Бен тоже. — Я крепче сжал ее руку. — Все будет хорошо, Пег.

Но по ее виду нельзя было сказать, что она мне поверила.

Пэт примчался назад, счастливый и запыхавшийся. Сид взяла буклет под мышку. Другой рукой она обняла меня за талию и положила мне голову на плечо. Когда она подняла ко мне лицо, мы улыбнулись друг другу так, как улыбаются люди, уже давно любящие друг друга. В этой улыбке читался и вопрос, и ответ на него: «Тебе хорошо?» — «Благодаря тебе».

Тут моя жена шлепнула меня брошюрой по руке:

— Эй, не забудь, что на следующей неделе у Пегги в школе состоится спектакль. Очень важно, чтобы вы, ребята, там были, Я вас отшлепаю, если не придете!

— Мы ни за что не пропустим!

И я был в этом уверен. Сегодня мы все чувствовали себя одной семьей. И мне очень хотелось продлить это ощущение.

Мы близко подошли к колесу, и, чтобы увидеть его верхушку, следовало сильно отклониться назад. Было видно: оно совершенно точно движется.

— Почти дошли! — воскликнул Пэт.

Я держал Пегги за руку, а огромное колесо все вращалось, и, куда бы она ни посмотрела, везде над ней возвышался мир взрослых.

***

— Привет, ребятки, — произнес отец Джины, — Клево. Отлично. Как насчет чашечки чая? Травяной вам подойдет?

Гленн. Еще один дед Пэта. Легче запомнить его как ничтожного мерзавца, отца моей бывшей жены. Жалкое подобие мужчины, который дает основание подозревать всех остальных мужчин в способности совершить жуткое предательство. А вот то, что он дед Пэта, запомнить было гораздо труднее.

Мои родители так долго занимали одно из главных мест в жизни Пэта, являлись для него источником стабильности и безусловной любви на всем протяжении его жизни, что мне трудно было относиться к этому своенравному старику так же, как к моим родителям. Гленн не казался мне способным быть дедом. Скорее он походил на стареющего хиппи, верящего в то, что его старый усохший член является центром Вселенной. Если Гленну безразлична его собственная дочь, то почему он будет что-то делать для внука?

Тем не менее мне трудно было ненавидеть его, несмотря на все горе, причиненное им в свое время Джине и ее матери. В те редкие случаи, когда мы встречались, этот престарелый неудавшийся музыкант в потрескавшихся кожаных штанах выглядел одиноким жалким человеком. После всех великих планов, задумок и многочисленных любовных связей, а также трагичных сцен разрыва он оказался в крохотной съемной квартире в районе Хэдли-Вуд. Потому что ошибочно принял гедонизм за счастье.

И, конечно же, было в нем неоспоримое очарование. Я знал, что он старый эгоист, который пожертвовал всеми, кого любил в своей жизни, ради своей гитары и своего члена. Я знал, что у Джины еще оставалась незаживающая рана после того, как он бросил их и завел роман на стороне. Но он всегда был искренне рад видеть Пэта и меня. И в том, как он смотрел на моего сына, несомненно, было что-то трогательное. Если бы им дали шанс, то

они с Пэтом могли бы хорошо поладить. А может, мне просто хотелось в это верить, но, когда Гленн смотрел на Пэта, я верил, что видел в его взгляде любовь.

Пока Гленн возился с нашими напитками — хлопоты по хозяйству были не для него, — я сел на диван, обтянутый такой же потрескавшейся кожей, как и его штаны. Пэт бродил по квартире, в которой имелось не так уж много места и повсюду была музыка.

Журналы о старом роке лежали на журнальном столике. На подставках стояли акустическая и электрическая гитары. Хорошая звуковая система, хотя материал на динамиках уже потрепался и выглядел таким же старым, как и сам Гленн. Стопки блестящих компакт-дисков и огромные пачки долгоиграющих пластинок. Пэт взял в руки одну из них.

— Что это такое? — спросил он, протягивая мне темный квадратный конверт.

— Это пластинка, Пэт.

— А что она делает?

— Играет музыку.

Пэт выглядел удивленным:

— Она слишком большая.

На обложке конверта был изображен красивый молодой человек, задумчиво смотрящий вдаль. На заднем плане, словно злые сестры-завистницы, мечтающие попасть на бал, маячили трое не очень симпатичных парней.

В комнату вошел Гленн с чашками ромашкового чая.

— Хороший выбор, приятель, — заметил он. — Это первый альбом группы «Дорз». Многие считают его самым лучшим дебютным альбомом всех времен.

— Пэт не интересуется Джимом Моррисоном, Гленн, — сказал я. — Просто он никогда еще не видел долгоиграющих пластинок.

Гленн чуть не выронил чашки с чаем:

— Ты меня разыгрываешь?!

И тут его понесло. Мы с Пэтом сидели на полу в его съемной квартире и перебирали музыку за последние пятьдесят лет, а в это время группа «Дорз» исполняла свой хит «Пробейся (на другую сторону)».

Здесь было все. От Элвиса до «Битлз» и «Стоунз». Хендрикс и Ху, «Пистолз» и Клэш, Смитс и «Стоун Роуез», «Нирвана» и «Строукс». И еще всевозможные музыкальные течения и ответвления от кантри-рока до ню-метал, и главная его специализация — одиночные хиты. Гленн вводил своего зачарованного, удивленного внука в волшебную страну рок-н-ролла.

— Вот эти ребята представляют интерес, — усмехнулся Гленн, доставая пластинку, на конверте которой пять парней в ярких брюках резвились в детском парке. — Да, «Троллиз». Начинали как исполнители музыки Мод, тогда они еще назывались «Тролли Бойз». Потом стали известны как «Троллиз», когда освоили психоделический стиль. Слонялись по муниципальным квартирам, развивая свое космическое видение — ну, ты знаешь, что это такое, Пэт. А позже записали довольно интересный альбом с концепцией, которую так и недооценили по достоинству. Тогда они уже назывались «Максимум Тролл». — Гленн протянул конверт Пэту и спросил: — Узнаешь кого-нибудь?

Я взглянул на альбом и увидел его сразу — с лицом накачанного наркотиками хориста, с прической в стиле Роберта Планта (волосы, разметавшиеся по бархатному пиджаку), ухмылявшегося в объектив вместе со своими приятелями. Гленн тридцать лет тому назад, когда Джина была еще младенцем. Гленн, который был близок к осуществлению своей мечты, как никогда.

— Это твой дед, Пэт, — сказал я, с трудом подавив желание назвать его «второй дедушка». — Он однажды выступал в программе «Любимые популярные певцы и музыканты». Правда, Гленн?

Пэт ст удивления раскрыл рот:

— Ты был в «Любимчиках»?

Он всегда называл программу «Любимчики». Я уже перестал поправлять его. Мне даже

чем-то нравилось его детское восприятие названия этой передачи.

— Вот с этими парнями, да. Только без Чоки Брауна, барабанщика. К тому времени, когда мы сделали «Раундхауз Леди», на ударных у нас сидел Сниффер Пендж.

Пэт был очарован. Он даже не мог вообразить, что его заблудший дед способен на такое. А Гленн был растроган и счастлив — наверное, я впервые видел его таким счастливым.

Мой отец не любил говорить о своем прошлом — о бедности в Ист-Энде, о службе в Королевской морской пехоте, о разрухе и смерти на войне, о его девятнадцатилетних друзьях, никогда не вернувшихся домой. Но Гленн относился к своему прошлому по-другому. Он рассказывал, как впервые исполнил композицию перед «Тролли Бойз», как потом его взяли в состав группы, как они долго добивались славы, но, создав хит «Раундхауз Леди», с «Троллиз» на этом все и закончилось. Гленн поведал и о том, как ему пришлось уехать в деревню, чтобы записать двойной альбом... И так далее, и тому подобное. Гленн просто не мог остановиться в своих воспоминаниях.

И тут я впервые увидел, что Гленн являлся таким же дедом для Пэта, как и мой отец.

Несомненно, отец Джини представлял собой отдельную категорию мужчин, совершенно не похожих на моего отца, который был солдатом, отцом и мужем. Гленн же был музыкантом, свободным человеком и артистом.

Если только можно назвать артистом члена группы «Максимум Тролл».

***

От Гленна мы уехали поздно. Они оба были так увлечены разговором о музыке — скорее, Гленн рассуждал о музыке, а Пэт в изумлении не сводил с него глаз, то и дело повторяя: «Дед, ты действительно выступал в программе "Любимчики"?», — что к тому времени, когда мы оказались в машине, уже настал час пик.

Машина еле ползла по Финчли-роуд. Наконец мы решили припарковаться, купить что-нибудь поесть и переждать час пик. Сегодня вечером у нас было еще одно важное мероприятие — спектакль у Пегги в школе, но еще оставалось много времени в запасе.

По крайней мере, так нам казалось.

В Кемден-тауне был маленький японский ресторанчик. Благодаря своей матери Пэт хорошо знал японскую кухню и умел справляться с палочками для еды. Он уплетал сашими с таким же аппетитом, с каким его ровесники — «Биг Мак». И только когда мы вошли внутрь, то обнаружили, что это ресторан-тепеньяки, в котором акцент делался не на еде, а на своего рода театрализованном шоу.

Большие столы располагались вокруг огромных жаровен, за которыми колдовали повара. Эти кулинары расхаживали по залу, как ковбои: кривые ноги, будто только что из седла, белые колпаки сдвинуты на затылок и огромные ножи, висящие у них в специальных ножнах сбоку от поварского передника.

Но повара не просто готовили для вас, они делали из этого шоу. По всему залу они разделывали креветки, мясо и овощи, запекая их на шипящих жаровнях. Они нарезали все это тонкими пластинами, смешивали с рисом, а потом эффектно подбрасывали баночки со специями в воздух и ловили их за спиной. Все это проделывалось с молниеносной скоростью, прямо как Том Круз в фильме «Коктейль», только жонглировали они огромными ножами.

Прошла целая вечность, пока мы приступили к закуске. Сначала мы ждали, пока наш стол полностью заполнится посетителями, потому что только тогда начиналось шоу. Я взглянул на часы, стараясь высчитать, когда нам нужно уходить, чтобы не опоздать на спектакль к Пегги. Наконец, когда все расселись, повар-филиппинец поприветствовал нас, театральным жестом выхватил свой страшный нож и начал жонглировать разными продуктами. Он, видимо, был новичком, потому что все время что-нибудь ронял. Один раз «непослушная» креветка отлетела чуть ли не в глаз немецкому туристу, но Пэт улыбался, подбадривая новичка. Время шло, а Пэт все заказывал и заказывал, чтобы повар жонглировал, шинковал разные продукты, которые потом весело шипели на жаровне.

— Пэт, нам надо пошевеливаться, — сказал я, хорошо понимая, что не смогу заставить его прекратить это забавное шоу.

Повар подбросил в воздух баночку с корицей и даже поймал ее. Я неохотно присоединился к аплодисментам.

— Я ужасно голодный, — сказал Пэт, блестя от возбуждения глазами.

***

Что-то было не так в отношении моей семьи к зрелищам.

К тому времени, когда мы добрались до школы, Пэту стало совсем плохо.

— Я тебя предупреждал, чтобы ты не ел третью добавку этого кальмара, — вздохнул я.

Спектакль уже начался. Зал был забит довольными возбужденными родителями, которые щелкали фотоаппаратами и снимали на кинокамеры праздник многонациональных культур под названием «Яйцо». И какое отношение к Пасхе имело это представление? Почти никакого.

Дети, одетые в костюмы разных национальностей, представляли все религии мира. Они собрались в импровизированном хлеву, где только что якобы родился голубь мира, сделанный из папье-маше. На сцене стоял маленький мальчик, закутанный в белую простыню с черным беретом на голове, очевидно, изображая японского синтоистского священника. Рядом стояла девочка в оранжевом пляжном полотенце и в розовой купальной шапочке (шапочка означала голову, обритую наголо), вероятно, изображая буддийского монаха. Другой ребенок, пол которого определить было невозможно, был наряжен в бороду из ваты и сандалии на босу ногу, играя представителя либо ислама, либо иудаизма, а может, и того и другого одновременно.

И, наконец, Пегги. На нее накинули старое легкое одеяло, из-под которого торчали ее руки и ноги,

272

а голову покрывал шелковый платок. Похоже, она изображала Деву Марию.

Я увидел Сил. Она расположилась в середине ряда, а возле нее пустовали два места. Я схватил Пэта за руку, и мы начали понемногу пробираться вперед. Родители с цифровыми камерами вскрикивали от боли, когда мы наступали им на ноги, а потом осуждающе качали головами.

— Простите, простите, — шептал я, а Пэт стонал и охал, держась за живот.

На сцене спектакль достиг кульминационной сцены.

— Что-это-за-странное-создание? — вопрошал священник-синтоист.

— Откуда-оно-взялось? — поддакивал буддийский монах.

— Что-оно-значит-для-людей-всего-мира? — задал вопрос ребенок с ватной бородой.

— Где вас черти носили? — потребовала от нас отчета моя жена.

— Ш-ш-ш, — прошипел один из родителей с фотоаппаратом.

— Извини, я никак не мог увести его от Гленна.

— От Гленна? Этого отвратительного старого панка?!

— А потом мы застряли в ресторане-тепеньяки.

— Ш-ш-ш!

Мы стали смотреть на сцену.

Сид прошептала, почти не разжимая губ:

— Ты ведь знал, что это очень важный вечер для Пегги. Ты знал.

— Пожалуйста, перестаньте разговаривать!!! — взмолилась какая-то старушка прямо позади нас.

Пэт наклонился вперед, открыл рот, и его начало тошнить.

На сцене все смотрели на Пегги. Буддийский монах в оранжевом пляжном полотенце и купальной шапочке, священник-синтоист в белой простыне и черном берете, старик с ватной бородой в сандалиях. Все ждали, когда Пегги произнесет свои слова.

— Что-оно-значит-для-людей-всего-мира? — повторил свой вопрос старик.

— Ты такой эгоист, — проговорила Сид, даже не стараясь приглушить голос. — Ты

заботишься только о своем сыне. Все остальные тебе безразличны.

— Будьте добры!!! — попросила старушка. Сид обернулась к ней:

— Смените пластинку, бабуля!

Пегги стояла и смотрела в зал, как будто ожидая подсказки. Ее рот открылся, но оттуда ничего не прозвучало. В отличие от Пэта, который выбрал этот удачный момент: его вывернуло прямо мне на колени.

Сбоку прозвучал мягкий голос учительницы:

— Эта птица означает, что все должны жить в мире и...

— И-любить-друг-друга, — пробормотали актеры на сцене, окружая своего картонного голубя. Все, кроме Пегги, которая умоляюще смотрела на свою маму.

Пока я вытирал свои брюки и Пэта бумажными салфетками, Пегги подошла к краю сцены. Платок на ее голове развязался. Я окликнул ее, предостерегая, но было поздно.

Она подняла руку, чтобы защитить глаза от света прожекторов, и упала прямо вниз со сцены. Зрители ахнули.

— Этого я тебе никогда не прощу, — сказала Сид.

***

Никто серьезно не пострадал. Падение Пегги смягчила группа малышей, сидевших скрестив ноги в первом ряду. После того как Пэта стошнило кальмаром-тепеньяки, ему сразу стало лучше. Довольные родители и бабушки с дедушками радостно попили чаю с печеньем и возбужденно обсудили спектакль. Но мы с Сид не стали оставаться после представления.

Как только Пэта немного почистили, а у Пегги высохли слезы, мы принесли свои извинения малышам, их родителям и учителям и отправились на стоянку машин. Моя жена и я тащили за собой своих детей,

— Тебе просто безразлично, да? — злилась Сид. — Если это не касается тебя или Пэта, то тебе на все наплевать!

— Это не так.

— Это кальмар виноват, — вставил Пэт, подобно безнадежному пьянчужке, который во всем винит некачественную выпивку.

— Давайте просто поедem домой, — предложил я, хотя от одной мысли о том, что мне придется провести еще одну ночь с моей смешанной семьей, меня охватило отчаяние.

— Ничего бы не случилось, если бы ты был здесь, — сказала Сид, ее глаза были мокрыми от слез. — Если бы ты хоть немного думал о нас, ты был бы здесь.

— Гарри? — прозвучал тихий голосок сбоку.

— Да, Пегги?

Я нагнулся к ней.

Она прошептала мне прямо в ухо:

— Я ненавижу тебя. Да пошел бы ты...

Пожилая женщина с фотоаппаратом на шее улыбнулась нам.

— Что за замечательная семейка, — сказала она.

19

Мы лежали в темноте, не соприкасаясь, ожидая, когда придет сон, но ничего не получалось.

— Ты портишь его, — сказала Сид. Она произнесла это не язвительно, а почти что нежно. — Если бы ты не избаловал его так, то всего этого бы не случилось.

— Но кому-то ведь нужно его баловать? Кто еще будет это делать? Ты?

— Не было необходимости так долго сидеть у его деда.

— Они не виделись сто лет. И я не знаю, когда еще они смогут повидаться. Им обоим было хорошо.

— Но для меня было так важно, чтобы вы пришли на спектакль сегодня вечером. Для Пегги и для меня.

— Ты не хочешь, чтобы он находился здесь. Всего-то на неделю он приехал, а для тебя это уже такое напряжение.

— Неправда. Это не так.

— Знаешь, почему я женился? Знаешь, Сид? Я женился для того, чтобы у моего сына была семья. Разве не смешно? Ну и семейка получилась. Умереть можно от смеха.

Она ничего не ответила. Казалось, она что-то обдумывала.

— Я считала, что ты женился, потому что сам хотел семью. Для себя, а не для Пэта.

— Всего лишь какая-то несчастная неделя. И это для тебя слишком.

Еще некоторое время мы лежали в темноте, не разговаривая. Мы и так сказали слишком много.

Через некоторое время я решил, что Сид заснула, но ошибся.

Она и не думала засыпать:

— Ведь раньше мы были без ума друг от друга. И совсем недавно. Мы собирались дать друг другу так много. Помнишь, Гарри? Не знаю, что с нами происходит. Мы были так счастливы.

Мне показалось, что она вот-вот протянет руку и дотронется до меня. Но ничего не произошло. Ну, и я тоже не прикоснулся к ней. Мы просто лежали в темноте. Я и моя жена. И я думал, как мы дошли до такого? Как все это случилось?

— Иногда я задаю себе вопрос, почему ты вышла за меня замуж?

Это было правдой. Я знал, что с сексом у нас все в порядке. И мы всегда все между собой обсуждаем. И чаще всего мне с ней очень хорошо. Ну и что? Из всех мужчин в мире она выбрала именно меня.

— Я влюбилась в тебя.

— Но почему? Никак не пойму, Сид. Влюбленность ничего не объясняет. Если бы ты хорошо поискала, то смогла бы найти кого-нибудь с большими деньгами, чем у меня, или с большим членом и более покладистым характером.

— Мне никто не был нужен, кроме тебя.

— Но почему?

— Потому что ты — хороший отец.

***

В саду старого дома царило оживление.

Все были возбуждены, потому что на следующее утро Пэт улетал в Америку. И мы с мамой старались сделать каждый оставшийся час особенным для него.

Сегодня выдался первый по-настоящему жаркий день. Я расстелил по всей длине сада пластиковую дорожку для теплиц. Потом мама облила ее водой из шланга, и она стала скользкой, как каток.

Но главной радостью для нас стал особый гость.

Берни Купер.

Когда я услышал, как весело они болтали наверху, переодеваясь в плавки, я подумал, что надо было мне организовать их встречу пораньше. Берни и Пэт могли бы провести вместе больше чем один день. Но мне было так важно, чтобы Пэт побыл с моей мамой, и с Сид, и с Пегги, и даже со стариком Гленном, что я почти совсем забыл запланировать встречу Пэта с человеком, с которым он хотел повидаться больше всего. Так что вечером накануне последнего дня я позвонил родителям Берни и попросил у них разрешения отвезти его к моей маме. На следующий день мы собирались пойти в кино, погонять мяч в парке, а потом закусить пиццей. Но солнце светило так ярко, как будто уже наступило лето. И мальчишек было просто не вытащить из маминого сада.

Они провели весь жаркий день, катаясь по мокрой пластиковой дорожке, как по льду. Берни и Пэт были разными. Берни темноволосый, а Пэт светлый. В том, в чем Берни был бесстрашен, Пэт вел себя осторожно. Берни съезжал на животе, раскручиваясь и с размаху врежаясь в розовые кусты, и громко говорил тогда, когда Пэт предпочитал молчать. Они такие разные, но в то же время очень подходят друг другу.

Мы с мамой долго смотрели на них, на их худые ноги и руки, скользившие по мокрой дорожке. Периодически мама обливала ее водой из шланга и просила быть осторожными, когда они шлепались на траву, торопясь вернуться к исходной позиции «на старт». Мама улыбалась, а мальчишки просто умирали от смеха. Берни Купер и Пэт, семи лет, в день, который они хотели бы продлить до бесконечности.

Я знал, что у моего сына будут еще друзья. В Коннектикуте. На новом месте. В большой новой школе. Потом в колледже. Он общительный мальчик, и у него всегда будут новые друзья. Как бы Берни ни было больно, но ему придется отпустить Пэта.

И мне тоже.

***

Мама поехала с нами в аэропорт. Пэт взял ее за руку, когда мы сошли с Хитроу-экспресса и оказались в толпе туристов и бизнесменов. Выглядело это так, как будто он сейчас осторожно вел ее вперед, а не она его. Когда произошла эта перемена? Когда моя мама состарилась?

Мы отыскиали стойку «Бритиш Эрвейз» и передали Пэта с рук на руки молодой улыбающейся стюардессе. Казалось, что она искренне рада видеть его. Пэт всегда внушал к себе такое отношение. Все, казалось, были рады его видеть. Ребенок, которого легко любить.

У выхода на посадку я присел перед ним на корточки и поцеловал его лицо, сказав, что мы скоро снова увидимся. Он вежливо кивнул. У него не было ни страха, ни грусти, и выглядел он так, как будто находился уже где-то очень далеко, в своей другой жизни.

Мама обняла его и так крепко сжала, что он чуть не задохнулся. Стюардесса взяла его за руку. И только тогда мой сын, кажется, встревожился.

— Так далеко лететь, — заволновался он. — Целую ночь добираться.

— Просто закрой глаза, и пусть они отдохнут, — посоветовала мама.

Я вспомнил день, когда взял Пэта в больницу навестить деда. Тогда стало ясно, что конец близок, и я подумал, что им обоим нужно повидать друг друга в последний раз. Я решил, что потеря наших дедушек и бабушек впервые заставляет нас понять, что жизнь — это серия прощаний.

Когда мой сын взялся за руку стюардессы, я подумал: «Увидятся ли они с моей мамой снова?»

***

— Ты же знаешь, что на студии высоко ценят Эй-мона Фиша, — начал Барри Твист, когда мы устроились в уютном зале «Веселого прокаженного».

Я оценил это замечание, как недоброе предвестие.

— Он смешной, ничего не боится и режет правду-матку в глаза, — заливался Барри. — Он остроумный, раскрепощенный. Опрос показывает, что среди слушателей — мужчин от восемнадцати до тридцати — он назван лучшим комиком.

— Ты дождался, когда Эймон уедет в Ирландию, чтобы сказать мне об этом?

Эймон был в отпуске. Я представлял себе, как он отдыхает на ферме в графстве Керри вот уже несколько недель. В том месте, где горы встречаются с морем и где для Эймона нет никаких шансов встретиться со своим кокаиновым дилером.

К нам подошел официант.

— Бокал шампанского. Два, Гарри? Два бокала и что-нибудь закусить. Орешки, крекеры, чипсы.

— Мне закуски не надо.

Уж слишком все это соленое. Для кровяного давления — самый яд. Теперь мне приходится думать об этих стариковских проблемах. И еще заботиться о том, чтобы не потерять работу. Об этом тоже.

— Мы хотим вернуться, — сказал я, входя в роль режиссера программы. — Эймон Фиш — самый выдающийся комик своего поколения. Его нельзя не выпускать в эфир. Это просто преступление.

— Все не так просто, — ответил Барри Твист.

— Почему?

— Опрос ведь еще показал, что большинству мужской аудитории возрастной группы от двадцати до сорока на юго-востоке страны импонирует тот факт, что Эймон, так сказать, отдыхает. Отношение же рекламодателей еще более резкое. «Большая Шестерка» — пиво, машины, безалкогольные напитки, спортивное оборудование, персональное оздоровительное обслуживание и финансы — не хочет иметь ничего общего с артистом, который только что... перенапрягся.

— Говори по-человечески, черт тебя побери! Что ты имеешь в виду?

— Колумбийский порошок. Снежок. Ханки-коки. Это изменило образ Эймона, дружок. Когда-то он был обаятельным ирландским грубияном, проявляющим симпатии к красоткам, сообщающим прогноз погоды. Теперь он уже не такой обаятельный и не такой остроумный. — Он бросил на столик газету. — Ты видел эту статью в «Трампет»? Эвелин Блант пишет об Эймоне Фишере. Вообще-то это о гибели новых направлений юмористов.

— Эвелин Блант — проходимец. Злой, передергивающий все наемный писака, который ненавидит весь мир, потому что ему так и не удалось стать — кем он там хотел быть? — писателем? Человеком?

— А мне нравится Эвелин. Он остер, непредвзят, полемичен. — Барри Твист покопался в большой стеклянной чаше с закуской.

— Любой бездельник, имеющий компьютер, может набросать статейку и получить за нее шестизначную сумму, будучи остроумным, непредвзятым и полемичным, — зло сказал я.

— Шестизначную сумму? Неужели? Неплохо.

— Я имел в виду, что ему не требуется много времени, чтобы сделать свой материал. Он всегда придирался к Эймону. Завистливый проходимец. Что этот толстый, скользкий негодяй написал на этот раз?

Барри Твист стряхнул крошки с пальцев и надел очки:

— «Посвящается поколению комиков, чья карьера сходит на нет быстрее, чем их редущие волосы».

— Очень остроумно. Сам Эвелин Блант тоже не произведение искусства. Тоже мне, портрет маслом! И почему именно уродливые проходимцы всегда придираются к внешнему виду других людей?

— «Эймон Фиш делал рекламу правдивой сатире как актер, выступающий на сцене. Но в настоящий момент он "отдыхает". Правдивость иссякла. И горластые парни, выступающие со сцены, никак не могут как следует поднять ее и оживить так, как они делали это в конце девяностых годов». Тут он уже переходит на личности. Заголовок: «Крупье, мне попалась фальшивая Фишка».

— Способные добиваются, — вскипел я. — А бездари становятся непредвзятыми критиками.

— Ну, как он поживает? Хорошо? Оттягивается?

— Он рвется назад. Хочет вернуться и начать работать. Возобновить свое шоу.

— Шоу... — Барри обвел взглядом зал. Небрежно помахал кому-то знакомому. — Разумеется, разумеется.

— Что-то не так?

— Нет. Все в порядке. Просто небольшие изменения в программе. — Он выдержал паузу.

— Ты хочешь закрыть «Фиш по пятницам»? Барри расхохотался. Эта идея показалась ему смешной.

— Нет, нет, нет и нет, — быстро пробубнил он, а потом добавил трусливо: — Да.

— Господи, Барри. В этом шоу — вся его жизнь! И еще я подумал, что мое благосостояние — тоже. Я вспомнил о деньгах, которые посылал Джине для Пэта, о счетах, которые надо оплатить и о том, что буду делать, если наше шоу прикроется. Наверное, Марти Манн оказался прав. Я был настолько глуп, что возложил все свои надежды на

одного-единственного человека. *Когда все развалится, что у тебя останется ? Моногамия разобьет твоё дурацкое сердце.*

— Мы по-прежнему ценим Эймона. Но последние несколько лет не считаем Эймона материалом для ток-шоу из-за его эффектного носа. Мы скорее воспринимаем его как... парня с улицы, который привносит драматическое действие. Герой кутежей. Мы хотим, чтобы он вел программу «Грешный мир».

— Что? «Грешный мир»? Но там и без него все схвачено.

— Ну, вообще-то он будет вторым ведущим. Вместе с Гермией Гейтс.

— Это та вертихвостка с татуировками, которая не вылезает со всяких презентаций, демонстрируя свое нижнее белье?

Барри энергично закивал:

— Да, это Гермия. Потрясающая, правда? Очень клевая и задорная. С неиссякаемой энергией и изюминкой. — Он задумчиво потер подбородок. — Да, она, конечно, уж слишком демонстрирует свое нижнее белье.

— А что это за «Грешный мир»? Этаким надуманный пустой треп под дешевую музыку для поддатых студентов, которые только что пришли из бара и собираются часок-другой покайфовать под полунепристойную передачу, прежде чем войти в ступор?

— В общих чертах такова идея, — согласился Барри. — Это выпуск компании «Мэд Манн Продакшинз». Твоего старого приятеля, Марти Манна. Он у нас восходящая звезда. В этом сезоне Марти отхватил целый блок программ в прямом эфире. Живое телевидение. Шоу «Шесть пьяных студентов в одной квартире» опять возобновляется, и с большим шумом. Он начинает новую программу знакомств «Эй, кретин, а где мои штаны?», и викторину «Извините, но я совершенный кретин». У Марти еще наше культурное обозрение для полуночников «Искусство? Вот задница!».

— В задницу? Что это за название такое?

— Не в задницу, а «Искусство? Вот задница!», Гарри. Это название непредвзято, содержательно, правдиво.

Он увидел выражение моего лица.

— Просто передай ему, ладно? Про «Грешный мир». Время идет вперед. Я знаю, что молодые люди вроде Эймона и тебя, Гарри, считают, что телевидение всегда будет существовать для них. Но это не так. Земля вращается. Все время появляются все новые лица. Телевидение — хорошая любовница, но плохая жена.

Я уже собирался броситься на защиту Эймона — что он, мол, исправился и слишком хорош, чтобы вести никчемную программу для полуночников, рассчитанную на поддатых тупиц, — когда вдруг увидел, что в зал входит Сид.

Она была не одна. Мою жену по-хозяйски держал за талию Люк Мур, направляясь с ней через бар в сторону кабинета, находящегося в глубине помещения.

«В ней что-то изменилось», — подумал я. И тут я понял.

Она выглядела счастливой.

Мне стало больно оттого, что я вспомнил. Такой счастливой она выглядела, когда находилась рядом со мной. Вспомнил смешанное чувство гордости и счастья, потому что нашел именно того человека, которого искал. И вдруг я понял, что женился на Сид не ради своего сына. Я женился на ней, потому что был от нее без ума. Потому что любил ее.

Барри Твист с телестудии подавил зевок:

— Так всегда случается в современном мире. Рано или поздно нас бросают.

***

Когда я пришел домой, Салли спала на диване.

Копна крашенных светлых волос, мешковатые джинсы и скромное кольцо в пупке, чуть виднеющееся из-под коротенькой футболки. Девушка, живущая по соседству, отличающаяся от обычной няни тем, что ее собственный ребенок спал на ковре перед камином.

Презиш в своей пижамке лежала на спине, ее ручки были вытянуты вверх, кулачки находились на уровне ушей. Она походила на крошечного штангиста и выглядела взрослее,

чем обычно. Ей, кажется, уже исполнилось два года. Очень скоро я стану одним из старикашек, которые жутко действовали мне на нервы, когда я был маленьким, постоянно повторяя: «Ой, как ты вырос!» И ребенок будет думать: «Вот ведь старый дурак этот дядюшка Гарри!» Салли проснулась, потерла глаза и улыбнулась:

— Пегги сразу пошла спать. Без Пэта стало так тихо.

— Как дела, Салли?

Она подняла с ковра свою спящую дочь и начала приглаживать ее растрепанные волосы.

— Как дела с кем?

— С Прешиз. Ты ведь воспитываешь ее одна. Как тебе это удастся?

— Ну, мне помогают родители. Как твоя мама помогала с Пэтом. Ты ведь сам знаешь, как это, потому что некоторое время был с Пэтом один, верно? Все не так уж и плохо.

— Я был с ним недолгое время, а ты делаешь это совсем одна и всю жизнь. Должно быть, было тяжело, когда... как его... Стив устранился.

— Я лучше буду одна, чем с каким-то никчемным негодяем вроде ее толстозадого папочки, — заявила Салли, укачивая Прешиз. — Никаких ссор, никаких препирательств по поводу того, кто и что делает. Только я и моя девочка. Родитель-одиночка ни перед кем не отвечает. Скажу тебе откровенно, Гарри, — она поцеловала пушок на голове у дочери, — у меня нет сложностей, и это мне нравится.

Я вспомнил, как мы с Пэтом жили вдвоем, когда Джина отправилась в Японию искать себя, но еще до того, как я встретил Сид. Несмотря на всю помощь, которую оказывали мне мои родители, я часто чувствовал себя на передовой линии, отделяющей моего сына от темных сил, роящихся вокруг.

Иногда мне было одиноко и страшно. Но все равно это время запомнилось мне как удивительно радостное и счастливое. Пэт и я вместе. Мы вдвоем. Именно этого мне не хватало.

Салли права.

Тогда не было никаких сложностей.

***

Когда Сид пришла домой, я принимал душ. Она заглянула за штору в ванной и дурашливо улыбнулась:

— Найдется тут местечко еще для одного человека?

Было похоже, что она опрокинула пару стаканчиков. Я вспомнил о ней и Люке Муре в кабинете «Веселого прокаженного». Почему она не сказала мне, что встречается с этим уродом? Что она от меня скрывает?

Я слышал, как она напевает себе под нос, снимая одежду. Она казалась радостной и оживленной. Женщина немного навеселе, которая с чистой совестью возвращается домой к мужу. Я отвернулся в сторону и подставил лицо под горячие струи воды.

Сид встала под душ вместе со мной, прижавшись ко мне своим стройным телом. Я почувствовал, что моментально среагировал на ее прикосновение. Не могу отрицать, что я все еще без ума от нес.

— Ого-го! — воскликнула Сид. (Боже, да она и в самом деле под хмельком.) — Ты просто рад видеть меня или это сильная эрекция? Дай-ка мне мыло.

Она выдавила на ладонь немного жидкого мыла и начала намыливаться. Потом ее внимание переключилось на меня. И она стала намыливать мою спину. Она делала это скорее тщательно, чем возбуждающе — сказывалась сноровка женщины, привыкшей мыть ребенка. Но тем не менее очень быстро мой член стал твердокаменным. Я повернулся к ней лицом. Ее широко посаженные глаза были сощурены, а черные волосы намокли и облепили плечи.

— В душе, — рассмеялась она. — Мы сто лет не делали этого в душе.

— Как прошел твой вечер?

— Хорошо.

— С кем, говоришь, ты встречалась?

— Да с парой женщин, которые готовят банкеты для нескольких деловых корпораций в Сити. Мы немного выпили и поужинали в «Веселом прокаженном». А как Пэт улетел? Все нормально?

— Говоришь, с парой женщин?

Она закрыла глаза и застонала, обхватив мой член, как ручной тормоз, который надо снять.

Я оторвался от нее, отодвинул штору и схватил первое попавшееся полотенце.

— В чем дело, Гарри?

Я яростно растирался, хотя моя спина была вся в мыле. Лицо моей жены выглядело озадаченным. Было бы намного лучше, если бы я не хотел ее так сильно. Как было бы хорошо, если бы все кончилось и не оставалось бы никаких чувств.

— Мне мало места под душем, — ответил я, бросая полотенце в корзину для грязного белья и предоставляя ей возможность принимать душ в одиночестве.

Я подумал, что наш брак чем-то напоминал «Лондонский глаз» — это гигантское чертово колесо, расположенное на южном берегу Темзы.

Даже когда кажется, что все тихо и ничего не происходит, там, наверху, в темноте, все время что-то движется и крутится.

20

— Не усложняй, — это стало жизненным кредо Эймона. — Это первое, что тебе говорят в обществе «Анонимных алкоголиков». Ложь и хождение вокруг да около никогда не приведут ни к чему хорошему. Если ты хочешь когда-нибудь выздороветь, то не стоит ничего усложнять, Гарри.

Перед нами, как на открытке, расстиралось графство Керри. На многие километры тянулись холмы и низины, поросшие травой, и единственной переменной пейзажа было серебристое застывшее озеро. Пейзаж не менялся до тех пор, пока не появились скалы, спускающиеся к морю. Море выглядело огромным, и казалось, что оно простирается не до американского континента, а до самого конца света.

Эймон предупредил меня, что туристы наводнили всю его родину в надежде хорошенько оторваться в каждом пабе и ожидая за всяким углом проявлений кельтского мистицизма. А в маленьких гостиницах они ожидали встретить девушек, выглядящих, как солистки ансамбля «Коррз». Но единственным проявлением жизни, которое мне удалось обнаружить в этом диком краю, был комик, прибавивший несколько лишних килограммов с тех пор, как я видел его в последний раз.

— Они хотят закрыть шоу, Эймон. Понимаю, что сейчас не совсем подходящее время, чтобы тебе сообщать об этом, но я ничего не могу поделать. Их напугали наркотики. Другое дело, если бы ты пил беспробудно. Они могли бы представить все это как невинные проказы загулявшего парня. Для них быть алкоголиком — даже клево. Они могли бы связать это с рекламой алкогольных напитков. Но наркотики — совсем другое дело.

— Меня выкинули? Вот так просто?

— Они не собираются возобновлять «Фиш по пятницам». Они хотят, чтобы ты помогал вести какой-то ночной зверинец. «Грешный мир». Вместе с Гермियोной Гейтс.

— Это та, которая все время демонстрирует свое нижнее белье?

— Именно.

Он задумался на некоторое время. Под моими ногами в новеньких ботинках хрустела сладко пахнущая трава.

— А как же ты, Гарри? Ты идешь со мной? Я не буду вести эту программу, если они не хотят брать тебя.

Меня тронула забота Эймона. Но мне как-то не пришло в голову, что создатели веселенького и клевого шоу типа «Грешный мир» захотят пригласить такого невеселенького

и неклевого режиссера, как я. Я полагал, что они скорее позовут какого-нибудь выскочку в джинсах, которые спущены так низко, что видна его проколотая мошонка с кольцом.

— Не волнуйся обо мне. — Тут я подумал о деньгах, посланных Джине для Пэта, о деньгах, на которые мы с Сид рассчитывали, выплачивая кредит за дом. — Со мной все будет в порядке.

Мы спустились в затененную лошину, а потом вышли на небольшой пригорок, залитый солнцем. Вдалеке, там, где папоротник спускается к скалам у моря, стоял небольшой фермерский домик. Долгое время там никто не жил, но, с тех пор как Ирландия превратилась в страну, куда люди начали приезжать, а не покидать ее, дом стал местом отдыха на природе и жильем Эймона в последний месяц. Сейчас по извилистой горной дороге к дому подъезжало такси.

— Это, должно быть, он. Эвелин Блант. Мы наблюдали за машиной.

— Ты уверен, что хочешь сделать это, Эймон? Ты вовсе не обязан говорить с ним.

— Я доверяю Бланту с такой же силой, с какой способен эякулировать.

— Настолько?

— Он ведь все равно уже облил меня грязью, как мог. Что еще он может мне сделать?

Это интервью являлось «гениальной» идеей Барри Твиста.

Твист свято верил в то, что публике импонирует образ грешника, который, в конце концов, раскаивается в своих ошибках. Барри считал, что народ простит все, что угодно, только если ты не покажешь, что с самого начала получал от своих ошибок удовольствие. Теперь недостаточно, чтобы ты бросил свои привычки, нужно сделать это прилюдно. У публики развился вкус к публичным покаяниям.

Эвелин Блант был на протяжении долгого времени занозой, ядовитым пером в боку у Эймона. И теперь ему предложили взять у актера интервью, потому что считалось, будто его газета имела влияние в определенных кругах. То есть люди, работающие в средствах массовой информации, читали ее, а именно они и формировали мнение тех, кто решает, будет ли иметь успех возобновление шоу. Сам же Блант в настоящий момент писал длинные заумные статьи, поскольку пытался перейти от своих злобных, агрессивных эссе к чему-то, более напоминающему настоящие работы. Бланту не удалось стать ни ведущим телепрограмм, ни писателем, ни работником радио. Поэтому неизбежно он стал пробовать себя в журналистике.

Мы спустились с холма и подошли к дому в тот момент, когда пассажиры такси вышли из машины, остановившейся рядом с моим автомобилем. Блант огляделся вокруг, обзрев все это дикое великолепие с кислым выражением на помятом лице. Он выглядел взмокшим, как будто все еще не оправился от своего запойного и бурного прошлого. Он был не один. С ним приехала молодая женщина. Фотограф.

Сначала я не мог разглядеть ее лица, потому что она вместе с шофером доставала свои сумки с фотопринадлежностями и треногой из багажника такси. Потом она выпрямилась, отбросила назад водопад черных волос и оглядела пейзаж. И я ее увидел.

Казуми.

Мы вошли в дом. Блант пожал Эймону руку с таким дружелюбием, будто не он использовал артиста в течение последних двух лет как боксерскую грушу.

Мы с Казуми уставились друг на друга. Потом она кивнула в сторону Атлантического океана:

— Посмотрите.

Далеко в море начинался шторм. В сторону берега двигались огромные черные тучи. Но они были так далеко, что все это походило на сон.

— А-а, это еще далеко, — отмахнулся Эймон. Его местный акцент всегда усиливался, как только он уезжал из района Сохо. — Мы тут не бежим сразу под навес сломя голову. Сначала мы немножко отдохнем, а потом, конечно, бежим.

Но Казуми уже отошла в сторону и забиралась на камни, с фотоаппаратом, висящем на шее. Мы смотрели, как она, присев на корточки на одном из валунов, стала делать снимки

приближающегося шторма.

— Милая маленькая Казуми, — произнес Эвелин Блант. — Сегодня вечером я остаюсь здесь.

***

Только когда Эймону пришлось скрываться в туалете от толпы английских туристов в футболках с эмблемой «Манчестер Юнайтед», а Эвелин Блант взобрался на стол, чтобы показать, как надо исполнять какой-то танец, мы с Казуми остались вдвоем.

— Значит, с работой в Лондоне ничего не вышло? — старался я перекричать вдохновенное исполнение местным оркестром мелодии песни Ван Моррисона «Ушла навсегда».

Она легонько похлопала ладонями по своим ушам. Мне нравилось, как они у нее немного оттопыривались. Мне очень даже это нравилось.

— Ничего не слышу, — сказала она, отпивая из стакана пиво.

— Вы свободный художник? Раньше ведь работали для «Трампет»?

Она улыбнулась, покачала головой и опять дотронулась до своих чуть оттопыренных ушей. Действительно, шум здесь стоял ужасный. И я понял, что могу говорить ей все, что захочу.

— Я сказал, что очень рад видеть вас. Вы выглядите великолепно. Я думаю, что вы чудесная. Я так рад, что вы вошли в мою жизнь. Мне кажется, что я схожу с ума.

Она вежливо улыбалась.

Смеющийся турист-немец в футболке с эмблемой «Глазго Келтик» врезался в наш стол. Он хлопал в ладоши и топал ногами, в то время как Блант отплясывал джигу, плотно прижав к бокам руки, как будто они были привязаны.

— Эти сумасшедшие ирландцы. — хохотал немец. — Они всегда так веселятся, да?

— Он живет в Лондоне, — пояснил я.

— Сумасшедшие, сумасшедшие ирландцы!

Раздался гром аплодисментов, когда оркестранты, похожие на потрепанных хиппи, напоминавших массовку из фильма «Храброе сердце», вломили «Один ирландский бродяга» Ван Моррисона.

Блант удвоил темп.

Прибыла автобусная группа туристов из Италии, и паб наполнился людьми так, что негде было повернуться. Все стали заказывать пиво рыжеволосому студенту, стоявшему за стойкой бара.

Блант ударился ногой о большую стеклянную пепельницу и теперь подпрыгивал на одной ноге и морщился от боли. Туристы возбужденно аплодировали, принимая его прыжки за фигуру танца.

Немец важно кивнул и со знанием дела произнес:

— Музыка для ирландцев очень важна. «Бумтаун Рэтс». «Тин Лиззи». «Ю-ту». Это у них в душе. — И он вскарабкался на стол к Бланту.

Тут появился Эймон, посмотрел на Бланта и немца и покачал головой:

— Вот что может случиться, если они слишком часто будут смотреть «Титаник».

На стол поставили поднос с пивом. Блант, пытаясь переплясать немца (который, кстати, не делал ничего особенного: размахивал руками, стоя на одном месте), решил показать сложный элемент «Властелин танца», перепрыгнув через кружки с пивом. И тут он свалился со стола, предварительно шлепнувшись лицом в тарелку австралийского туриста, на которой лежал бутерброд с сыром и помидорами.

Эймон отпил из стакана воды и улыбнулся Казуми. У меня испортилось настроение. Я надеялся, что Эймон не собирается переспать с ней. Наркотики в его жизни заменили девушек. Но теперь с наркотиками было покончено.

Но тут оркестр заиграл «Кареглазую девушку», и все повскакали со своих мест. Симпатичный молодой итальянец подошел к Казуми и спросил, не хочет ли она потанцевать. Вдруг между ними возник Эвелин Блант со свирепым лицом и куском помидора, свисавшего

с его брови.

— Этот танец она уже обещала мне, приятель.

***

В конце концов, нас выставили вон.

Посетители могли бы гулять до рассвета, но молодому рыжеволосому студенту надо было утром рано вставать, чтобы ехать в колледж на занятия по информационной технологии.

Поэтому мы вчетвером пошли назад к дому по изрытой дороге, и единственным освещением был свет мерцающих над нашими головами звезд, а единственным шумом — рокот морских волн.

И еще звуки, доносившиеся с автостоянки у паба: туристов выворачивало наизнанку.

***

Заснуть в этом фермерском доме, стоящем в бухте, было не так-то просто.

С Атлантического океана налетал ветер, и потревоженные им старинные балки дома скрипели и стонали, как доски корабля, попавшего в сильный шторм. К тому же было ужасно холодно. Под пижаму от Маркса и Спенсера я надел старую футболку с надписью «Фиш по пятницам», на ноги — термоноски, но все равно трясся от холода под тоненьким одеялом, которое использовали здесь в летний период.

Но сегодня я не мог заснуть не из-за холода или шума ветра. Мысли о Казуми не давали мне покоя. Я думал о том, что она лежит, свернувшись под одеялом, в комнате наверху. Именно поэтому я не спал и выглядел вполне бодрым, когда она постучала ко мне в дверь в три часа ночи.

На ней была клетчатая пижама. Эта девушка любила клетчатый рисунок на одежде больше, чем какой-нибудь шотландец. На ней были также вязаная шапка и толстые носки. Наверху скорее всего было еще холоднее, чем здесь. Я зажмурился и потом открыл глаза, проверяя, не снится ли мне это. Потом она заговорила. Шепотом, как будто боялась перебудить весь дом.

— Извините, — сказала она.

— Ничего. Что случилось?

— Проблема у меня в комнате.

Я пошел за ней следом сначала через темную гостиную, а потом осторожно взобрался по короткой приставной лестнице на самый верх дома. Поперек ее кровати лежал с раскрытым ртом, из которого стекала слюна, громко храпящий Эвелин Блант.

— Сказал, что пошел в туалет, а на обратном пути перепутал комнаты, — объяснила она.

Мы перевели взгляд с пьяного литературного поденщика на шаткую лестницу, по которой нужно забраться, чтобы попасть в эту комнату. «Так напиться просто невозможно», — пронеслось у меня в голове.

— Большой и толстый лгун, — вздохнула Казуми.

— Он не обидел вас?

Она покачала своей хорошенькой головкой:

— Схватил мою грелку и завалился спать. Никак не могу его разбудить.

— Сейчас я попробую. — И я принялся трясти его за плечо: — Проснись, Блант. Ты не в своей комнате. Просыпайся же ты, толстый потный мерзавец!

Он застонал и прижал мою руку к своей щеке с выражением пьяного экстаза на опухшем лице. Будить его было бесполезно. Он ни на что не реагировал.

— Вы можете идти спать в мою комнату. Я лягу здесь, на диване, — сказал я.

— Нет-нет.

— Это ничего. Правда. Идите в мою комнату. Она посмотрела на меня:

— Или мы можем... ну, вы знаете, вместе разместиться в вашей комнате.

В тишине слышалось, как волны бьются о берег.

— Да. Можно поступить и так.

Мы пошли в мою комнату, сконфуженные, как два пятилетних ребенка в первый день в школе. Потом мы быстро забрались на разные стороны кровати. Мое наполненное надеждами сердце возликовало, хотя я и понимал, что она руководствовалась не страстью, а опасением переохладиться.

Я лег на спину, Казуми повернулась ко мне спиной. Я слышал свое дыхание, чувствовал тепло ее тела. Когда у меня уже не осталось больше сил выносить это, я протянул руку и коснулся ее спины, почувствовав под ладонью мягкую ткань ее клетчатой пижамы.

— Нет, Гарри, — произнесла она немного печально, даже не пошевелившись.

Я убрал руку. Не хотелось уподобляться Бланту. Каким бы я ни был, ни за что не хотел бы походить на этого типа.

— Почему нет?

— У вас есть жена и сын.

— Все не так просто.

— Есть и другие причины.

— Например? — Я выдавил из себя короткий смешок. — Потому что вы не такая? Я знаю, что не такая. Поэтому вы мне так и нравитесь.

— Вы мне тоже нравитесь. Вы хороший.

— Правда?

— Да. Вы забавный и добрый. И одинокий.

— Одинокий? Я?

— Думаю, да.

— Тогда в чем дело?

— Вы не такой мужчина. — Она перевернулась на спину и посмотрела на меня. Ее карие глаза блестели в лунном свете. Прямо как у девушки в песне Моррисона.

Я повернулся к ней лицом. Мне так нравились ее черные волосы, спадавшие на ее лицо. Я дотронулся ногой до ее ноги — шерстяной носок к шерстяному носку. Она положила свою ладонь мне на грудь, и от этого жеста у меня перехватило дыхание. В тишине наши голоса звучали как негромкая молитва.

— Я хочу спать с тобой, — сказал я.

— Тогда закрой глаза и засыпай. — Она не улыбалась.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Я хочу любить тебя.

Она покачала головой:

— Ты не свободен.

— Никому на свете нет до этого дела. Есть только ты и я. Мы никому не причиняем боли. Никто не узнает, Казуми.

— Мы будем знать. — Тут она меня подловила. — Я не хочу быть женщиной, которая спит с женатым мужчиной. А ты не хочешь быть таким мужчиной.

— Нет, хочу.

— Нет, Гарри. Ты лучше. — Она погладила меня по лицу. — Просто обними меня, — сказала Казуми, поворачиваясь ко мне спиной и придвигаясь поближе.

Я притянул ее к себе. Два слоя пижамы разделяли ее бедра и мою эрекцию. Я обнял ее рукой за талию и прижал к себе. Она взяла мою руку, целомудренно поцеловала запястье и сжала ее. Мы перестали разговаривать, и еще долго я лежал и слушал, как атлантические ветры налетают на дом, а он поскрипывает, сливаясь с ее тихим дыханием.

И пока Казуми спала в моих объятиях, я раздумывал над тем, как можно сделать жизнь простой. Может, для этого необходимо оставаться там, где ты есть?

Или лучше начать все сначала?

Когда я проснулся, ее рядом не было.

С каменистого берега доносились голоса. Выглянув в окно, я увидел, что Казуми уже

фотографирует Эймона.

Одетый в теплую красную куртку, он принимал тщательно продуманные позы — стоял, с серьезным видом глядя на море, потом в объектив фотоаппарата, затем в никуда, — а она перемещалась вокруг него, быстро щелкая один кадр за другим, меняя пленки, отдавая ему распоряжения и всячески его подбадривая.

«Японка с фотоаппаратом, — подумал я. — Одно из клише современного мира».

Толпы туристов, бездумно щелкающих снимки разных достопримечательностей, а потом заполняющих экскурсионные автобусы. Но, когда я наблюдал за тем, как Казуми фотографировала Эймона на продуваемом ветрами берегу Дингл-Бэй, я понял, что эта молодая женщина с фотоаппаратом одержима неукротимой любознательностью по отношению к миру вокруг и ко всему, что его составляет. И поэтому я почувствовал необыкновенный приступ нежности и к ней, и к ее фотоаппарату. *Остановись, мгновение, ты прекрасно...* Она сказала, что именно так выразился кто-то по отношению к фотографии. Вот именно это она и делает. Старается остановить прекрасное мгновение.

К тому времени, когда я оделся и умылся, Казуми и Эймон продвинулись дальше, вниз по берегу. Очевидно, она уже сделала необходимые ей снимки, потому что теперь они работали медленнее, пробуя разные ракурсы. Она приседала на корточки на разных камнях, покрытых водорослями, а Эймон медленно шел по направлению к ней, засунув руки в карманы и глядя (наверное, можно назвать это «задумчиво») поверх ее головы.

И хотя мне жаль это признавать, но, возможно, она, в конце концов, оказалась права. Прошлой ночью секс был ни к чему. Одна случайная ночь с Казуми стала бы большой ошибкой. Потому что одной ночи с этой женщиной было бы недостаточно.

И что это могло означать? Что значит, когда одной ночи недостаточно?

А это значит, что нужно заводить роман.

У нас на работе я наблюдал достаточное количество женатых мужчин, которые имели связи на стороне, и понял, насколько это хлопотное дело.

Одностороннее общение по телефону, постоянный страх быть раскрытым, чувство вины, беспокойство, слезы на Рождество и Новый год, когда долг призывает остаться у домашнего очага. Чувство, что ты постоянно раздваиваешься,рываешься. И ложь. Без лжи никак не получится.

Я так не смогу. У меня не хватит духу. Я не могу поступить так с Сид. И с собой тоже. Да и с Казуми. По крайней мере именно это я чувствовал при свете дня, находясь в пятидесяти метрах от Казуми, которую я уже не держал в объятиях и на которой не было клетчатой пижамы.

Я сохранил верность своей жене.

Я поступил правильно.

Тогда почему же я чувствую себя таким несчастным?

Рядом со мной раздалось низкое трагическое мычание. Это был Блант. С зеленым лицом, покрытым мелкими каплями пота, он подавил отрыжку и попытался застегнуть рубашку.

— Должно быть, пиво несвежее попало, — произнес он, направляясь в сторону берега, где Казуми заканчивала фотографировать Эймона.

Что касается меня, то я не хотел заикливаться на другой женщине, которую к тому же едва знал. Сид для меня больше, чем жена и любовница. Она мой лучший друг. По крайней мере, так было до того, как в нашу жизнь вошел другой мужчина.

Я хорошо помнил моменты, которыми измерялась наша любовь. Мы с Сид пережили хорошие времена. Ночь последнего дня Рождества — наша первая совместная ночь — была очень веселой. Нам все казалось необыкновенно смешным — от куклы Брюси-диджея с кучей маленьких проигрывателей до выражения ужаса на лице моей мамы, когда она начинала индейку специальным фаршем.

Но по-настоящему нас сплотили тяжелые времена. Когда мой сын оказался в больнице с рассеченной головой после падения в парке. Когда я ужасно переживал развод с Джиной.

Все это время Сид была со мной, поддерживая меня и заботясь обо мне так, как никто и никогда.

Теперь же мне казалось, что я теряю свою жену, а образующаяся пустота заполняется Казуми, пусть даже против ее воли.

Пустота размером с семью и в форме человеческого сердца.

***

Однажды вечером я приготовил ужин для нас четверых — Пегги, Пэта, Сид и меня. С тех пор как я женился на Сид, мои кулинарные способности заметно атрофировались. Но однажды вечером я все же решил приготовить ужин. Для семьи.

Мы расселись за столом в соответствии со сторонами света.

В самом начале Сид с Пэтом добросовестно притворялись, изображая энтузиазм по отношению к моей стряпне, хотя Пегги произнесла не без доли сарказма:

— Болонские спагетти! М-м-м, жду не дожусь.

— Ха! Может, как раз придется подождать, Пег. Иногда мы с моей падчерицей обменивались гадкими любезностями.

— Позаботься, чтобы макароны не получились жесткими, ладно? — дала она совет. — А, с другой стороны, я не люблю, когда они слишком разварены. Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду?

Я стоял у плиты с напряженной улыбкой, перемешивая мясной фарш с томатным соусом.

— Знаешь, лучше это готовить как рагу, потушить, — мягко подсказала Сид. — Такое количество мяса на медленном огне без крышки готовить придется долго-долго.

— Прошу тебя... — проговорил я, пытаюсь сохранять спокойствие. — Сегодня моя очередь готовить.

Я делал спагетти с подливкой. Уж это испортить нельзя. Я привык готовить именно это блюдо еще с тех пор, как мы с Пэтом жили одни.

И почему-то всегда считал, что болонские спагетти делаются очень быстро. Я думал, что на приготовление у меня уйдет столько же времени, как в ресторане после того, как сделал заказ. Но и со спагетти я ошибся, как ошибался во многом другом.

Через час или около того Пегги с нетерпением стала постукивать по столу своей куклой Люси-тайным агентом. Пэт сидел, уставившись на пульт управления, зажатый в кулаке, с таким видом, как будто ждал сигнала. А Сид, очень мило спросив меня, не буду ли я возражать, занялась своей бухгалтерией.

А я все еще стоял у плиты, помешивая соус, приготовление которого затянулось на такое долгое время. Я думал, что, может, я готовил не болонские спагетти, когда мы с Пэтом жили одни, потому что у меня тогда получалось все легко и быстро. Может, это были спагетти под чесночным соусом? Да, точно. Именно такое блюдо можно сделать за считанные минуты. Просто открываешь банку с готовой чесночной приправой и вываливаешь ее на макароны. Быстро и вкусно. Мой сын называл их «зеленые спагетти».

Сейчас, через два года после периода зеленых спагетти, он уронил пульт. Тот громко стукнулся об пол.

— Опаньки! — воскликнул он, обводя стол глазами и ожидая, что все рассмеются.

Пегги и Сид не обратили на него внимания. Я подобрал пульт и сердито засунул его в карман фартука:

— Ты можешь хоть пять минут не думать о телевизоре?

У моего сына начал дрожать подбородок — явный признак того, что он с трудом сдерживает слезы. Пегги нарочито вздохнула.

— Пожалуйста, можно я сейчас выйду из-за стола? — произнесла она. — Я сегодня вечером очень занята.

— Подожди немного, — сказала Сид, не отрываясь от записей. — Можешь пойти и принести куклу Брюси-тайного агента, если хочешь. Они с Люси могут поговорить о предстоящей миссии, пока мы ждем Гарри.

— Да, осталось еще чуть-чуть, — сказал я, яростно помешивая соус. — Куклу Люси можно переодеть и после ужина.

— Да уж! — сказала Пегги. — Кто-то сегодня встал не с той ноги.

Сид подняла голову от своих записей:

— Все нормально, Гарри. Я поговорила с ней. Тебе не нужно ничего отвечать, дорогой.

— Если бы ты делала это почаще, мне не было бы необходимости отвечать, дорогая.

Моя жена отложила в сторону калькулятор и вздохнула:

— В любом случае, как долго ты еще собираешься готовить?-

— Не знаю. Это говяжий фарш. Он готовится целую вечность.

— Говядина? — спросила Пегги. — Ты сказал «говядина»? Я не ем говядину.

— Почему?

— Потому что мясо — это смертельно опасно. — Она выдержала театральную паузу. — Я разве тебе не говорила? Больше я не ем мяса, решила стать вегетарианкой. И ем теперь в основном одни овощи.

— Я тоже, — подключился Пэт. — Я тоже овощи. Теперь можно посмотреть телевизор? Передача «Эй, кретин, а где мои штаны?» скоро начнется.

Я хотел, чтобы это застолье помогло нам почувствовать себя одной настоящей семьей. Только и всего. Не так уж много мне было нужно.

А может, именно этого я и добился? Потому что к тому времени, когда мои спагетти с подливкой были готовы, никто из нас друг с другом не разговаривал.

***

Эймон шел мне навстречу. Блант с Казуми все еще стояли на берегу. Он что-то говорил ей, почесывая свой выпирающий живот. Она качала головой, складывая фотооборудование. Они пошли к дому. Блант даже не предложил ей помочь нести сумки.

— Хорошо провел эту ночь? — спросил Эймон.

— Ничего не было.

— Эй, кто я такой, чтобы бросать в кого-то камень? Меня не касается, чем ты занимаешься в командировке.

— Я это и хотел сказать, Эймон. Ничего не было.

— Что-то вроде тантрического секса?

— Ничего.

Не было ничего — и было все. Потому что я впервые понял, что если у меня не получается иметь семью с моей женой, то, возможно, у меня получится это с кем-нибудь другим.

— Мне самому нравится немного позаниматься тантрическим сексом, — рассуждал Эймон. — Можно делать это часами, правда? Знаешь, какая моя любимая поза? Слесарь. Целый день сидишь дома и ждешь, а он не приходит.

Если бы мы спали вместе — или, скорее, если бы мы не только спали вместе, — мы чувствовали бы себя неловко. Или, что гораздо хуже, сейчас ощушали бы ложную близость, которую не заслужили. Но мы шли по берегу, удаляясь от дома, в котором в это время Блант интервьюировал Эймона, и между нами не наблюдалось никакой неловкости. Мы провели ночь в объятиях друг друга, только и всего. И то, что мы шли по каменистому берегу, со стороны моря наплзали облака, а вдалеке показался первый туристический автобус, — все это представлялось самым естественным на свете.

— Надеюсь, что фотографии получились, — сказала Казуми. — Это мое первое задание от них. Фоторедактор, как бы это сказать, настоящая старая стерва. Она ни за что не даст никому повторного шанса.

— Снимки будут хорошими. Ты просто блестящий фотограф.

Она улыбнулась мне:

— Сладкие речи.

— Никакие не сладкие речи. Я видел твои фотографии. Ты снимала моего сына.

— Конечно. Пэта.

Мне нравилось, что она смогла уловить индивидуальность моего сына, что она показала его незаурядность. Мне действительно это очень нравилось.

— Я увижу тебя в Лондоне?

Она остановилась и посмотрела на море. Приближался еще один шторм. Облака, больше и темнее, чем вчера, низко нависали над поверхностью Атлантического океана, волны которого, вспениваясь, катились в сторону берега. Шторм быстро надвигался. Согласно народной мудрости Эймона, перед штормом нужно обязательно выпить пинту пива и послушать какой-нибудь хит группы «Коррз». Но все это, конечно, было сущей ерундой.

— Казуми?..

— Какой смысл?

— Смысл?

— Какой смысл видаться в Лондоне? — Она резко взяла меня за руку и потянула за обручальное кольцо. — Не снимается. Видишь? Не так это просто.

— Мы не сделали ничего плохого.

— Пока нет.

— Я буду ждать тебя на Примроуз-Хилл. На самой верхней точке, откуда виден весь город. В воскресенье утром. Часов в десять.

Начался дождь. Мы ушли по берегу довольно далеко от дома, которого почти совсем не было видно из-за густого тумана с моря.

— Сюда! — крикнула она и побежала вперед, врываясь в дождь.

Я последовал за ней к старой разрушенной лачуге, перед которой лежали остатки полусгнившей лодки. Дверь оказалась не заперта, внутри было темно. Пахло табаком и водорослями.

Жилище походило на заброшенный дом рыбака или на летний домик зажиточной баварской семьи.

Мы оба промокли насквозь. Я подумал, что именно сейчас наступил самый подходящий момент, чтобы сбросить промокшую одежду и упасть в объятия друг друга. Но она просто села на кухонный стол и, дрожа, стала проверять, в порядке ли фотоаппарат, который висел у нее на шее.

Я стоял у окна и смотрел, как наползает туман, слышал, но уже не видел волн, разбивающихся о скалы. Мне было холодно в мокрой одежде, но тут меня вдруг обхватили две руки и крепко сжали, согревая. То, в чем я нуждался.

Вот оно, подумал я. Ничего больше не надо. Просто два существа прижались друг к другу на западном побережье Ирландии. В поисках небольшого утешения. Ничего плохого.

— Я не приду на Примроуз-Хилл.

— Ладно.

— Я не приду в воскресенье утром.

— Хорошо.

— И ни в какой другой день.

— Ну, хорошо.

Я изловчился и повернулся к ней. Она подняла ко мне свое лицо, склонив голову набок. Я поцеловал ее и увидел совсем близко ее широко раскрытые карие глаза, блестящие в туманных сумерках. По крыше стучал дождь, я чувствовал тепло ее тела сквозь мокрую одежду, ее губы, соленные от морских брызг.

«Вот оно как, — размышлял я. — Два замерзших существа, дрожащих в тумане. Только и всего. Гарри, не старайся превратить это во что-то, чего не может быть».

И тут я подумал о Джине и Сид. Я потерял двух самых лучших друзей, которые у меня были, только потому, что женился на них, завел с ними сексуальные отношения и надеялся на то, что все это будет длиться до конца жизни. У нас с Казуми никогда так далеко не зайдет. А может, уже зашло.

Но я знал, что это мгновение запомню. Я уберу его подальше, запиру на замок и буду доставать только тогда, когда мне станет плохо и одиноко в этом мире. И этого будет

достаточно.

Лелеять надежды о Примроуз-Хилл было уже слишком.

22

Когда я вернулся домой, на коврике в прихожей лежал авиаконверт. На нем изящным, аккуратным подчерком Джины были написаны мое имя и адрес.

Внутри находилась фотография, изображающая мужчину, женщину и ребенка, стоящих у белого забора и освещенных ослепительно ярким солнцем. Пэт был на первом плане в своей полинявшей футболке с изображением персонажей «Звездных войн» и шортах. Он шурился на солнце и улыбался своим наполовину щербатым ртом. Прямо позади него стояла Джина, закрываясь одной рукой от солнца, а другую положив на плечо нашего сына. Она выглядела стройнее, чем когда-либо. На ней тоже была старая трикотажная рубашка с закатанными рукавами. Но, несмотря на годы и всякие проблемы в ее новой жизни, в ней оставалась все та же светящаяся красота, в которую я когда-то влюбился. И, о которой она не любила слышать от меня.

Тут же был и Ричард. Этот мужчина, за которого моя бывшая жена вышла замуж. Он стоял сбоку, без улыбки, наполовину скрытый в тени белого дощатого дома. И выглядел не очень счастливым. У него был вид эмигранта, вернувшегося домой, но не испытывающего при этом никакого восторга. Но могу ли я судить? Что я знаю? Он женился на моей бывшей жене, жил с моим единственным сыном. Я не могу думать о нем как о проигравшем. В конверте еще оказался листок бумаги.

Записка от Джины.

«Гарри.

Мы приезжаем на несколько недель в Лондон. Мы вдвоем. Пэт и я. У моего отца что-то не в порядке с ногой. Ему нужна помощь по дому. Жить мы с ним не будем, у меня есть квартира. Позвоним, когда прилетим. Пэт, кажется, провел с тобой время замечательно. Но ты же знаешь Пэта — он не очень разговорчив. Поблагодари, пожалуйста, Сид. Надеюсь, что с твоей мамой все в порядке.

Джина».

— Привет, Гарри, — наверху лестницы стояла Пегги. На ней было длинное белое кружевное платье с короткими рукавами-фонариками. Она напоминала невесту. Или ангела.

— Чудесно выглядишь, Пег.

— Мой папа женится. На своей подружке Либерти. Она медсестра из Манилы. Я буду у них подружкой невесты.

— Иди сюда, — сказала Сид, появляясь рядом с ней. — Иди сними платье. Осторожно с булавками в подоле. Я сейчас приду.

Моя жена спустилась по лестнице:

— Поездка прошла хорошо? Как там Эймон? У него все в порядке?

Я не ответил. Поставил сумки в прихожей и прошел на кухню. Все столы и столики были заставлены блюдами с гуакамоле, соусами чили и табаско, бутылочками сливового кантонского соуса и карибского бананового кетчупа. Все сладкое и острое.

— Экспериментирую с разными приправами, — пояснила Сид. — Говорила с твоей мамой. Она не очень хорошо себя чувствует.

Моя жена протянула ко мне руки, но я стоял неподвижно и смотрел на нее.

— Ты солгала мне, — сказал я.

— Что?

— До моего отъезда. Ты рассказала мне о том, что встречалась с двумя женщинами. А я сам видел тебя с ним. С Люком Муром. В «Веселом прокаженном». Я видел тебя, Сид.

— Гарри...

— Вы были там вдвоем.

— Гарри...

— Что?

— Это не то, что ты думаешь. Он хочет купить Компанию. Поэтому я встречалась с ним. Я не могла тебе прямо сказать, потому что знала, что ты... именно так и отреагируешь.

Впервые с того момента, как я вошел в дом, я посмотрел жене прямо в глаза:

— И что ты сказала ему?

— Я сказала то, что говорила и раньше, Гарри. Мы смотрели друг на друга.

— Я сказала ему «нет».

— Что еще он собирался купить? Лучше не говори. Я сам могу догадаться, черт возьми.

Я хотел пройти мимо нее, но она схватила меня за руку:

— Мне никто больше не нужен. Понял? Пора бы тебе уже знать об этом. Никто мне не нужен, Гарри. Никогда не был нужен. Но ты способен растоптать любовь, как какую-нибудь вещь. Так что ты либо прекратишь так себя вести, либо...

— Либо что?

— Либо я не знаю, что будет с нами.

Она прикоснулась к моему лицу, и тут заметила фотографию, которую я держал в руке. Она кивнула на нее:

— Это Пэт?

— А тебе не все равно?

— Гарри, ты несправедлив. — Она опустила руку. — Если я не люблю твоего сына точно так же, как и ты, то это не значит, что я тебя предаю.

Этим она меня проняла.

***

Эймон сорвался.

Возможно, это стало результатом грубой работы Эвелина Бланта. Журналист применил старый прием наемных писак: перед Эймоном он разыграл лучшего друга, а потом публично распыл его в печати, написав статью «Не смешно» на десять машинописных страниц, в которой объяснил своим читателям, почему Эймон им совершенно не интересен и что он совсем ничего собой не представляет. Фотографии, однако, были хорошими. Темноволосый Эймон стоял на ветру с развевающимися волосами. Его привлекательная внешность казалась частью окружающего ирландского пейзажа. Фотографии хорошо передавали его угрюмость и печаль.

А может, его довел известный шеф-повар. Первым заданием Эймона в передаче «Грешный мир» было взять интервью у Вилли Хискока, симпатичного повара из Северной Англии. Тот на протяжении всего эпизода с английским завтраком беспардонно рекламировал свою новую книгу «Еще раз прямо в глотку, красавчик», которая являлась продолжением его бестселлера «Прямо в глотку, красавчик». Эймону всегда претила такая наглая самореклама, но если в «Фиш по пятницам» ему удавалось счастливо опускать подобные вещи, то теперь он ничего не мог поделать.

А может, это была группа ребят, которые довели его до срыва. Гермiona Гейтс никогда не скрывала факта, что она является фанаткой группы «Лэдз Анлимитед», состоящей из пяти красивых молодых бритоголовых парней, которые, конечно, могли взять несколько нот, но пропеть мелодию им уже было не под силу. Они же выполняли серию танцевальных па, которые походили на упражнения со сниженной нагрузкой для больных артритом.

На студийном мониторе отчетливо промелькнули трусики Гермiony, которая в восторге порхала под исполнение песни «Наша клевая любовь всегда жива» в трактовке «Лэдз Анлимитед». Тот же монитор показал Эймона (любимые альбомы «Неве Майнз» «Нирваны», «Физикал Граффити» «Лед Зеппелин»), который поглядывал на часы.

И тем не менее, возможно, Эймон все еще вел бы «Грешный мир» и по сей день, если бы его не попросили взять интервью у победителя шоу «Шесть пьяных студентов в одной квартире».

Победителем являлся некий Уоррен, загорелый, накачанный слесарь с пирсингом и обритой по моде головой, который надеялся, что успех в шоу позволит ему оставить свое

ремесло и заняться чем-нибудь более полезным, например, стать ведущим игрового шоу или ди-джем на Ибике.

Уоррен сидел между Гермией и Эймоном, у которого был совершенно отрешенный вид. Отставной слесарь задрал свою майку и продемонстрировал налитые мышцы и бриллиантовый гвоздик в пупке:

— По мне, значит, какой важный момент? В шестую неделю случилось это. Когда я засек, что Даррен спер из холодильника мое молоко. Не спросивши, да?

Гермиона нахмурилась, стараясь вспомнить:

— Вы были очень рассержены, душка, правда? Эймон низко склонил голову.

— Ну, по мне, главное — спросить про молоко, а не хватать чужое, — глубокомысленно изрек Уоррен.

— Абсолютно прав, душка. Я, значит, тоже бы спросила тебя на месте Даррена. Глупыш ты.

Эймон закрыл лицо руками.

— Хлоя и Зоэ, да? Они хотели, чтобы я, значит, не выступал против Даррена, да? Ну на кого мне свалить-то все, потому что у нас обоих была причина, неправильно нас родители воспитали.

Вдруг Эймон вскочил на ноги и заговорил в камеру номер два, над которой горела красная лампочка. Я почувствовал прилив гордости. Даже в самых стрессовых ситуациях он всегда смотрел в снимающую камеру.

— Выключите, — сказал он. — Выключите это немедленно!

— Душка? — произнесла Гермия Гейтс.

— Вы отравляете свой разум этой белибердой! Мы все этим страдаем. Что с нами происходит? Раньше на экранах показывали героев. Теперь мы снимаем людей недостойных. На которых мы сами смотрим свысока.

Эймон посмотрел на Гермию и Уоррена с искренней грустью:

— Я не хочу принимать в этом участия.

Он сорвал с себя микрофон, вынул из уха передатчик и швырнул все это к ногам администратора.

— Я иду сейчас на улицу. Меня не будет какое-то время.

И он ушел. Мы с Барри Твистом сидели на галерее и следили, как он уходил.

— Ты ведь понимаешь, что ему уже больше в этом городе никогда не выступать? — сказал Барри.

— Иногда приходится начинать сначала, — ответил я. — Это больно и неприятно. Но иногда нужно сделать перерыв и начать сначала.

***

Утром моя мама должна отправиться в больницу.

Я собирался заехать за ней домой. Я уже знал, что она наденет то, что называет своим выходным костюмом, а потом я повезу ее в больницу, расположенную в соседнем городке. Там-то ее и прооперируют. Операция называется удаление грудной железы, мастэктомия.

Ей удалят грудь, где обнаружили опухоль. Она потеряет одну грудь, чтобы сохранить себе жизнь. Эта грудь — одна из округлостей, в которые влюбился мой отец, когда мама была еще юной девушкой, и никогда не переставал любить, даже когда они оба состарились. Грудь, вскормившая меня, будет удалена, отрезана, чтобы оградить маму от опухоли, которая хочет ее убить. Эта плоть, давшая мне жизнь и так восхищавшая моего отца, наполняя его чувством благоговения, будет отрезана. И что потом? Ее выбросят? Сожгут? Сохранят для медицинских опытов?

Я не мог думать обо всем этом. И никакие брошюры — ни «Беседы со своими детьми о раке груди», ни «Жизнь с лимфедемой», ни «Комплекс упражнений после операции на груди» — не давали намека на то, что станет с ампутированной грудью. Накануне вечером я сидел в гостиной старого дома и пил одну чашку сладкого крепкого чая за другой. Я чувствовал, что мама вступила в некую схватку, борьбу. Все сразу стало неопределенным,

нестабильным, противоречивым. Грудь и опухоль. Любовь и болезнь. Жизнь и смерть.

Мама была счастлива, потому что старый дом был полон людей. И эта женщина — одна из семи детей и мать единственного долгожданного ребенка, которая уже два года была вдовой, — казалось, чувствовала, что снова идет предначертанным ей путем. Чай с печеньем, бутерброды на кухне, бутылочка-другая пива, купленного для одного из ее братьев. Было не похоже, что в этом доме все собрались из-за операции по поводу удаления рака. Скорее атмосфера напоминала Рождество.

Эта семья, знакомая мне с детства, постепенно редела. Все эти дядюшки и тетушки, братья моих родителей, их любимые супруги, с которыми они повстречались на соседних улицах и остались вместе до конца жизни.

Я знал этих людей лучше, чем кого-либо. Знал об их щедрости, жизнелюбии и верности.

Сейчас я был им благодарен за то, что они суеились вокруг мамы. «Если что-нибудь надо, дорогой, только скажи, мы поможем», — говорили они снова и снова. И я этому не удивлялся.

Мои тетушки и дядюшки. Большинство из них были уже пенсионерами или приближались к пенсионному возрасту. Но я помнил их еще с детства. Сейчас они жалуются на старческие боли и говорят о лекарствах и врачах. Но в моей памяти они остались все теми же стройными, сильными мужчинами и их маленькими, хорошенькими женами. Мужчины сначала работали на фабриках, в типографиях и магазинах, потом магазины сменились супермаркетами. Женщины были домохозяйками задолго до того, как появился этот термин. Они являлись домохозяйками, даже если при этом работали. И как работали!

Эти женщины, мои тетушки, никогда не думали о себе как о деловых женщинах. Они работали в школьных столовых, кондукторами в автобусах, конторскими служащими на складах, в магазинах и супермаркетах. Они работали, потому что были вынуждены это делать.

Они работали не для того, чтобы самоутвердиться или найти себя. Они работали, чтобы заплатить за квартиру. Работали, потому что кругом всегда имелось много детей — целая армия моих двоюродных братьев и сестер — и мало денег.

Вся эта семья собралась вокруг моей мамы накануне дня, назначенного для операции. И хотя их становилось все меньше — мой отец ушел первым, уже после этого мама потеряла двух своих братьев, сердца которых сдали именно в тот момент, когда они были готовы насладиться жизнью, внуками, своим садом, — оставалось в этих лондонцах, которые уже давно перебрались в пригород, что-то неукротимое.

Дом наполняла ковбойская музыка и смех. Меня послали в местный магазинчик за молоком и сахаром. И никто не обращал внимания на лежащие на журнальном столике брошюры с жуткими рисунками, изображающими женщин, которым удалили грудь. Брошюры мирно соседствовали с программой телевидения и биографией Шерли Бэсси.

Будучи еще молодым и мечтая посвятить свою жизнь телевидению, я был убежден, что жизнь моей семьи очень незначительна и примитивна. Я полагал, что все помыслы родственников ограничивались их маленькими городками, что они никогда ни о чем не мечтали и не стремились к высшим идеалам. Я не принимал во внимание того, что имелось что-то еще за пределами пригородного городка, о чем я не имел ни малейшего представления и к чему был равнодушен. Но теперь я понял, что их жизнь гораздо лучше моей — полнее, счастливее, осмысленнее. Жизнь, в которой порядочность и преданность являлись само собой разумеющимися фактами. Жизнь, в которой естественной реакцией на рак было включить чайник и поставить пластинку с Долли Партон. Как же я им завидовал сейчас, когда семья вымирала, а моя мама боролась с раком за свою жизнь.

Тетушка Долл тихо разговаривала с мамой на кухне. Были вещи, о которых мама и не помышляла говорить со мной или со своими братьями. То, о чем я читал только в брошюрах о заболевании раком.

Полная мастэктомия является оптимальным показанием в случаях, когда опухоль

расположена в центре грудной железы или непосредственно позади соска, а также в случаях, когда грудная железа небольшого размера и частичная мастэктомия может нарушить ее функцию. В грудной железе выделяются несколько раковых и предраковых зон. Женщины предпочитают полное удаление грудной железы.

Мне пришлось прочитать про все это. Наверное, я был даже рад, что мама не стала обсуждать со мной эти подробности.

В саду курил самокрутку дядюшка Джек, темноволосый, одетый с иголки брат моего отца и муж тетушки Долл. Он курил на улице, возле дома, — нововведение, незначительная уступка новому времени, а может, и раку легких, от которого умер мой отец. Теперь сигареты, которые раньше курили в этом доме так же свободно, как пили чай с печеньем, теперь можно было курить только на улице, в саду. Я наблюдал, как дядюшка Джек затягивается дымом, и видел в его чертах призрак моего отца.

Огромный «мерс» дядюшки Джека был припаркован напротив дома. Шикарная машина на улице, заставленной старенькими микроавтобусами и «Фордами». Дядюшка Джек работал шофером, отвозил бизнесменов в аэропорт и встречал их там с плакатом в руках. Он никогда не курил в машине, чтобы в салоне всегда был чистый и свежий воздух. Именно дядюшка Джек ходил со мной в морг прощаться с телом отца. Неужели скоро мне придется увидеть и тело моей матери?

Когда все разошлись по домам и дядюшка Джек с тетушкой Долл ушли последними, мама приготовила чай для нас двоих. Больше никаких гостей перед операцией. Прошли годы, и многочисленные дядюшки и тетушки, которые обычно всю ночь напролет играли в покер, курили, пили пиво и шерри, смеялись, теперь предпочитали вернуться к себе домой дотемна.

— Как ты, мам?

— Хорошо, милый. Не волнуйся. А как ты?

— Я?

— Ты и Сид.

— В данный момент не очень хорошо. — Сегодня, как никогда, мне не хотелось ее расстраивать. Однако я почувствовал, что ее мужество вынуждает меня быть твердым и решительным. — Я встретил другую женщину, которая мне очень нравится. Кажется, и у Сид кто-то появился.

Я ожидал, что мама — вторая половина великого союза, который назывался моими родителями, и первая в моей жизни семейная пара, оказавшая влияние на все мои отношения с женщинами, — начнет читать мне лекцию о святости брака, о важности семейной жизни и об ужасах развода.

Но она ничего такого не сказала.

— Жизнь слишком коротка, — произнесла она. — И приходится наслаждаться там, где можешь.

Мама стояла у окна и смотрела на улицу, как будто ждала кого-то. Но никто не должен был прийти, все уже побывали у нее. И тут я понял.

Мой отец.

Она ждала моего отца.

Мама стояла у окна, в доме, в котором я вырос и где она состарилась. Когда я смотрел на нее, ожидающую своего мужа, который никогда больше не вернется домой, я любил ее больше, чем когда-либо, больше, чем можно было вынести.

Ожидание. Вечером, перед тем как лечь в больницу на операцию по поводу мастэктомии. Мама, стоящая у окна старого дома, выглядывающая из-за тюлевой шторы на пустую улицу в ожидании моего отца.

Она ждала, что он вот-вот появится из-за поворота в служебной машине, обнимет ее своими сильными руками, покрытыми татуировкой, и в очередной раз скажет ей, что она красива — ее лицо, тело, вся она. — И что он ее любит, как любил всегда, и что все будет хорошо.

А может, просто обнимет ее, и все.

Я увидел Текса.

***

Я оставил маму распаковывать свой маленький чемоданчик и устраиваться в палате. Здесь не имелось ни одного свободного места: палата была заполнена в основном пожилыми женщинами в нарядных ночных сорочках. У них на тумбочках стояли пакеты апельсинового сока, лежали коробочки шоколадных конфет и сентиментальные романы. Отец умер в этой же больнице, и меня поразило, насколько же все здесь казалось знакомым. Запах больничной еды в коридорах, больные, ожидающие своей очереди, группки курильщиков, с вызывающим видом затягивающихся сигаретами у центрального входа. Смешанный запах еды, лекарств и болезни, казалось, пропитал каждый кирпич здания. Единственным отличием на этот раз было то, что в палате лежали женщины, которые смеялись, разговаривали, жаловались и сочувствовали друг другу так, как это умеют делать только женщины и чего не увидишь в мужских палатах.

Дел предстояло много. Медсестра должна была измерить маме давление, потом следовало побеседовать с анестезиологом. Скоро должен был подъехать хирург. Маме еще следовало переодеться, сменить выходной костюм-двойку на ночную сорочку от Маркса и Спенсера. Мама держалась так, будто отправилась в однодневную поездку на морской курорт, — слишком легкомысленно смеялась, изображая веселость. Пожалуй, даже слишком веселилась. Но это ее обычное средство защиты в кризисной ситуации.

Я очень крепко поцеловал ее и ушел.

Текса я увидел, когда заправлял машину недалеко от больницы.

На Тексе, или, скорее, Грэме, страховом агенте из Саутэнда, был его обычный наряд для ковбойских танцев, который вызывал изумленные взгляды бледнолицых подростков из Эссекса в навороченных автомобилях, пока он заправлял дизелем свою старенькую побитую машину. И он был не один. На пассажирском месте сидела старушка в ковбойском наряде — такая престарелая кокетка в кожаных штанах и с украшениями из стразов. На ее тщательно уложенных волосах в стиле Маргарет Тэтчер красовалась огромная шляпа. Новая партнерша по танцам. Замена моей мамы. И, может, уже не первая с тех пор, как Текс бросил маму из-за ее болезни.

Я смотрел, как он пересекает площадку и заходит в здание заправочной станции. Вышел он оттуда, держа в руках коробку шоколадного драже и дешевенький букет цветов, вроде тех, что можно купить только на заправке. Увидев его с подарками, «Мэгги Тэтчер» застенчиво улыбнулась. Ну и парень!

Я направился к нему с намерением взять его за плечо и заставить выслушать то, что я хотел сказать ему о маме. Я серьезно намеревался поведать ему все о том, что происходит с ней сегодня утром в двух шагах отсюда, рассказать ему об операции, употребляя такие слова, как мастэктомия, химиотерапия, радиотерапия... И не останавливаться до тех пор, пока не увижу, как его всего перекосит от собственной трусости.

Но я этого не сделал. Я закончил наполнять бак своей машины, в то время как он разыгрывал сцену вручения драже и цветов «Мэгги Тэтчер». Именно в этот момент я увидел свое отражение в стекле своей машины, и меня оно поразило. Пока я приходил в себя, Текс и его партнерша исчезли.

Тут я понял, что не смог подойти к нему потому, что, к сожалению, сам отношусь к тому же типу мужчин. Я такой же лгун, обманывающий женщину, притворяющийся любезным и уничтожающий все эмоции с появлением первого счета. То, как Текс поступил с моей мамой, — так ли это отличается от того, что я делаю по отношению к Сид?

Всем сердцем я желал быть другим, я хотел стать таким же, как мой отец. Преданным, честным, умеющим сдерживать свои обещания. Настоящим мужчиной. Но я подозревал, что скорее смахиваю на этого престарелого ковбоя, чем на моего отца.

Сладкие речи и пустые обещания, молочный шоколад и цветы, а потом удираю со всех ног при первых же трудностях.

***

Джина позвонила мне в тот же день, когда приехала в Лондон. Но это был не такой звонок, которого я от нее ожидал, — сухой, формальный, с желанием закончить разговор как можно скорее и забыть обо мне.

Телефон зазвонил в полночь, Джина рыдала, а в трубке слышался гром ритмичной музыки.

— Гарри?

Всего одно слово, и я сразу понял, что это она, даже при том, что ее голос дрожал от волнения.

— Джина, что случилось?

Я сел в кровати, рядом со мной заворочалась Сид. Она допоздна готовила обед для какого-то банкета и уснула сразу же, как только ее голова коснулась подушки.

— Гарри, это ужасно!

— Ты в Лондоне? Говори громче, я тебя не слышу.

— Мы у себя в квартире. Я и Пэт. В Белсайз-Парк. Я думала, что здесь будет спокойно. Но соседи... у них на полную мощность гремит музыка.

— Что ты хочешь от меня? Хочешь, чтобы я приехал к вам?

Я увидел, что моя жена — моя теперешняя жена — взяла в руки будильник и со стуком поставила его на место.

— Гарри, ты знаешь, который сейчас час? — спросила Сид.

— Ты не мог бы, Гарри? — всхлипнула Джина. — Я схожу от этого с ума. Мне кажется, что там у них много гостей. Что-то вроде вечеринки. Я боюсь к ним постучаться.

Я закрыл трубку рукой.

— Джина приехала. У нее проблема с соседями. Они сильно шумят. Что-то там у них происходит.

— Скажи ей, чтобы позвонила в полицию, — посоветовала Сид, садясь в кровати. (На ней была старая футболка. Когда мы только познакомились, даже когда уже поженились, она носила ночные сорочки, сводившие меня с ума, — коротенькие шелковые или прозрачные невесомые вещички с трусиками, у которых верх походил на тоненькую нить, обхватывающую ее стройные бедра. Теперь же она носила старые футболки.) — Передай мне телефон, и я сама ей скажу.

— Пэт не может заснуть, — пожаловалась Джина. Для меня этого было достаточно.

— Давай адрес, — сказал я. — Приеду как можно быстрее.

Когда я начал одеваться, Сид зажгла ночник.

— Это теперь тебя не касается, Гарри. Ты разведен. Ваши отношения закончились. Пусть теперь ее муж помогает ей. Или полицейские.

Я ничего не ответил. Мне не хотелось ругаться. Я точно знал, что не могу просто проигнорировать звонок Джины и лечь спать. Правду говорят, что брак длится столько-то лет, а развод — это навсегда.

Наш брак с Джиной продолжался семь лет.

А развод будет длиться вечно.

***

Это было большое белое здание в квартале Белсайз-Парк. Хороший дом в приличном районе. Много деревьев и машин, которые, как правило, встречаются в подобных кварталах — серьезные машины типа «Мерседес-Бенц СЛК», «Ауди ТТ», третьей серии «БМВ» и авто, которые заводят для удовольствия — «жучки» и «мини» старого выпуска и новые модели, «Морис Майназ» и доисторические «Ситроены». Я расплатился с таксистом и оглядел дом, где находились мой сын и моя бывшая жена. Я без труда нашел нужную квартиру. Было достаточно хорошо слышно, откуда доносится громкая музыка.

Я нажал кнопку домофона, и Джина открыла мне дверь подъезда. Музыка гремела над головой. Внутри большого белого дома все свидетельствовало о том, что это место, где квартиры снимаются, а не находятся в частной собственности. На потертом ковре, как груды

осенних листьев, громоздились стопки конвертов и прочей корреспонденции, адресованной бывшим жильцам. Снимать тут квартиру было недешево, наверное, не меньше двух тысяч фунтов в месяц, но помещение не выглядело по-домашнему уютным. Все владельцы квартир имели жилье еще где-то.

Я поднялся по лестнице и прошел мимо двери на третьем этаже, где проходила вечеринка. Слышались крики, звон бокалов и смех гостей. Музыка, которую они заводили, звучала как беспрерывный вой сирены.

«Стареешь, Гарри».

Джина отворила, кутаясь в халат, похожий на кимоно, на несколько размеров больше, чем нужно. А может, это такой стиль? Ее лицо было бледным и заплаканным. Под халатом виднелась пижама. И я подумал, что Сид несправедливо отнеслась к ней, когда решила, что Джина должна идти в пижаме выяснять отношения с шумными соседями.

— Пойду поговорю с ними, ладно?

— Спасибо тебе, Гарри.

— Как Пэт?

— С ним все в порядке. Последний раз, когда я к нему заходила, он уже спал. Правда, я не знаю, как ему удалось заснуть.

Я спустился вниз на один этаж, чувствуя сильное сердцебиение. Постучал в дверь. Никакого ответа. Я постучал громче. Наконец дверь открыл неуклюжий белокожий паренек с ретро-стрижкой под «Битлз». Наверное, студенты. Ножом вряд ли пырнут, в Белсайз-Парк таких нет. Тут ведь не бандитский район.

— Вы должны были доставить четыре пиццы «Американ-хот», две с чесноком и одну «Каприччиоза», — проговорил неуклюжий парень. — А еще «Везувио» с добавкой пепперони. Мы также заказывали салат из капусты, чесночный хлеб и всякое такое.

— Вообще-то я не развожу пиццу на заказ. Я сосед сверху. Ваша музыка не дает заснуть моему сыну и моей... жене.

За его костлявым плечом виднелась толпа молодых людей. Они смеялись и танцевали так, будто пытались настроиться на съемки в рекламе водки. Рядом с пареньком появился толстый коротышка:

— У него есть бельгийское шоколадное мороженое?

Я почувствовал сладковатый запах гашиша. Может ли это повлиять на моего сына, который спит наверху? Как насчет пассивного воздействия наркотика?

— Он не от «Мистера Милано», — фыркнул неуклюжий парень. — Он сосед сверху.

— Сверху? — переспросил толстяк.

— Хочет, чтобы мы приглушили звук.

— Мы что, беспокоим его?

— Наверное.

И они расхохотались. Я ожидал личных угроз, всего, чего угодно, но только не насмешек над собой.

— Нет проблем, приятель, — прохихикал толстяк. — Мы будем тихими, как крысы.

— Вы нас не услышите. Что там крысы делают? Пищат, — проговорил неуклюжий.

Они обнялись и захохотали.

— Благодарю, — ответил я. — Мой сын, ему семь лет, он...

— Без вопросов, приятель.

Они захлопнули дверь перед моим носом. И пока я поднимался в квартиру Джины, музыка чудесным образом стала тише, во всяком случае, уже не била по голове.

— Молодец, Гарри.

В ответ я улыбнулся, как бы говоря, что ничего такого я не сделал.

И тут вдруг музыка буквально взревела.

— Вот ведь мерзавцы! — воскликнул я, направляясь к двери.

— Не уходи.

Я взглянул на нее. Она плотнее запахнулась в свое кимоно, как будто хотела спрятаться

в нем.

— Джина, ты ведь позвала меня не только из-за этих идиотов внизу?

— Да.

Я обнял ее за плечи, и мы прошли в ее квартиру. Это была дорогая квартира, но, совершенно очевидно, съемная. Тяжелая, старинная английская мебель, кроваво-красный кожаный диван, гравюры Густава Климта на стенах — все это было выбрано не Джиной, которая предпочитала современный, легкий стиль, что-нибудь японское. А эта квартира выглядела так, будто ее оформляла сама королева Виктория.

Мы сели на кроваво-красный диван.

— Что-нибудь с твоим отцом? — Я ведь не стал спрашивать у нее по телефону, что с ним такое. Поскольку мой отец умер, я, как настоящий фаталист, считал, что любой пожилой человек, заболев, уже не выздоравливает.

— С отцом все в порядке. — Она впервые улыбнулась, вытерев нос тыльной стороной ладони. — Он глупый старик, который вывихнул бедро, решив заняться сноубордингом.

— Сноубордингом? Я догадывался, что с ним что-то не в порядке.

— Только то, что было не в порядке всю его жизнь. Он все никак не повзрослеет.

Свои туфли я снял в прихожей. Даже в съемной квартире мне не нужно было напоминать о том, что Джина предпочитает, чтобы туфли снимались у входа, по-японски. Теперь я ступнями чувствовал, как вибрирует пол.

— Пойду и поговорю с этими крестинами.

— Не надо, Гарри.

— Не волнуйся, они меня не тронут. Они — детки из приличных семей, состоятельных и уважаемых.

— Значит, они не такие, как мы.

— Совсем не такие.

Я посмотрел на нее. Несмотря на усталость и слезы, несмотря на прошедшие годы, у нее была все та же сияющая красота, как и тогда, когда я впервые увидел ее. Но с Джиной что-то случилось. Что-то ужасное.

— Пойди посмотри, как там Пэт, ладно? А я заварю нам с тобой чаю. Жасминовый подойдет? Это все, что у меня есть.

— Жасминовый подойдет.

Джина пошла в маленькую кухню, а я заглянул в комнату, где увидел знакомую фигурку с растрепанными волосами.

Мой сын, семи лет, спящий в одной из двух спален в съемной квартире в Белсайз-Парк. А я живу в нескольких километрах отсюда с другой женщиной и ее ребенком. И как всегда, на меня нахлынуло всепоглощающее чувство любви к моему сыну. От громкой музыки снизу дрожали стекла, а ему, казалось, было все равно. Я натянул на него одеяло с изображениями героев «Звездных войн» и тихо вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Джина поставила две чашки с бледно-зеленым чаем на журнальный столик.

— Спит, — сообщил я.

— Он может спать под любой грохот. Ты бы видел его в самолете. Всю дорогу над Атлантическим океаном мы были в зоне турбулентности, а ему хоть бы что.

— В чем дело, Джина, что все-таки случилось?

— Это Ричард. Я ушла от него.

Мне понадобилось несколько минут, чтобы осознать услышанное.

— Ты ушла от Ричарда? Значит, этот приезд в Лондон...

— Навсегда. Мы не вернемся.

— Когда ты говорила, что едешь на несколько недель...

— Так я планировала сначала. Но нет никакого смысла возвращаться. Черт побери, Гарри, моя жизнь так запуталась. Что я делаю в этой дурацкой квартире с тупицами-студентами и их жуткой музыкой? Пожалуй, кончится все тем, что я окажусь в передаче Джерри Спрингера.

— Ничего подобного не случится. Что произошло?

— Дети.

Я подумал, что она имеет в виду Пэта. Что у них не сложилось жить всем вместе. Но я ошибся.

— У нас не может быть детей, — сказала она. — Мы все время пытались, но я никак не беременела. И из-за этого мы разошлись. Именно из-за этого.

Я отпил глоток чаю. Он был обжигающе горячим. Я не знал, стоило ли мне выслушивать все это. Не был уверен, что хотел бы выслушивать.

— Думаю, что в любом браке должны быть дети, Гарри. Даже когда есть ребенок, брак трудно сохранить, а без детей... не думаю, что это вообще возможно. Мы прошли все виды обследования. И Ричард, и я. Сначала все было в порядке. Мы даже смеялись над этим — как он мастурбировал в маленький пузырек, а мне приходилось лежать, задрав ноги, чтобы у меня взяли всякие мазки и пробы. Ничего не обнаружили. Что-то где-то было не так. В конце концов, у нас иссякло терпение. Может, если бы с нами не было Пэта, было бы проще все это пережить. Но для Ричарда испытание оказалось слишком серьезным — любить чужого ребенка, когда не можешь иметь своего собственного.

— Значит, Ричард обвинил во всем Пэта.

— Я этого не говорила, Гарри. Но быть отчимом — такая неблагодарная роль. Думаю, что просто Ричард понял, что ничего не сможет поделать. — Она вздохнула. — Потом я увидела счет его кредитной карточки. Цветы, конфеты, комната в гостинице, рестораны. — Джина посмотрела на меня. — Цветы я не получала. В гостинице не останавливалась. О ресторанах я только читала.

— Кто она?

— Соседка. Скучающая домохозяйка с тремя детьми, как это ни смешно. Если бы у него была работа, то ею наверняка стала бы одна из коллег по службе. Но поскольку он сейчас безработный, то ему пришлось искать то, что ему нужно, в большом супермаркете. Ей тоже, наверное, чего-то не хватает.

— Он сошел с ума. Изменять тебе?! Она рассмеялась.

— Ты-то ведь изменял мне, Гарри!

— Мне очень жаль, Джина, что так получилось у вас с Ричардом. И жаль, что так получилось у нас с тобой. Жаль, что сейчас эти студенты-паразиты доводят тебя своей музыкой. И вообще...

— Что случилось с нами, Гарри? Что случилось с теми мальчиком и девочкой, которые хотели никогда не расставаться?

— Не знаю, Джина. Наверное, время. Просто время.

— Тебе никогда не хочется, чтобы все было по-прежнему? Так же невинно? Так же откровенно?

Я допил свой японский чай и поднялся. Я был готов к испытаниям.

— Иногда, — ответил я.

***

Мама спала.

Бледная от усталости и накачанная обезболивающими лекарствами, она не реагировала надурные больничные запахи суетливой жизни, которая шла вокруг. Она лежала в кровати в маленькой послеоперационной палате, а в голубую вену ее руки была воткнута игла от капельницы. Она лежала на спине и спала.

Спала в полдень в воскресенье. Она не делала этого ни разу в жизни. Если, конечно, это вообще можно назвать сном. Бессознательное, отключенное состояние, которое явилось следствием перенесенной операции.

Я сел у ее кровати, боясь к ней притронуться.

У меня разрывалось сердце, когда я глядел на ее доброе лицо, на ее хрупкую фигуру. От одной мысли о перевязанной ране под больничной ночной рубашкой у меня комок вставал в горле.

Вокруг не было никаких посетителей. И все врачи и медсестры куда-то разошлись. Грудь с опухолью отрезали, и считалось, что операция прошла успешно.

Мне объяснили, что будет происходить потом. Сначала химиотерапия. Потом радиотерапия. После химиотерапии у мамы, возможно, выпадут волосы и ее может тошнить. Радиотерапия может вызывать зуд, покраснение кожи, как при сильном солнечном ожоге. А перед всем этим она, проснувшись, почувствует боль в руке, онемение конечностей и тошноту. Рана, там, где отрезали опухоль, убивавшую ее, будет болеть и долго заживать.

Врачи сказали мне то, что мама никогда бы не сообщила мне. Что она не сможет носить бюстгальтер. Пока нет. Рана слишком свежая. Казалось, что все, связанное с этой болезнью, было направлено на то, чтобы заставить маму перестать чувствовать себя полноценной женщиной.

Когда все разошлись: оптимистично настроенные врачи и жизнерадостные медсестры, любезный онколог, добродушный хирург и приветливый анестезиолог, — я разрыдался, потрясенный тем, через что маме пришлось пройти и что ей еще предстояло перенести.

Даже если ей удастся победить болезнь, даже если она выживет.

— Я так люблю тебя, — шептал я, произнося слова, которые мы оба стеснялись бы услышать, если бы она бодрствовала. — Ты этого не заслуживаешь, мама. Только не ты. Никто не заслуживает.

Я просидел там часы. Она не очнулась в воскресенье. Казалось, что этот сон будет длиться вечно, как в волшебной сказке. Когда я уходил, за плотными шторами этой маленькой палаты угасал весенний день. И только когда я искал свою машину на стоянке, я вспомнил, что пропустил назначенное свидание.

***

Мне всегда нравились фонари на Примроуз-Хилл.

Это фонари старого типа, похожие на те, что стали так популярны в викторианскую эпоху. Высокие черные столбы и светильники с толстыми стеклами. Они выглядели как призраки прошлого, времен Шерлока Холмса и Ватсона, периода густых туманов и буксиров на Темзе.

Когда я приехал на Примроуз-Хилл, фонари еще не зажгли. Дни становились длиннее, но ночь все равно скоро вступит в свои права, и они загорятся.

Толпы людей редели. Становилось слишком темно для игры в мяч, ухоженные собаки уже устали гулять, а молодые влюбленные направлялись под руку ужинать в Кемден-таун, а может, в Свис-коттедж. Я решил быстро пройти до вершины холма, а потом вернуться домой.

Парк на Примроуз-Хилл разбит на возвышенности, откуда можно увидеть и Лондонский зоопарк, и раскинувшийся вдалеке Риджент-Парк. А еще дальше Вест-Энд, Сити и лондонские доки. Позади на холме темнели деревья. Я смотрел на свой город, пока день медленно превращался в ночь. В небе появились звезды. В мегаполисе начали зажигаться огни.

И тут я увидел, что она поднимается по склону, направляясь ко мне. Ее симпатичное лицо выглядело усталым. Она, казалось, шла целый день. Шла с тех самых пор, как мы условились встретиться.

— Извини, Казуми, я немного опоздал.

Она подошла ко мне, тяжело дыша. Потом Казуми тряхнула головой, и я не понял, хотела ли она сказать, что ей все равно, или у нее просто нет слов от гнева. После этого она взглянула на меня, и я сразу все понял.

Потому, что она хотела сказать: «Поцелуй меня, глупый».

И я поцеловал.

И в этот самый момент во всем городе и по всему Примроуз-Хилл внезапно зажглись фонари.

III

Самая лучшая девушка за всю мировую историю

23

— Виагра, — предложил Эймон, хотя я его не спрашивал. — То, что нужно для мужчины, у которого есть жена и любовница. То, что тебе нужно, Гарри. Виагра. Изумительное средство. Хотя, конечно, ты знаешь, что с возрастом все меняется.

Но мне не нужна виагра. Потому что для мужчины с женой и любовницей секса у меня было на удивление мало.

Конечно, можно было представить, что я разбрасывал свое семя повсюду, перескакивая из супружеской постели в койку к любовнице и назад. Однако Сид перебралась в отдельную спальню. Мир, в котором жили мои родители, вывернулся наизнанку. Для них не существовало секса до женитьбы, а для меня его не было после.

У нас образовались отдельные комнаты, потому что я обычно ложился далеко за полночь, а Сид вдруг стала отправляться спать с чашкой ромашкового чая сразу после вечерних десятичасовых новостей. Мы с Сид оба обвиняли свою работу, потому что это гораздо проще, чем признать, что наши разногласия зашли слишком далеко. И дело осложнялось вовсе не напряженными графиками работы.

Теперь, когда Сид отказалась продавать Люку Муру свою компанию «Еда, славная еда», он стал все время давать ей заказы. Она стала готовить для многочисленных совещаний с завтраком для бизнесменов из Сити и Вест-Энда, которые употребляли с утра круассаны, булочки с изюмом и шесть разновидностей рогаликов. Моя жена рано ложилась спать по вечерам, а я задерживался допоздна на студии, помогая Эймону возобновить сатирические выступления.

Теперь, когда с телевидением было покончено, Эймон решил вернуться к тому, с чего когда-то начинал, — к индивидуальным эстрадным номерам, которые он не исполнял уже много лет. Он даже хотел выступать без микрофона. Никто в данный момент это не финансировал, и мой накопительный счет постоянно уменьшался. Но мы оба понимали, что это единственная возможность вернуться.

Эймон выступал в маленьких клубах, почти подвалах, где нам следовало просто прийти к началу представления. И я видел, как этот актер-комик лелеет мечту о настоящей сцене так же, как клоун мечтает сыграть Гамлета.

Именно здесь он проходил серьезное испытание. Испытание своего ремесла нервами, пьяными зрителями, когда все на пределе. Так что мы с ним проводили ночи напролет в затхлых подвальчиках. Иногда он выступал хорошо, иногда не очень хорошо, но всегда был гораздо смешнее, чем его оппоненты. «Не встречались ли мы с вами в медицинском институте? Вы тогда сидели в заспиртованной колбе». А я думал, сможет ли он работать без поддержки телесуфлера, выпускающей группы и допинга в виде дозы кокаина.

Возвращение Эймона на эстраду требовало от меня полной самоотдачи и времени. Ну, может, не такой уж и полной самоотдачи и не всего времени. Иногда я говорил Сид, что встречаюсь с Эймоном, а сам шел к Казуми. Даже когда я ничего ей не говорил, казалось, что ей уже теперь все равно.

Я поздно уходил, а моя жена уходила рано. И мы оба знали, что за этим стоит нечто большее, чем работа. Она часто и подолгу разговаривала по телефону со своими сестрами и мамой, которые жили в Штатах, потому что — я только догадывался, но думаю, что правильно, — идея возвращения домой сформировалась окончательно в ее голове. Нашей проблемой, которая возникла у меня и моей жены, являлось то, что мы оба не представляли себе нашего совместного будущего. Мы все еще любили друг друга, но общались при этом чрезвычайно вежливо и официально. И это разбивало мне сердце. Мы не могли понять, каким образом сможем наладить наши отношения.

— Давай подождем и посмотрим, что будет, ладно? — сказала Сид, стеля себе постель

в гостевой комнате.

Значит, подождем и посмотрим... Еще один муж и одна жена, у которых возникли трудности. Но печальнее всего было ощущение, что те отношения, которые установились у нас в настоящий момент, являлись недостаточно хорошими, чтобы ради них оставаться вместе, но и недостаточно плохими, чтобы расходиться.

Хотя секса с Сид у меня не было, не было его и на Примроуз-Хилл, в квартире, которую Казуми снимала вместе со шведской студенткой-второкурсницей Королевской музыкальной академии. Я думал, что наш поцелуй на холме, откуда был виден весь Лондон, открыл мне путь, но теперь я натолкнулся на запертые ворота.

Мы с Казуми лежали одетыми на ее односпальной кровати. Шторы были задернуты. В соседней комнате практиковалась в игре на виолончели соседка по квартире. Она так хорошо играла, что музыка, звучащая совсем близко, за стеной, совсем не мешала. Напротив, было удивительно приятно слушать, как мелодии Шопена или Гайдна проникали сквозь тонкую стену. Великолепные романтические мелодии страсти, которые почти невозможно постичь. Соседка исполняла такие произведения, которые были мне известны, но я сам не знал откуда. И еще она играла вещи, которые я никогда в жизни не слышал. Одну пьесу она повторяла снова и снова — готовилась к экзамену. Это оказалась «Песней без слов» Мендельсона.

Соседка могла изучать что угодно, от бухгалтерии до техники подстригания деревьев, но романтические отношения складываются из ряда случайных совпадений. И тот факт, что она исполняла самую прекрасную музыку, которая когда-либо была написана, в то время как Казуми целомудренно лежала в моих объятиях, казался предначертанным, освященным небесами и давал мне ощущение, что я нахожусь в нужном месте.

Такая музыка могла стать чудесным аккомпанементом к нескольким часам страсти. Но Казуми это было не нужно. Она не хотела спать со мной. Прямо, как моя жена.

— Не хочу становиться твоим маленьким грязным секретом, — сообщила Казуми. — Это никогда не срабатывает. Бояться, что нас вместе увидят, что мы случайно можем натолкнуться на общих знакомых. Ну, что это за жизнь? Ты можешь мне звонить, а я тебе — не могу. И всякие вопросы, которые мне надо тебе задавать, например, спишь ли ты со своей женой?

— На это я могу тебе ответить прямо сейчас.

— Нет. — Она приложила свой палец к моим губам. — Потому что я не хочу, чтобы ты начинал мне лгать. И даже после того, как жен оставляют, все равно ничего не срабатывает. Не знаю почему. Наверное, слишком дорогой ценой это достается.

Я разрывался на части. Мне хотелось заботиться о них обеих. Любить их обеих. Казуми и Сид. И так, как они обе этого заслуживают. Но я знал, что это невозможно.

Можно любить двух женщин одновременно, но не так, как они того заслуживают. .

Так что я постоянно искал выход, дергая одну дверь за другой, пытаюсь выбраться из всего этого хаоса. И я делал это с Казуми так же, как и с Сид. В моменты, когда я был на пределе и музыка смолкала, я вдруг хотел, чтобы кто-нибудь из них — Сид, Казуми, одна из них, любая из них — проявила себя с какой-нибудь ужасной стороны. Мне пришлось бы уйти, тогда все, возможно, и урегулировалось бы само собой.

— Ты, кажется, знаешь много о сексе с женатым мужчиной, Казуми. Откуда у тебя такой опыт?

— Не имеет значения.

— Я хочу знать.

— Не мой опыт. Подруги.

— Подруги? Ну, конечно.

— Правда.

— И кто же эта таинственная подруга? Кто-нибудь отсюда?

— Нет. В Японии. Близкая подруга из Японии. И тут, наконец, до меня дошло.

— А как зовут эту подругу, которая имеет связь с женатым мужчиной?

За стеной звучала виолончель, это была грустная мелодия. Опять «Песня без слов». Должно быть, экзамен неумолимо приближался.

— Джина. Мою подругу зовут Джина, — открылась Казуми.

***

Мой врач считала, что у меня развился синдром белого халата.

— Как только перед вами возникает врач-а, — улыбалась она, говоря с очаровательным итальянским акцентом, добавляя ненужные гласные к концу некоторых слов, — ваше давление становится очень высоким-а.

Она по-своему права. Когда я заходил к ней в кабинет, мое верхнее давление доходило, как правило, до 180, а нижнее — до 95. Врач укладывала меня на кушетку и минут через десять опять измеряла давление. И всегда оно оказывалось гораздо ниже, примерно 150 на 90. Это было не блестяще, но все-таки означало, что в ближайшем будущем инсульт мне не грозит.

Синдром белого халата. Наверное, я думал, что это связано с моим сердцем. Но врач никогда не учитывала того обстоятельства, что я пришел к ней в кабинет прямо из дома. Поэтому, когда она измеряла мое давление, оно показывало мое отношение к ситуации в моей семье, с моей женой: блеклая, затхлая жизнь на разных кроватях, смешанные семьи и ее бывший муж, который на следующей неделе женится. Конечно, мое давление будет очень высоким. Каким же еще оно могло быть?

Когда я лежал на кушетке, прислушиваясь к приглушенному шуму машин на Харли-стрит, моя память вернула меня к более радостным временам моей жизни. Первое измерение давления показало то, что из себя представляет моя жизнь с Сид, а второе — моя тайная жизнь с Казуми.

Теперь я уже знал ее. Она не просто симпатичная девушка, которая привлекла мое внимание. Я узнал все о ее детстве, о ее отце, всю жизнь смиренно получавшем свой оклад. Отец регулярно напивался до беспамятства, приходя домой с работы, а мать Казуми отказалась от своей мечты — объездить весь мир — ради мужа, который ее не любил. Я узнал о распавшемся браке Казуми и о том, какого мужества ей стоило приехать в Лондон, чтобы начать все сначала. И еще я изучил ее лицо: иногда задумчивое, оно могло неожиданно озаряться радостью, как внезапно загораются старинные фонари на Примроуз-Хилл.

Я прекрасно понимал, что это не то же самое, что создание новой, реальной жизни с кем-то. Все это было далеко от вещей, которые могли сломаться или разрушиться, — стиральных машин, нагревательных приборов, автомобилей, семьи, брака. Но она все равно оставалась самым чудесным явлением в моей жизни и самым реальным из всего окружающего. Мы с Казуми много разговаривали. Разговаривали обо всем. Кроме моей жены, разумеется. Мы никогда не упоминали ее.

— Нам придется быть пожестче с вашим лечением, — констатировала мой врач.

Она подобрала мне соответствующие лекарства, изменив дозировку и количество таблеток.

Что же касается моего сердца — моего сумасшедшего любвеобильного сердца, — я чувствовал, что против моих теперешних тревог не помогут никакие таблетки.

***

Сколько девушек и женщин я приводил домой, чтобы познакомить их с мамой?

Не то чтобы я вел каждую встретившуюся девушку в кино, а каждую новую женщину укладывал в постель. Просто на настоящий момент, учитывая количество всех моих девушек и двух жен, их число давно перевалило за десяток. По мере того как мы с Казуми все больше углублялись в пригород и городской пейзаж уступал место летним лугам и полям, я осознал критерий, по которому отбирал девушек для того, чтобы представить их маме. Именно эта, особенная девушка станет последней, которую я привожу домой. И почему мы всегда такое большое значение придаем первой любви? Ведь на самом деле важнее всего последняя.

В настоящий момент мне хотелось избавить маму от всяких домашних неприятностей.

Но все равно не имело смысла представлять Казуми просто как друга.

Мама прекрасно знала, что для мужчины, чей брак находится в опасности, такого понятия просто не существует.

***

Старый дом в воскресный полдень. Пэт открыл нам дверь, улыбаясь Казуми и не совсем понимая, что она здесь делает. Мама сидела на ковре в гостиной, делая вращательные движения плечами с крайне сосредоточенным выражением лица. Она поднялась на ноги, немного смутившись от того, что мы застали ее за этим занятием, но потом поцеловала Казуми, как будто знала ее всю жизнь.

— Привет, дорогая, а я просто делаю свои упражнения.

Несмотря на то что мама прошла все круги ада, она делала вид, что это вроде прогулки в парке.

После операции и курса радиотерапии мышцы ее правой руки затвердели и стали неметь. Ей приходилось делать упражнения, чтобы контролировать боль и разрабатывать правую руку. Она выполняла их с определенным изяществом и никогда не жаловалась. И теперь я понял, что на самом деле она была крепче, чем большинство мужчин в ее жизни.

— Мне надо делать их два года, милочка, — сообщила она Казуми. (Маме достаточно знать вас всего две секунды, как она начинала называть вас дорогая, милочка, детка.) — Так мне назначили.

Казуми, Пэт и я просмотрели всю серию маминих упражнений, которые она проделала специально для нас. Она продемонстрировала «вращение плечами», «расчесывание волос», «подъем с поддержкой», «почесывание спины» и «сгибание руки». Она с гордостью называла каждое упражнение точно так же, как однажды говорила о танцах.

Я хорошо знал, что эти упражнения — только небольшая часть лечения. Об этой болезни ей забыть не удастся. Даже после чудовищной операции, которую было необходимо сделать, чтобы спасти ее жизнь, она никогда уже не избавится от болезни. Обследования, упражнения, лекарства, страх, что рак может возобновиться, — на все это уйдут годы.

У мамы немела рука, ужасно болела грудь. И во время того, как мы пили чай с печеньем, я заметил, что у нее появилась привычка рассматривать свою руку.

Ей удалили несколько лимфатических узлов под мышкой и сказали, что это может вызвать развитие лимфадемы: в тканях руки может скапливаться жидкость. Ее предупредили о необходимости следить за появлением отека на пораженной стороне, справа, поэтому она рассматривала руку все время. Наверное, теперь она будет это делать всегда. Каждые несколько минут она смотрела на кисть руки, ища признаки начала конца.

После химиотерапии у нее осталось ощущение, похожее на состояние жуткого похмелья, которое никогда не пройдет. К счастью, у нее не выпали волосы. После радиотерапии у нее все болело и оставалось ощущение усталости. Она чувствовала себя как после сна под палящими лучами солнца. Она смеялась над вещами, которые заставили бы взрослого мужчину — меня, например, — рыдать, запершись в темной комнате.

— Я так ждала, когда у меня выпадут волосы, — озорно улыбалась она. — Я бы тогда могла носить мой парик в стиле Долли Партон.

Пэт рассмеялся. Он не очень понимал, что происходит, хотя мы с мамой объяснили ему все, пользуясь информацией из брошюры «Беседы с вашим ребенком о раке груди». *(Если вы будете говорить честно и открыто с членами вашей семьи на каждом этапе лечения, вы увидите, что многие семьи могут стать источником любви и поддержки для вас.)* Но по интонации и мимике, Пэт мог понять, что бабушка говорила шутливо, и с радостью и энтузиазмом отозвался на это.

Мне улыбка далась с большим трудом, потому что я знал, что мой сын станет совсем взрослым, прежде чем мы сможем сказать, что бабушкина болезнь побеждена. И это будет лучшим, что может произойти. Худшего ждать не хотелось.

Каждый день мама принимала «Тамоксифен», гармольный препарат, который вызывал у нее состояние, как при климаксе. И принимать его она должна в течение пяти лет. Через

два года ей, может уже не будет нужно делать упражнения. Возможно. Зависит от того, что скажут врачи. Придется подождать, а там посмотрим.

И все равно были вещи, о которых она мне не говорила и о которых мне приходилось догадываться самому или выпытывать у врачей и ее подружек. А иногда вычитывать в розово-фиолетовых брошюрках. Мама называла это *женские дела*.

Она все еще не могла носить бюстгалтер из-за шрама, который болел и не заживал. По-моему, это было неоправданно жестоко. И опять я подумал о том, что рак с необыкновенным садизмом заставил маму чувствовать себя наполовину женщиной — не такой, как раньше.

Она без всяких жалоб принимала боль, унижение и ужас своего состояния с тем добродушием и юмором, которые были ей свойственны всю жизнь.

Она встала, чтобы принести еще чаю, и улыбнулась мне за спиной Казуми, подняв брови и одобрительно кивнув. Я узнал этот взгляд. Я уже видел его, когда впервые привел в дом сначала Джину, а потом Сид. Этот взгляд означал — *она прелесть*.

Казумисидела с Пэтом на полу гостиной. Они рознакомились друг с другом, когда она делала фотографии Пэта в саду дома Джини. А я был одновременно взволнован и обеспокоен тем, что мой сын так хорошо ее помнит. Он ведь может рассказать Казуми Джине, а может случиться и того хуже — он расскажет о ней Сид. Как мне тогда выпутываться?

Казуми была добродушной и терпеливой. Она играла с ним в одну из его видеоигр, а он рассматривал ее с восхищенным любопытством. Я опасался, что мой сын понимает больше, чем мне хотелось бы. В свои неполные восемь лет он был уже умудрен жизненным опытом. Или, по крайней мере, опытом общения со мной.

Неужели у нас с Пэтом будет то же самое? Скажем, лет через тридцать или около того, когда я стану старым и больным, а мой сын будет уже совсем взрослым, он разведется и будет думать о том, как начать все сначала? И когда я буду бороться с болезнями за свою жизнь, мой сын будет приводить в дом молодых женщин, чтобы я одобрил его выбор, ведя себя так, как будто он никогда до этого не был влюблен?

Казуми хорошо ладила с Пэтом. Они вместе смеялись, играли, и, хотя я понимал, что не должен сравнивать ее с Сид, которой досталась неблагоприятная роль мачехи, я не мог ничего с собой поделать. Так мне просто легче.

Может, все было бы проще, если бы мы жили вместе? Нет, совершенно точно, все было бы по-другому. И пока Казуми и Пэт играли, я представлял себе, как сбегу вместе с ними. В Париж, в графство Керри или еще куда-нибудь. Я смотрел на своего сына и Казуми и понимал, что начать все сначала еще совсем не поздно. И пока я размышлял о бесконечной доброте, отражавшейся на лице моей матери, я ощущал неодолимое желание взять с собой и ее тоже. Для того чтобы она успела посмотреть те красивые места на нашей планете, которые не видела никогда в жизни. Пока еще не слишком поздно. Мне вдруг захотелось увезти их всех вместе подальше отсюда.

Вошла мама с чаем и печеньем. Я показал ей брошюры, которые принес с собой. Она осторожно взяла их в руки, как будто потом книжки нужно было отдавать настоящему владельцу.

— Нашвилл, мам. Место, где зародилась традиция кантри. Послушай, мама. Мы можем поехать все вместе. С Пэтом. В отпуск. С Казуми, если она будет свободна. Настоящий отдых для тебя. Слушай: «Ежегодно Нашвилл, штат Теннесси, посещают шесть миллионов людей. Это родина музыки кантри. Вы сможете увидеть «Гранд-Оперу», Музей музыкальных инструментов и исполнителей кантри и Галерею известных музыкантов. Услышите известные мелодии в исполнении Хэнка Вилльямса, Пэтси Клайн, Джима Ривса и Кении Роджерса». Правда, здорово, мам?

Но у мамы был иной взгляд на вещи. Она не мечтала о побеге. Ей хотелось оставаться здесь.

— Звучит чудесно, дорогуша, но мне и дома хорошо.

Она отложила брошюру, и я понял, что мама совсем не собирается в Нашвилл. В этом

наши взгляды расходились. В отличие от меня мама никогда не считала, что хорошо там, где нас нет.

— Я люблю путешествовать, — сказала она, обращаясь к Казуми. — Мы с мужем каждый год ездили куда-нибудь. Когда Гарри был маленьким, в Корнуолл или Дорсет. Даже несколько раз были в Норвегии. У меня там брат, который остался в этой стране сразу после войны, встретив чудную девушку. У меня было шесть братьев. Гарри говорил вам?

Казуми ответила что-то подходящее, быстро сориентировавшись.

— Потом, когда Гарри уже не хотел ездить с нами, мы были в Испании, — продолжала мама. — Но мне все равно нравится здесь. Вы понимаете, что я хочу сказать? Нравится то ощущение, которое исчезает, когда путешествуешь, когда находишься вдали от всего привычного и знакомого. Знаете, такое же ощущение бывает, когда ты являешься членом большой семьи.

Тут мама посмотрела на свои руки, как бы любуясь ярко-красными ногтями или ища признаки лимфадемы. А может, она просто смотрела на обручальное кольцо — тоненький скромный ободок сверкающего золота, в котором каким-то непонятным образом был заключен весь мир.

24

Вам никогда никого не приходилось видеть в таком радостном состоянии оттого, что будет ребенок.

Когда я вернулся после пробежки в парке, она сидела на ступеньках, плача и смеясь одновременно.

— Я беременна, — сказала она так, как будто это было самым замечательным на свете.

Тут же она очутилась в моих объятиях, а потом мы разомкнули руки, стояли и громко смеялись, не в силах поверить в наше счастье. Тогда она показала мне палочку с голубой полоской — тест на беременность. Эту тонкую голубую полоску — неопровержимое доказательство.

На протяжении многих дней и недель она продолжала делать тесты, чтобы опять увидеть голубую полоску, как будто все не могла поверить в то, что произошло. Может, существовало много беременных женщин, которые проводили время, делая тесты, даже если они совершенно были уверены в положительном результате, который подтвердился десятки раз.

Но Джина была первой по-настоящему известной мне женщиной.

Первой женщиной, с которой я жил, на которой женился. В ежедневных тестах она нашла для себя источник нескончаемого чуда, а для меня таким чудом стала она.

Все это было девять лет тому назад. За это время мир перевернулся и продолжал меняться. Теперь моя жена стала моей бывшей женой, а сейчас она собиралась стать бывшей женой и для другого мужчины. Все говорят о статистике разводов и о повышающемся числе распавшихся браков, но для меня и моей бывшей жены это число составило 100 процентов.

Та тонкая голубая полоска несла в себе крошечное сердцебиение внутри ее тела, и этот признак жизни стал теперь мальчиком почти восьми лет. Этот мальчик с каждой неделей все больше менялся. У него росли зубы, которые прослужат ему до самой смерти. Изменялась и его жизнь: переезды из одного дома в другой, из школы в школу, из одной страны в другую. Он стал свидетелем разрушающихся браков и того, что мир взрослых был хрупким, слабым и подверженным ошибкам.

И этот мир обкрадывал его. Лишал его ореола невинности, той ауры света, которая окружала Пэта, когда он был маленьким, того света, который заставлял людей на улице останавливаться и улыбаться ему.

Пэт все еще оставался особенным ребенком, одним на миллион. Его все еще окружало сияние. Для меня он был самым красивым мальчиком на свете. Но его жизнь отняла у него это ангельское сияние. Оно исчезло и никогда больше не вернется. Но, несмотря на то что

мы все, в конце концов, теряем наш детский ангельский нимб, я не мог избавиться от ощущения, что мы с Джиной — родители, которые держали в руках тот самый тест на беременность, как будто это уже был наш бесценный малыш, — оба виноваты. Могли бы и постараться для нашего мальчика. Но Джина сейчас была в таком настроении, что во всем винила только своего почти бывшего супруга.

— Пасха, так? В это время не должно возникать никаких проблем, правильно? Принято считать, что на Пасху не бывает домашних раздоров.

Мы находились в ее маленькой кухне и пили жасминовый чай. Эта любовь к Японии, жажда жизни, от которой она отказалась ради брака со мной и ради Пэта... Теперь Джина уже никогда не избавится от этого, никогда не перестанет ощущать нехватку той жизни, которой она так и не узнала.

— Но Ричард был против того, чтобы я дарила Пэту пасхальное яйцо, которое я для него купила. Ты можешь себе представить?

В дверях показался Пэт.

— Можно посмотреть по видео «Призрачное зло»? — обратился он к Джине.

— Нет, ты идешь со своим папой.

— Ну, только отдельные сценки, которые не вошли в фильм. Интервью с режиссером, разные комментарии.

— Хорошо, — разрешила Джина, и Пэт исчез, а из гостиной донеслись звуки музыкального вступления. — Это пасхальное яйцо было таким чертовски красивым. Из молочного шоколада, украшенное маленькими красными сахарными сердечками, а вокруг оно опоясано фиолетовой ленточкой с большим бантом. А Ричард заявил — ты только послушай, — что такое яйцо покупают не для ребенка, а для любовника. Пасхальное яйцо для любовника! Он сказал, что муж и жена могут купить по такому яйцу друг для друга. Можешь представить, себе его мелочность? Будто я не могу купить своему сыну любое пасхальное яйцо, какое, черт побери, захочу...

— Вы с ним разговариваете? Она улыбнулась:

— Ты слышал о синдроме старой коровы?

— Не думаю.

— После того как бык однажды покрыл корову, она ему больше не интересна. Даже если корова очень симпатичная. Ему все равно. Это называется синдромом старой коровы.

— Это правда? Она кивнула:

— Одного раза быку достаточно. Какой бы привлекательной корова ни была. Он безразличен. Этот принцип срабатывает и в обратную сторону, для той же старой коровы. Раз покончила с ним, то все.

Она рассмешила меня. Но в ее голосе звучала горечь, по которой я определил, что для нее эта новая жизнь тоже оказалась тяжелой. Потому что для любого одинокого родителя существует масса трудностей. А сейчас, как я понял, Джина таким родителем и являлась. Она была рассержена, огорчена и опечалена. Но все равно я чувствовал к этой женщине огромную симпатию, потому что она мне была когда-то ближе всех на свете. И если бы мы не разрушили все нашей женитьбой, она была бы до сих пор моим самым-лучшим другом.

Впервые я подумал, что наш брак был удачным. Конечно, мы могли бы быть добрее друг к другу и повнимательнее к Пэту. Это правда. Но мы провели вместе семь лет, произвели на свет чудесного ребенка, чье пребывание на этом свете сделает его только лучше, и мы все еще способны разговаривать друг с другом. Почти всегда. Когда она не вела себя как старая корова, а во мне не просыпались привычки старого быка. Так кто сказал, что наш брак не удался? Несколько счастливых лет и прекрасный ребенок. Может, это самое лучшее, на что может надеяться любой из нас.

Мы с Джиной прошли через невероятные трудности, и тем не менее мы можем разговаривать друг с другом и пить вместе жасминовый чай, в то время как она язвит по поводу своего будущего бывшего мужа. У нас с Джиной имелось общее прошлое, которого не было у меня с Сид.

Это прошлое относилось ко времени той голубой линии на полоске теста. Ко времени, когда я прибежал домой из парка и Джина со смехом и слезами сообщила о своей беременности.

У нас с Сид этого не было. Не было той надежды, радости и оптимизма, которые Джина увидела в тоненькой голубой линии. В линии, которая связывает нас со всеми нашими завтра и определяет наше будущее.

***

— Ну, конечно, нет ничего лучше! — воскликнул Эймон. — Любить чистой любовью и сохранять целомудренную дистанцию. Ничего, кроме, разве что, яростного секса без всякого предохранения, когда овладеваешь ею сзади. Наверное, это даже лучше.

Мне начинало казаться, что лучше бы я солгал, не говорил ему, что мы с Казуми не пошли до конца в наших отношениях.

— Она понимает меня.

И это правда. Казуми видела, как я переживал по поводу мамы. И по поводу моего сына. И даже — хотя мы и не говорили об этом — по поводу моей жены.

— Она тебя слишком хорошо понимает, Гарри. — Эймон отпил минеральной воды и пригладил свои густые черные волосы. — Она вертит тобой, приятель. Не попадайся на эти нежности. Всякие цветочки и ахи-вздохи.

— Цветочки и ахи-вздохи? — переспросил я.

— Казуми понимает: как только мужчина получит, что хочет, ему уже больше этого не надо.

Мы сидели в гримерной Эймона в Клубе комиков Ист-Энда. По сравнению с гримерными телестудии, к которым мы привыкли, эта комната больше походила на чулан для швабр и половых тряпок. Сам же клуб скорее напоминал старомодную забегаловку с обычным пивом и свиными шкварками, наполненную табачным дымом, которая с некоторым опозданием дерзнула вознестись к вершинам комедийного искусства.

Это место находилось не так уж далеко от тех сцен, на которых Эймон начал выступать еще до того, как в его жизнь вошло телевидение. Но с тех пор изменилось его отношение к женщинам. Галантный потаскун тех времен превратился в осторожного Эймона, который старался сделать все, чтобы вернуть меня в лоно семьи и прекратить это сумасшествие.

Наркотическая зависимость повлияла на Эймона так же, как и на многих других. Она заставила его стремиться к стабильности в жизни.

— Ты запутался, Гарри. Ты трахнул много неправильных женщин и слишком много правильных. Вроде твоей жены.

Он всегда симпатизировал Сид.

— Тебе через пять минут выходить на сцену. Но он не переставал убеждать меня. Эймон был единственным человеком (кроме соседки, играющей на виолончели), который знал о нас с Казуми и считал, что было бы лучше, если бы мы с Казуми переспали. Тогда бы я успокоился. Если бы это случилось, то, по мнению Эймона, я взглянул бы на нее как на очередную девушку в моей жизни. Но я считал иначе. Даже если бы мы стали близки, то ничего не изменилось бы. Кроме, разве что, того факта, что я не смог бы без нее жить.

— Разве ты не видишь, что ты делаешь, Гарри? Ты затягиваешь стадию самого хорошего.

— Самого хорошего?

— Стадию погони. Преследования. Волнения некоего предвкушения того, что должно последовать. Это самая лучшая часть. Момент признания в любви и безропотное подчинение. Пожалуй, это и есть самое лучшее. Гораздо лучше всего, что будет потом.

— Никогда не позволяй мне заниматься сексом с тобой, — вставил я.

— Гарри, ты же не хочешь, чтобы все хорошее умерло? Как это случилось с Джиной. И с Сид. Твоей женой. И со всеми другими женщинами, которые у тебя были. Ты ведь хочешь, чтобы все было только хорошо? И что ты для этого делаешь? Ты вступаешь в платонические отношения. Устраиваешь погоню, преследование, оттягиваешь момент наслаждения

навечно.

— Так вот что я делаю! Мне кажется, что ты не совсем прав. Я переспал со множеством женщин, которых не любил. Почему же я не могу полюбить женщину, с которой не спал?

Переспал ... Никак я не мог избавиться от употребления неточного эвфемизма, потому что все остальные слова звучали бы слишком пошло.

— Посмотри на это с другой стороны. В чем суть секса и романтических отношений, связи мужчин и женщин? А суть в отсрочке высвобождения, в продлении момента удовольствия. Это означает, что время экстаза задерживается. Расслабься и не делай этого. Об этом хорошо спела группа «Фрэнки едет в Голливуд». А ты что делаешь с женщиной, с которой даже не переспал?

— Ну, расскажи мне.

— Это же очевидно. Когда так западаешь на кого-то, кого не трахнул, ты оттягиваешь момент высвобождения постоянно. Конечно же, ты без ума от нее. Почему бы нет? Ты будешь сходить по ней с ума до тех пор, пока не увидишь, что она сделана из той же плоти и крови. Как и твоя жена.

— Ты считаешь, что если у нас с Казуми случится секс, то я перестану думать о ней?

— Нет. Но я считаю, что ты начнешь лучше соображать. Сейчас ты влюблен в мечту, а это самое опасное, что может быть.

— Ты на самом деле считаешь, что невозможно симпатизировать кому-то, пока не соприкоснешься с ним телами?

— Эй, не передергивай, Гарри. Это просто сближает.

Я взглянул на часы:

— Твой выход через одну минуту.

— Нельзя начать ясно мыслить, пока не протрезвешь, Гарри.

Возможно, и так. Я понимал, что платонические отношения придавали всему безнадежно романтическую окраску. Наши с Казуми дневные свидания за чашечкой капучино в маленьких кафе, залитых солнцем, стали для меня воспоминанием, которое останется со мной навсегда. Полароидная фотография, на которой мы снялись вместе на Примроуз-Хилл. Казуми хохотала, потому что мы все время стукались с ней головами, стараясь попасть в объектив. Эта фотография сделала счастливой всю ту неделю. Казуми сжала мою руку, когда мы сидели в последнем ряду в кинотеатре «Одеон», и это взволновало меня больше, чем мой опыт орального секса в подростковом возрасте. Она сделала это для меня.

Да, я на самом деле чувствовал, что наши отношения выходят из-под контроля. Но это было больше, чем просто мечта. Я начинал взвешивать разные практические стороны жизни с Казуми. Разрушая один дом, создавать новый, что даст нам с Казуми шанс достичь такого состояния, которого, в конце концов, достигают все пары, даже если они без ума друг от друга, если все понятно без слов.

Я знал, что это могло сработать. Может, она и являлась той женщиной, которая мне нужна? Вдруг и Сид будет счастливее с кем-нибудь другим? В настоящий момент она вовсе не в восторге от жизни со мной. Так что всем может оказаться лучше. Одним резким, болезненным рывком разорвать узы брака, дома, и тогда у всех появится шанс на счастливый конец.

— Ты ведь даже не знаешь ее, — сказал Эймон, прервав мои размышления о планах построения новой жизни. — Вы провели вместе сколько? Часов сто? А может, и того меньше.

— Сколько времени нужно? Как ты думаешь, сколько нужно времени, чтобы точно знать?

Он в изнеможении покачал головой. За сценой, неожиданно близко, мы слышали, как зрители освистывали женщину-комика.

— Ты чертов идиот, Гарри. Ты на самом деле собираешься уйти от своей потрясающей жены, которую ты, черт побери, не заслуживаешь? Уйти к какой-то почти незнакомой

девчонке?

Он на самом деле искренне на меня рассердился. .,

— Я этого не говорил.

— Куда, по твоему мнению, тебя это приведет?

— Не знаю.

— Пора тебе начать узнавать, приятель. Ты все затеял, и рано или поздно — скорее всего рано — это закончится слезами.

— Почему это должно закончиться слезами?

— Потому что тебе придется выбирать, тупица ты этакий. Как только ты влипаешь в подобную ситуацию, перед тобой всегда встает вопрос выбора.

— А что, если я сделаю выбор в пользу Казуми? Откуда ты знаешь, что это будет неправильно? Почему ты так в этом уверен?

Он поднял руки вверх, изображая, что сдается:

— Ничего я не знаю, Гарри. Так же, как и ты. Но мой тебе совет — переспи с Казуми, и не один раз, а потом посмотри, как ты себя почувствуешь тогда, когда она выскажется в негативном тоне о твоём сыне.

— А что, если она никогда ничего плохого не скажет о нём? Что, если она с ним прекрасно ладит?

— Тогда сложи свои вещи и уходи.

Он вложил мне в ладонь серебристый ключ. Я уставился на него. Ему не было необходимости говорить мне, что это ключ от его квартиры.

— Казуми великолепна, — произнес Эймон. — Но мир полон прекрасных женщин. Только дураки-романтики вроде тебя не хотят это признать. На свете миллион чудесных женщин. Десять миллионов. Ты можешь влюбиться в любую из них. При определенных обстоятельствах и в определенный момент. Рано или поздно тебе придется прекратить мучить себя убеждением, что существует только одна-единственная женщина, которая должна носить твоё имя. Нужно довольствоваться тем, что имеешь. Приходится любить ту, с которой ты в данный момент живешь. Необходимо сказать себе: это мой дом, моя жена, и здесь я остаюсь. Перестань смотреть по сторонам, Гарри. Прекрати.

Из далекого прошлого мне слышались голоса моих родителей. *Просто закрой глаза*, говорили мне мама с папой. *Просто закрой глаза, и пусть они отдохнут*.

Но Эймон протягивал мне серебристый ключ.

И я его взял.

***

— Я начал пользоваться этими сверхчувствительными презервативами, — говорил Эймон, выходя на крошечную сцену крадущимися шагами. — Эти презервативы — отличная штука. Знаете, каково их действие? После секса, когда вы уже уснули, сверхчувствительный презерватив будет ласкать вашу партнершу, говоря с ней о ее чувствах. А на следующий день этот же презерватив пошлет ей цветы. И никогда не забудет позвонить...

Взрыв хохота в зрительном зале, кое-где с подвыванием. У живой аудитории не бывает такой быстрой реакции, как у зрителей в телестудии. Сейчас здесь оказались несколько понтеров, которые пришли специально, чтобы ради развлечения подразнить бедного простака на сцене. Им не сиделось спокойно в прокуренной темноте зала.

— Кокаинчику не найдется, Эймон?

— Ну, нет, я больше этим не занимаюсь, — мягко отозвался Эймон. — Врач прописал мне от этого свечи. Я сказал ему, что они не действуют, а он спросил: «Вы регулярно ими пользуетесь?» Я ответил: «Конечно. А вы думали, доктор, что я запикиваю их себе в задницу?»

Опять смех и свист.

— Так вот. Чувствительные презервативы. Говорят, что заниматься сексом с презервативом — это все равно, что мыться под душем в плаще. Я так не считаю. При всех этих новых болезнях, если не надеваешь презерватив во время секса, то это все равно, что

принимать ванну, положив в воду оголенный электропровод...

Смех, язвительные и оскорбительные выкрики:

— Ты неудачник, Эймон. С тобой покончено!

— Убирайся в свою наркобольницу!

— Крупье, эта Фиш-ка фальшивая!

— Итак, презервативы, — последовало покашливание в духе Вуди Аллена. — В наше время можно купить презервативы для любой национальности. Итальянцы могут приобрести упаковку из шести штук. Это значит по одному с понедельника по субботу, а в воскресенье — выходной. Для французов пачка из восьми штук. Соответственно — по одному на каждый день недели плюс два на воскресенье. Для британцев выпускаются специальные упаковки по двенадцать штук.

Пауза. Он всегда хорошо выдерживал паузу.

— По одной на январь, февраль, март...

Злой, прокуренный и охрипший от злости голос из заднего ряда:

— Кончай, Эймон Фиш! Твои пятнадцать минут истекли!

***

— Моим родителям не нужно было думать о презервативах. Получили меня — достаточно. Нет, им об этом заботиться было не надо. Не то чтобы их сексуальная жизнь была такой уж счастливой. Однажды ночью я услышал, как они разговаривали за стеной. Пытались заняться сексом, но ничего у них не получалось. Мама сказала: «В чем дело? Неужели ты не можешь подумать о ком-нибудь еще?»

— Не смешно! — прокричал кто-то в зале.

— Но это уже совершенно другая история, — закончил Эймон.

***

Мы жили в большом городе, но мир тесен. Рано или поздно нас должны были увидеть вместе.

Естественно, мы старались избегать опасных районов северного и центрального Лондона, этой на удивление обширной части города, где была вероятность столкнуться с Сид или напороться на Джину. Но в конце концов нас должны были обнаружить. Я был в этом уверен.

И когда это все-таки случилось, то все произошло гораздо хуже, чем я себе воображал. Это оказалась не моя жена и даже не бывшая жена, а некто из дальних закоулков моей жизни. Он заметил меня, когда входил в клуб, и тут же все понял.

Женатый мужчина с девушкой, которая не является его женой, сидели с бутылкой вина в тихом уголке паба, который располагался над комедийным клубом, и привычно держались за руки.

У меня возникло тошнотворное чувство вины, потому что этот человек знал, а моя жена — нет. Мне было ужасно стыдно. Это походило на самое невообразимое подлое предательство.

— Гарри! — воскликнул Ричард, глядя на Казуми.

Какого черта он делал здесь? Что могло занести этого человека в комедийный клуб в Хэкни?

— Ричард? Я думал, что ты все еще в Америке.

— Прилетел повидать Джину. — Наконец он отвел глаза от Казуми. — По правде говоря, я хотел бы, чтобы она вернулась.

— Это Казуми, — сказал я, на какой-то момент трусливо подумав, не выдать ли ее за коллегу по работе или делового партнера.

Но на самом деле Ричарду было все равно. Он был в таком состоянии, когда нет дела до романтических отношений других людей. Человек без работы, без жены, когда жизнь вокруг тебя рушится. Я хорошо его понимал.

— Я остановился у друзей, — сказал он. — Они тут неподалеку живут. Этот район становится популярным у людей, работающих в Сити, не так ли?

— Да, среди них и наркочилеров. Послушай, Ричард, нам надо иди. Желаю удачи... во всем.

Я наблюдал, как Ричард и Казуми улыкнулись и пожали друг другу руки, подумав о теории Джини про старого быка, у которого нет никаких шансов заполучить назад свою старую корову.

Потом мы покинули его, оставив купленную выпивку на столе и подгоняемые моим чувством вины.

И тут я вспомнил о ключе в кармане.

***

Мы вошли в квартиру Эймона. Он купил ее в тот период, когда «Фиш по пятницам» был на гребне успеха и его приглашали сниматься в дорогой рекламе и на всякие презентации. Это была мансарда, расположенная в доме на набережной и выходящая окнами на Тауэрский мост и Темзу с доками. Все это оказалось залито светом, подобно открытке с видом ночного Лондона. Казуми подошла к огромному окну во всю стену и стала смотреть на чернильно-черную реку, освещенный огнями фонарей мост и яркие огни города.

Потом она повернулась ко мне.

— Казуми...

— Не говори ничего.

Освещенные только лунным светом и огнями фонарей с улицы, мы пытались снять друг с друга одежду, одновременно целуясь.

Эймон вернулся домой, когда мы барахтались на диване, наполовину раздевшись, как подростки. Казуми услышала звук поворачиваемого в замке ключа раньше меня и, прежде чем Эймон с подружкой вошли в гостиную, была уже в ванной.

Я узнал эту женщину — режиссера с телевидения, которая раньше работала курьером у Марти Манна. Эймон в дверях помахал мне рукой, и они удалились в его спальню. Из-за закрытой двери слышался смех и звуки музыки. Это не должно было иметь никакого значения, но чары уже разрушились. Казуми вышла из ванной полностью одетая и готовая уйти.

— Еще не пора, — проговорил я. — Пожалуйста, Казуми. Иди сюда. Никто нас больше не потревожит. Посмотри, какой отсюда вид.

Она покачала головой:

— Это не мой вид.

Я не стал с ней спорить. Нехотя застегнул пуговицы на рубашке. Мы тихо вышли из квартиры.

— Я так больше не могу, — сказала она, пока я ловил такси. — Правда, Гарри. Так не может дольше продолжаться.

И так не стало.

Потому-что, проводив Казуми, я вернулся домой, и моя жена сообщила мне, что уходит от меня.

25

Конечно же, меня бросали и раньше.

Но на этот раз все было по-другому.

Когда Джина уходила от меня, она убежала в бешенстве, не заботясь о том, что нужно взять, что оставить. Просто ей было необходимо вырваться из нашего дома, убежать подальше от меня и от нашей жизни.

Я запомнил наполовину застегнутый чемодан, с торчащими из него носками Пэта, предательские слезы, от которых потекла тушь, и пульсирующую боль в груди, над сердцем, в том месте, куда она швырнула мой мобильный телефон.

Несмотря на все это, когда Джина ушла, оставалось ощущение, что в один прекрасный день она изменит свое решение и вернется домой. И что гнев ее, в конце концов, пройдет.

На этот раз все вышло по-другому.

Уход Сид являлся спокойным и продуманным.

Никаких слез, крика, никакой спешки. Уход взрослого человека, который все взвесил. Но из-за этого все еще гораздо хуже. Она не собиралась уходить сегодня вечером или завтра утром. Но в очень скором будущем.

376

На диване в нашей маленькой гостиной были разложены открытые чемоданы и сумки, и каждый сантиметр паркетного пола тоже занимали чемоданы. Некоторые из них оказались наполовину пустыми, другие заполнены книгами, игрушками, дисками и зимними вещами Сид и Пегги. Сид планировала жить в другом месте уже до того, как наступит осень.

СДжиной я чувствовал, что у меня оставался какой-то шанс.

С Сид все было определено.

Она никогда не вернется.

— Уезжаешь куда-нибудь? Она повернулась ко мне:

— Извини. Не слышала, как ты вошел. — Она опять принялась укладывать чемодан закидывая в него стопку толстых шерстяных свитеров Пегги и качая головой. — Извини.

— Что это? — спросил я, медленно входя в комнату.

— А на что это похоже?

— Похоже; что ты уезжаешь. Она кивнула головой:

— Я уже сказала — извини.

— Но почему?

Она повернулась ко мне, и я увидел боль и гнев под личиной спокойствия.

— Потому, что ты уже бросил меня. Я чувствую это. Не знаю, почему ты не уходишь, Гарри. И знаешь, что самое печальное? Ты сам не можешь этого понять. Ты не способен разобраться в том, что тебе со мной делать. Ты обо мне забыл.

Я отрицательно покачал головой, хотя понимал, что все это правда.

В какой-то момент я совсем забыл, почему мы вместе. И поэтому так легко увлекся другой.

— Я не могу больше вариться во всем этом, Гарри. Я тебя с самого начала предупреждала. Это не для меня. У меня есть дочь, и мне нужно думать о ней. А в том состоянии, в котором наши отношения находятся сейчас, ты рано или поздно встретишь какую-нибудь подружку-шлюшку

— Подружку-потаскушку?

— Шлюшку. Кого-нибудь, с кем ты сможешь заниматься необременительным сексом. Это когда-нибудь произойдет. А может быть, ты уже ее встретил. Я не знаю и не хочу знать. Гарри, мы ведь даже больше не спим вместе. Так что где-то там есть шлюшка, которая тебе принадлежит.

Смешанные семьи и подружки-шлюшки. Это был целый новый мир. Моему отцу он показался бы незнакомым. Я и сам его не узнавал.

— Сид, меньше всего мне нужна подружка-шлюшка.

Она изучающе посмотрела на меня. Наверное, она поняла, что это правда, потому что сказала:

— Тогда ты найдешь себе кого-нибудь, кого ты полюбишь, и тогда все станет еще более запутано. Не для тебя, конечно, а для меня и моей дочери. Помнишь ее? О ней-то я и беспокоюсь в данный момент. Ты встретишь какую-нибудь молодую женщину и будешь делать то, что всегда делал, — говорить ей, что она самая замечательная девушка на свете.

— Я так делаю?

Моя жена утвердительно кивнула:

— И ты сам будешь верить тому, что говоришь, Гарри. И она тоже будет тебе верить. А может, это уже произошло. Так ведь, Гарри? Ты уже встретил самую замечательную девушку за всю мировую историю? Или она просто последняя в длинном перечне?

Я посмотрел на Сид, перевел взгляд на разложенные повсюду чемоданы, потом опять

взглянул на нее. Она уже упаковала альбомы с фотографиями Пегги, на которых заметно, как она росла, наши свадебные фотографии, снимки, которые мы делали во время отпуска в разные годы. Она все это упаковала.

— Не уезжай, пожалуйста! — Мнение хотелось, чтобы вес закончилось таким образом. Вообще ничего не должно было заканчиваться. Что-то внутри меня сжалось и не позволяло окончательно все оборвать.

— Почему нет? У нас ничего не получается, Гарри. Ни у тебя, ни у меня.

— Пожалуйста...

Я сделал движение по направлению к ней, но она вытянула перед собой руку:

— Ты неплохой парень, Гарри. У тебя доброе сердце. Я искренне в это верю. Но мы оба можем испортить себе жизнь, стараясь быть хорошими по отношению друг к другу. Можем прожить вместе двадцать лет, так и не узнав, зачем мы вместе. Знаю, что тебе хочется той же жизни, что была у твоих родителей, такого же брака. И знаешь что? Не только тебе.

— Последнее время было очень тяжелым. Все эти дела с мамой, с нашими детьми, с работой.

— Трудные времена должны были сплотить нас. Я вовсе не ожидала, что буду только петь и веселиться. Это брак, а не увеселительный клуб. Держаться друг за друга в трудные времена, становиться ближе друг другу и сильнее — вот в чем смысл. Но у нас так не получается, Гарри. У нас — нет.

Я понимал, что не имею никакого права чувствовать себя так плохо. Но ничего не мог с собой поделать. Быть свидетелем того, как Сид пакует свои чемоданы, означало для меня самую большую потерю в моей жизни. Но хуже всего было то, что я осознавал ее правоту. Она заслуживала большего, чем мог дать ей наш брак.

— Я ухожу потому, что ты не можешь уйти, Гарри. Потому что ты не так жесток, чтобы взять и уйти. Только не иди ни на какие уступки, ладно? Не оставайся только потому, что тебе меня жаль или из чувства собственной вины. Не оставайся только потому, что нет сил уйти.

— Я остаюсь, потому что ты мне небезразлична. Она мягко улыбнулась, дотронувшись рукой до моего лица:

— Если я действительно тебе небезразлична, то ты мне pomoжешь выбраться из этого.

— Но куда же ты пойдешь?

— Домой. В Хьюстон. К маме и сестрам. Здесь меня больше уже ничего не держит.

— Когда?

— После свадьбы Джима. Пегги очень ждет этой свадьбы, на которой она будет подружкой невесты. Я не хочу ее расстраивать.

Я взял из раскрытого чемодана альбом в кожаном переплете и раскрыл его на том месте, где была фотография Пэта на его пятом дне рождения. С тех пор прошла, казалось, целая жизнь. В саду моих родителей. Пэт со свежим прекрасным лицом. Пегги, которая немного, но ощутимо старше, с серьезным и мрачным видом изучает клубничное желе, стоящее перед ней. Мои мама и папа, здоровые и улыбающиеся в объектив, довольные, что день удался. И Сид, с улыбкой машущая мне рукой, с бутербродом с рыбным паштетом, в то время как я делал этот снимок. Высокая стройная красивая женщина. Мать-одиночка, которая только что осознала, что она справится с этим испытанием — знакомством с родителями друга — и получит от этого удовольствие. Какими же молодыми мы казались тогда!

— Помнишь это? Помнишь день рождения Пэта? Ему пять лет.

Она рассмеялась:

— Я запомнила, как твой отец чуть не подавился пирожком с сосиской, когда я сказала ему, что мой бывший муж встречается с девушкой-стриптизершей из Таиланда.

Я улыбнулся этому воспоминанию. *Не туда попало.* Это было одним из самых любимых выражений моего отца.

Я закрыл альбом и положил его в чемодан.

— Извини, Сид. Прости, что не смог сделать тебя счастливой.

Я говорил искренне.

— Иди сюда, — сказала она.

И я подошел к ней, мы обнялись и стояли так очень долго.

— Останемся друзьями? — сказал я.

— Навсегда, Гарри. — Она ласково отстранила меня и снова занялась упаковкой чемоданов. — Но я, пожалуй, уйду, пока между нами еще осталось немножко любви.

***

Маме понравилось носить парик в стиле Долли Партон.

Хотя потеря волос после химиотерапии была единственным, что с ней не произошло. Большой золотистый парик использовался сейчас повсюду. Когда она открыла нам с Пэтом дверь, он обрамлял ее все еще красивое лицо, блестя и переливаясь в солнечных лучах, как рыцарские доспехи.

— Что случилось с твоей головой? — удивился Пэт.

— Это мои волосы от Долли Партон, дорогуша.

— С тобой все в порядке, да? — спросил я. — У тебя волосы не начали... ну, ты знаешь?

— Совсем нет. Он стоил пятьдесят фунтов в магазине «Хэрродз». Не хочется, чтобы он просто лежал без надобности. К тому же, как сказал Род Сьюарт, блондинкой быть веселее.

Она на самом деле выглядела великолепно в этом парике. Но когда Пэт занялся просмотром видеофильмов, я ушел в сад с мамой и там она сказала мне, что парик не имеет ничего общего с желанием быть блондинкой.

— Я изменилась, — сказала она. — Все думают, что у меня все позади. Но для меня никогда это не закончится. Как только где-нибудь заболит или кольнет, то я сразу думаю, не возвращается ли болезнь. Подхватываешь простуду и думаешь, что снова обострился рак. Не слушай меня. Мне просто себя жалко.

— Совсем нет, мама.

— Парик Долли Партон, — грустно улыбнулась она, касаясь золотых кудрей. — Таким образом, я пытаюсь показать миру, что я уже не та. Я изменилась. Мне говорят: «*Пришла в норму, Лиз?*» — Мама покачала головой. — Я так сержусь. Не могу притворяться, что этого со мной не было. Как сказать всем? Как объяснить? Жизнь никогда больше не будет нормальной. Нормальность ушла.

Я знал, что она имела в виду. По крайней мере, мне так казалось. Всегда оставалась вероятность возвращения болезни. И так будет всегда.

— Но я стала сильнее. Взгляни на меня в этом большом парике. Я иду в магазин, и мне все равно, кто на меня смотрит. Меньше всего нас заботит то, что говорят другие, правда? Сейчас я стараюсь жить сегодняшним днем. Жить полной жизнью. По-своему, тихо и мирно. Я не строю планов на десять лет вперед. Если нужны гарантии, можно купить тостер. Теперь я стараюсь ценить то, что я имею. — Она взяла меня за руку. — И ценить, как меня любят.

— Ты еще много лет проживешь, мам. Ты победила эту штуку. Ты еще увидишь, как Пэт вырастет.

Мне так хотелось в это верить.

— Для людей это трудно, — продолжала она говорить, как будто не слышала, что я сказал. — Я думаю, что твой отец чувствовал себя точно так же, когда вернулся с войны. С кем он мог поговорить по-настоящему о том, через что он прошел? Только с теми, кто испытал то же самое. С теми, кто знал.

Она показала мне брошюрку. Это оказалась одна из тех розово-фиолетовых брошюр про рак. Но эта была новой.

— Можно научиться, — сообщила мама, открывая ее. — Проводятся занятия по подготовке консультантов. Для того чтобы беседовать с женщинами, которые проходят то же лечение, через которое проходила я. Теперь я знаю, что мне хочется заниматься этим. Хочу помогать женщинам, которые пытаются победить рак груди. Слышишь, Гарри? Я уже

могу об этом говорить. Раньше я не могла даже произнести этого слова. *Рак*. Как будто я чего-то стеснялась, как будто я была в чем-то виновата. Помнишь молоденькую блондинку в больнице? Такую симпатичную? Немного моложе тебя. У нее было двое мальчиков, двое прелестных ангелочков. Приблизительно возраста Пэта.

Я с трудом вспомнил бледную молодую женщину, лежавшую в той же палате, что и мама.

— Так вот, она умерла. — Мамины глаза неожиданно наполнились слезами.

— Ты не умрешь.

— Я хочу беседовать с такими вот девушками. Я имела в виду — женщинами. Нужно называть их женщинами, да? Для меня она была просто девушкой.

В сад вышел Пэт, ему надоело смотреть кино. Сегодня он не хотел ехать к бабушке. Его звал к себе в гости Берни Купер. И я чувствовал себя виноватым, забирая его сюда, но убедил его в том, что мы необходимы бабушке. Мама права. Все, что раньше было нормальным, изменилось. И мне не дано знать, как много времени нам всем отпущено.

— Мои красивые мальчики, — пропела она, раскрывая нам объятия, — обнимите меня. Оба. Ну же. Я не рассыплюсь.

Мы с Пэтом обняли ее и рассмеялись, потому что уткнулись носами в ее парик Долли Партон, понимая, что в этот момент она нам дороже всех на свете.

Пэт пошел в гостиную, а мама хлопала меня по плечу, улыбаясь одновременно печально и радостно.

— Отец гордился бы тобой. Я рассмеялся:

— Не знаю. Почему?

— Потому, что ты заботился обо мне все это время и любишь своего сына. Потому, что ты хороший человек. Всегда сравниваешь себя со своим отцом и все время обнаруживаешь, что чего-то недостает. Ты ошибаешься, Гарри. Как бы высоко ни поднялся твой отец, тебе все равно нужно расти самому.

— Но как вам с отцом удалось это, мам? Как можно любить кого-то всю жизнь? И как сделать так, чтобы брак сохранился все это время?

Маме не нужно было даже раздумывать над этим.

— Просто надо все время влюбляться, — ответила она. — Влюбляться снова и снова в одного и того же человека.

***

У Джинны в доме принято всегда снимать обувь у порога. Поэтому, когда Пэт открыл дверь своим ключом, я увидел их сразу же — мужские туфли огромного размера, занявшие в прихожей весь коврик с надписью «Добро пожаловать». Эти туфли были немного сбиты на каблуках и нуждались в чистке. Они скорее походили на приземлившийся самолет, чем на простые туфли.

«У нее новый мальчик», — подумал я. Ничего удивительного. Она никогда не останется надолго одна. Джина не выглядит одинокой женщиной. Все еще.

Помогая Пэту снять пальто, я подумал о том, о чем часто думал, находясь поблизости от моей бывшей жены.

А как насчет моего мальчика ?

Если Джина начнет встречаться с кем-нибудь, что это будет значить для Пэта? Не будет ли он ее раздражать?

Джина вышла к нам. Лицо у нее было красным и возбужденным. Я почувствовал вспышку неприязни по отношению к бывшей жене. Какого черта она делает тут с этим парнем, носящим такие огромные ботинки?

— У бабушки новые волосы, — сообщил ей Пэт.

— Очень хорошо, милый, — сказала она, не слушая его, глядя, как я рассматриваю гигантские туфли.

— Они желтые, — продолжал Пэт.

— Замечательно.

Пэт уже освободился от пальто и снимал свои ботинки.

— Проходи в комнату, там кто-то хочет тебя видеть. А мне надо поговорить с папой.

Пэт взбежал по лестнице. Я услышал мужской баритон, говорящий с ним, и нежный высокий голосок Пэта, который ему что-то отвечал.

— Ричард, — сказала Джина.

— Ричард?

— Похоже, что мы попытаемся попробовать еще раз,

Я слышал, как наверху разговаривали Ричард и Пэт.

А как насчет моего мальчика?

— Ты удивляешь меня, Джина.

— Правда?

— Как же быть с твоей теорией старой коровы?

— Теорией старого быка.

— Все равно. Я считал, что когда ты порываешь с кем-то, то делаешь это окончательно.

Она рассмеялась:

— Может, я думала о тебе, Гарри. Я вздохнул, а затем спросил:

— Что случилось?

Она пожала плечами:

— Наверное, я почувствовала себя одиноко. И немного испугалась. Ты знаешь, каково это — оказаться одной с ребенком на руках.

— Да, я это знаю.

— Становишься одинокой. Правда. Как бы ни любила своего ребенка, все равно появляется чувство одиночества. А встретить кого-то нового не так-то просто. Очень даже трудно, Гарри. И я совсем не уверена, что хочу опять начинать все заново. Свидания... Господи, упаси меня от свиданий. У кого хватит энергии на всю эту ерунду в нашем возрасте?

— Я столкнулся с Ричардом. Он тебе говорил?

Она кивнула, но в ее глазах не появилось и намек на то, что она знает о нас с Казуми. Значит, Ричард не выдал моей тайны. А может, ему просто все безразлично.

Ему нужно было всего лишь вернуть назад свою жену.

— Между нами все не так уж плохо, — убедительно говорила Джина. — Переезд был ужасен, а потом мы пытались зачать ребенка и ничего не получилось. Все стало еще хуже. Но мы решили попробовать еще раз способом искусственного оплодотворения.

— Это какое-то лечение бесплодия?

Она кивнула:

— Мне прописали лекарства, которые способствуют выделению большего количества яйцеклеток. Ричарду же надо будет... ну, ты знаешь... мастурбировать.

Не так уж много требуется от Ричарда.

Я пристально посмотрел на нее. Только что она порвала с этим парнем, а в следующее мгновение уже готова сверхурочно производить яйцеклетки, чтобы родить от него ребенка. Я совсем ее не понимал. Неужели те, с кем мы делим нашу жизнь, настолько случайны? Неужели так просто разорвать, а потом сложить все опять?

Джина неправильно истолковала мое молчание: она решила, что я сомневаюсь в методике лечения бесплодия.

— В наши дни это очень распространено, Гарри. В некоторых специализированных клиниках, очень хороших, есть гораздо большая возможность зачатия при помощи искусственного оплодотворения, чем древним естественным способом. Правда.

— Не знаю, Джина. Я слышал, что лечение этим методом очень дорого стоит. И к тому же не всегда срабатывает.

— Может, эти трудности сплотят нас, сделают сильнее. Помогут нам стать настоящими мужем и женой. Разве не к этому мы все стремимся?

— Но ты ведь больше его не любишь, Джина. Ты не можешь жить с кем-то, быть за

ним замужем, иметь от него ребенка только потому, что тебе одиноко.

— Разве? А что мне делать? Ждать, когда появится мистер Правильный? У меня, Гарри, не так много, времени и энергии. Иногда именно так я и думаю: тот, с кем ты сейчас, это просто человек, с которым живешь. Только и всего. Точка.

— Ты старая идеалистка.

— Не так уж это и плохо. Это партнерство, когда держишься друг за друга, поддерживаешь друг друга. Совсем не так, как в старой песне. Ну и что? Взрослый человек не может без конца влюбляться, как какой-нибудь придурочный подросток. Представляешь, как можно тогда запутаться?

— Невозможно выбрать того, в кого влюбишься.

— Какой ты наивный. Конечно же, ты выбираешь, Гарри. Несомненно.

Мне хотелось думать, что мы все еще друзья и она мне небезразлична. Но эта забота о моей бывшей жене не могла длиться бесконечно. В конце концов, мои мысли всегда возвращались к одному и тому же.

— А как насчет моего мальчика?

— Твоего мальчика? — тихо возмутилась она. — Тебе нужно было думать о твоём мальчике до того, как ты трахнул ту потаскушку со своей работы, не так ли?

И тут вдруг я понял, что нет более чужого человека на всей Земле, чем бывшая супруга.

26

— Один человек садится в переполненный самолет, — говорил Эймон, расхаживая по сцене в прокуренном зале. — Самолет заполнен до отказа. Но место рядом с ним почему-то пустует. — Он подносит ко рту ладонь и покашливает в духе Вуди Аллена. — Он думает: интересно, кто сядет рядом со мной? Мы все так делаем, правда? Тут по проходу идет самая красивая женщина, которую он когда-либо видел в своей жизни. С лицом ангела, ноги растут от ушей. Конечно же, она садится на пустующее место. — Он ссутулился в свете софитов. Публика внимательно слушала. — Наконец, он набирается смелости и заговаривает с ней: «Извините, куда вы направляетесь?» — «Видите ли, — говорит она, — я еду в Килкари, на Съезд по проблемам секса. У меня доклад по основной теме. Развенчание некоторых мифов о сексе». — «Каких, например?» — «Ну, например, многие считают, что чернокожие мужчины наделены большими сексуальными способностями, чем все остальные. А на самом деле это американские индейцы обладают такой уникальной-физической особенностью. Еще принято считать, что лучшими любовниками являются мужчины-французы. Хотя статистика показывает, что самое большее сексуальное удовлетворение доставляют своим партнерам греческие мужчины». Тут она покраснела и произнесла: «Я говорю вам все это, а даже не знаю вашего имени». Наш герой протянул ей руку. «Виннету, — представился он. — Виннету Папандопулос».

И когда зрители разразились смехом, я подумал, что сам похож на этого героя и это шутка про меня.

В мои планы никогда не входило стать человеком, который лжет не задумываясь. Я совсем не хотел быть таким. Но сейчас я обнаружил, что мне необходимо солгать, чтобы как-то уравновесить мою жизнь. Просто какое-то безумие.

Поэтому меня смело можно называть. Виннету Папандопулос.

***

Пока Сид помогала Пегги надеть платье подружки невесты, а Пэт сидел внизу на ковре и смотрел по четвертому каналу скачки — этот ребенок мог смотреть что угодно, — я потихоньку прокрался в сад, чтобы оттуда позвонить по мобильному Казуми.

Мы хотели встретиться и поужинать. И такая простая вещь — мужчина ужинает с женщиной — должна была храниться в строгом секрете, как будто мы делали что-то противозаконное или смертельно опасное. Мне, говоря по правде, все это до чертиков надоело. И я буду только рад, когда все притворство закончится. Уже недолго ждать.

Когда я вошел в дом, Пегги стояла наверху лестницы в своем платье подружки невесты, радостно улыбаясь.

— Гарри, как я выгляжу?

— Прямо как ангел.

И действительно это было так. Она напоминала маленького ангелочка. Внезапно меня охватило острое сожаление от того, что этот ребенок, который рос на моих глазах, скоро уйдет из моей жизни навсегда.

Она убежала в комнату, чтобы показать своей маме, какими цветами нужно украсить ей волосы, а я вошел в гостиную и сел рядом с сыном. Он все еще смотрел скачки по телевизору. Временами этот ребенок меня беспокоил.

— Ты не хочешь посмотреть, что показывают по другим программам, Пэт?

Он пробурчал что-то, обозначающее «нет», даже не взглянув в мою сторону.

Пэта я привел сюда сегодня потому, что его мать должна была обсудить серьезные вещи с... А, собственно, кем Ричард приходится ему? Бывшим отчимом? Будущим отчимом? Намеченным донором спермы для его будущих сводных братьев и сестер? Мне становилось все труднее следить за развитием событий мыльной оперы жизни моей бывшей жены. Но в то же время кто я такой, чтобы судить свысока?

По крайней мере, все, что Джина делала, она делала открыто.

— Я не знала, что ты такой азартный, Пэт, — обратилась Сид к моему сыну, заходя в комнату.

— Лошади. — Пэт наконец отвел глаза от экрана. — Они такие красивые!

Меня это неприятно задело. Значит, он не сидел, тупо уставившись в экран телевизора. Его зачаровали лошади. Но почему он не сказал мне об этом? Почему он доверился Сид? Может, из-за того что я не спросил его об этом?

Она улыбнулась и присела рядом с ним на ковер.

— Лошади очень красивы, правда? — сказала она. — В них есть какое-то — как бы это сказать? — благородство, наверное. Да, пожалуй, в лошадях есть благородство.

— Что?

— Благородство. — Она повернулась ко мне. — Как ты объяснишь *благородство*, Гарри?

— Достоинство, — ответил я. — Порядочность. Положительные качества.

«Как у тебя, — додумал я, глядя на женщину, на которой женился. — Порядочность. Положительные качества. Все, что есть у тебя».

Нет, Сид, при всем этом, конечно же, не напоминала мне лошадь.

Она обняла моего мальчика за плечи и стала смотреть на лошадей вместе с ним. Тут я осознал, что все время она с ним прекрасно ладила — была добра, терпелива, даже любила его. Так в чем же тогда состояла проблема? Проблема была во мне, в том, что меня не удовлетворяли ее доброта, терпение и любовь.

Все это время проблема была во мне. Просто я хотел, чтобы Сид стала тем, кем она никогда не могла стать.

Она не могла превратиться в его мать.

***

Никогда я не видел Пегги в таком возбуждении.

Она нарядилась в платье подружки невесты задолго до того, как за ней заехали. Она долго смотрела на свое отражение во всех мыслимых и немыслимых зеркальных поверхностях по всему дому, а потом бежала к окну, чтобы проверить, не приехал ли за ней ее отец.

Наконец мы услышали рев мотоцикла на улице.

— Это он! — закричала Пегги, отскакивая от зеркала в прихожей.

— Не забудь свой шлем! — крикнула сверху ее мама.

Свадьба была тематической. Жених и невеста приезжают к месту регистрации на мотоциклах. Даже священник, освящавший их союз в церкви по соседству, должен был

приехать на своей «Хонде» и вести службу в кожаной форме байкеров. А свадебный банкет состоится в историческом месте, в кафе «Тон Ап» на магистрали М1.

Пегги стояла и махала Джиму рукой, когда Сид спустилась вниз по лестнице.

Я стоял как громом пораженный.

На ней было старое зеленое платье, из китайского шелка, которое я не видел уже много лет. С того самого вечера, когда я в нее влюбился.

Она увидела, как я смотрел на нее, но полностью проигнорировала меня, как будто это совершенно естественно — разгуливать в этом особенном платье. Она помогла Пегги надеть шлем:

— Крепко держись за папу, ладно?

Мы вместе подвели Пегги к мотоциклам. На одном сидел Джим со своей счастливой невестой Либерти, которая примостилась в белом свадебном платье позади него, а на другом, древнем «Триумфе» с коляской, — друг жениха. И Джим, и его друг были одеты в кожу поверх фраков. Единственной уступкой правилам дорожного движения, которую сделала Либерти, стал белоснежный мотоциклетный шлем у нее на голове. Я сдержанно поздравил Джима. Ситуация была не из простых. Будущий бывший супруг его бывшей жены желает ее первому мужу счастья в день его очередной свадьбы. Поэтому мы сделали то, что принято делать в подобных ситуациях, — мы сконцентрировались на ребенке. Сид возилась с платьем Пегги, устраивая ее в мотоциклетной коляске. А я проверял, насколько хорошо застегнут ее шлем.

Потом они отбыли, взревев моторами, полы фраков и юбка свадебного платья развевались на ветру.

— Ты собралась куда-то? — спросил я. Сид ответила, не глядя на меня: —

— Просто упаковываю вещи. Решаю, что мне надо взять с собой, а что выбросить.

— А это платье ты берешь с собой?

— Нет, просто хотела проверить, придется оно мне впору или нет. — Мотоциклы исчезли из виду. Она посмотрела на меня и добавила: — Прежде чем его выброшу.

Сид была в этом платье в самый, пожалуй, счастливый вечер моей жизни. Тогда счастье снизошло на меня так, как снисходит только настоящее счастье, вызванное радостью от того, что я стою просто рядом с ней. Мы находились на церемонии вручения призов в одном из крупных отелей На Парк-Лейн. Это мероприятие представляло собой типичную затянувшуюся вечеринку с неизменными похлопываниями по спине и обильной выпивкой. Я, как правило, презирал подобные сборища.

Но в тот вечер, когда опустились сумерки, я так обрадовался, что живу, и был преисполнен такой благодарности за то, что рядом со мной эта необыкновенная женщина в зеленом шелковом платье, что невольно поверил в то, что больше никогда не буду грустить.

***

— Оно все еще тебе впору.

Сид отправилась наверх упаковывать вещи.

Я пошел в гостиную и сел на ковер рядом со своим сыном. Передача про красивых лошадей закончилась, и теперь Пэт бесцельно переключал программы, тщетно пытаясь найти хоть что-нибудь стоящее. Но днем телевидение оказалось забитым отупляющими и пустыми шоу вроде «Шести пьяных студентов», «Где мои штаны?» и тому подобных. Я осторожно вынул из его маленькой руки пульт и выключил телевизор.

— С тобой все в порядке, Пэт? Он молча кивнул.

— Правда, Пегги замечательно выглядела в платье подружки невесты?

Он немного подумал, прежде чем ответить:

— Она стала похожа на настоящую леди.

— Неужели? — Я обхватил его рукой за плечи. Он прижался ко мне. — Ну, а как дела у тебя? Как ты себя чувствуешь?

— Я немножко волнуюсь.

— О чем, дорогой мой?

— О том, что мне сказал Берни Купер, — пояснил Пэт. — Он говорил, что у каждой собаки должен быть паспорт.

— Наверное, так оно и есть. Если собаку собираются перевозить из одной страны в другую, она должна иметь документы. Берни абсолютно прав.

— Вот это мне и важно узнать. А вдруг у Бритни нет паспорта?

— У Бритни?

— У моей собаки Бритни. Потому что если у Бритни нет паспорта, то как Ричард собирается перевезти его в Лондон, где мы все теперь будем жить?

— Я уверен, что Ричард все уладит. Кстати, как тебе сам Ричард? Ты рад снова видеть его?

Пэт неопределенно пожал плечами. Мне показалось, что его гораздо больше интересовала судьба собаки, нежели собственного отчима. Бритни означал для Пэта несравненно больше, нежели Ричард. И разумеется, не следует забывать о том, что собака остается с человеком на всю жизнь, а отчим может исчезнуть в любой момент.

— Мама и Ричард... Они, наверное, снова будут жить вместе.

Мой сын понимающе кивнул и, закусив нижнюю губу, многозначительно посмотрел на пульт дистанционного управления, зажатый в моей руке.

— Ты нормально к этому относишься, дорогой мой? Это ведь затрагивает не только маму и Ричарда, а влияет и на твою жизнь тоже. Я хочу, чтобы ты... ну, не знаю... рассказывал мне обо всем, что волнует и тревожит тебя. Для этого, собственно, я и нахожусь рядом с тобой. Чтобы ты всегда мог откровенно со мной побеседовать. А мама когда-нибудь заводила с тобой разговор на эту тему? Ну, о том, как она решила поступить с Ричардом?

И снова кивок в ответ.

— Они хотят постараться, чтобы у них все сработало, пап.

Чтобы у них все сработало.

Когда я был ребенком, если семилетний мальчик употреблял слово «сработало», то оно относилось либо к заводному паровозу и железной дороге, полученным в подарок на день рождения, либо к запутанным электрическим гирляндам с разноцветными мигающими лампочками на Рождество.

Теперь же мой ребенок говорил «сработало», но он имел в виду брак.

Мы в молчаливом согласии снова включили телевизор.

***

С улицы донесся рев мотоциклов.

Пегги возвращалась со свадьбы.

Сид спустилась по лестнице, все еще одетая в то самое зеленое шелковое платье. Я почувствовал в душе нечто приятное, что могло показаться волной надежды. А может быть, просто ностальгией. В любом случае я радовался, что она пока не выбросила это платье.

Мы вышли на улицу, где перед нашим домом уже собралось с десяток мотоциклов. Мужчины во фраках, женщины в вечерних платьях. На всех поверх торжественных нарядов надеты кожаные куртки, на головах — шлемы. Друзья жениха и невесты гордо восседали на своих «БМВ», «Нортонах», «Харлеях» и «Триумфах». Невеста находилась позади Джима, на его мотоцикле, а Пегги устроилась в коляске одной из машин свиты.

Ее мама извлекла оттуда свою дочку.

— Тебе понравилась свадьба? — поинтересовалась Сид.

Пегги начала восхищенно пересказывать все то, что запомнилось ей больше всего:

— Я держала цветы и шла сразу за Либерти, когда она продвигалась к алтарю. Ну, туда, где регистрируют брак.

Джим рассмеялся:

— Молодец, девочка, все правильно. Иди сюда, моя принцесса, поцелуй своего папочку.

Мы с Сид в смущении наблюдали за тем, как обнимаются отец и дочь. На этом участие Пегги в торжестве заканчивалось. Ее не приглашали повеселиться вместе со всеми

остальными в кафе «Тон Ап». Затем молодожены уезжали в Манилу проводить медовый месяц. Пегги села на колени Джима лицом к нему. Оба сияли от счастья и улыбались.

На улицу вышел Пэт. Он закрывал себе уши ладонями, чтобы не слышать страшный рев мотоциклов.

— Ну, что ж, — произнесла Сид, — примите мои поздравления.

— Да, — поддержал я ее. — Я тоже вас поздравляю.

Джим только усмехнулся, и в ту же секунду мотоцикл, рванувшись с места, умчался прочь. Я не мог поверить своим глазам. «Нортон» уносился вдаль. Невеста сидела позади Джима, а Пегги — впереди него. Было слышно, как хохочут от восторга и радостно визжат и невеста, и подружка невесты. Я подумал, что вот это, наверное, и есть похищение ребенка. Мне почему-то показалось, что Джим решил отнять у Сид Пегги.

— Нужно было надеть ей шлем, — заворчала Сид. — Я понимаю, что они решили еще немного развлечься, но все равно мне это не нравится.

Джим развернул мотоцикл в самом конце улицы и снова устремился нам навстречу. Его дочь не переставала хохотать, обнимая своего папочку, а за мотоциклом, как светлое знамя, развевался шлейф свадебного платья невесты. Внезапно переднее колесо машины оторвалось от асфальта, «Нортон» яростно взвился «на дыбы», и вся троица отчаянно заверещала одновременно от ужаса и восторга. Такие крики обычно слышатся возле аттракциона «Русские горки». В следующую секунду мотоцикл опустился на оба колеса, резко затормозил и остановился. Все гости, сидевшие на своих мотоциклах, зааплодировали и в знак одобрения заставили свои машины дружно взречь во всю мощь.

— Еще! — потребовала Пегги.

— Только один разик, — предупредил Джим.

— Никакого разика, — нахмурилась Сид, забирая ребенка.

— Ну, мамочка!

Джим устало вздохнул:

— Узнаю тебя, Сид. Ты все такая же.

— Достаточно, — строго произнес я.

Жених перестал улыбаться, и мне показалось, что он впервые в тот день посмотрел мне в глаза.

— Достаточно? — переспросил он. — Ты сказал «достаточно»? Да кто ты такой, чтобы указывать мне, приятель? Это моя дочь.

— Но я живу с ней вместе. Он злобно ухмыльнулся:

— Да, но ведь это скоро закончится, верно?

Я посмотрел на Сид, но она тут же отвернулась. Значит, она все-таки успела рассказать своему бывшему мужу о наших проблемах. И тогда я догадался, что все это — и свадьба на мотоциклах, и толпа друзей у нашего дома, и даже опасный трюк с участием собственной дочери — он задумал специально лишь для того, чтобы похвастаться перед своей первой женой.

Мы можем утаивать что угодно от наших бывших жен и мужей, но только не тот факт, что теперь мы сами счастливы.

— Я знаю про тебя все, Гарри, — прорычал Джим. — И ты для Пегги никакой не отец. Да ты даже и собственному сыну не совсем отец, верно?

Я посмотрел на Пэта. Он по-прежнему закрывал уши ладонями, но теперь я не знал, зачем он это делает. То ли его раздражал рев мотоциклов, то ли он не хотел слышать то, что сейчас говорил мне Джим.

Сначала Люк Мур, теперь еще Джим. В мире, оказывается, полно мужчин, претендующих на место возле моей жены. И все они считали себя лучшими, чем я. От этого мне стало не по себе. А еще от того, что я понимал: виной всему только я сам.

— Ты урод, Джим. Ты всегда был таким, таким и останешься. Ты, конечно, любишь свою дочь, да? И ты, разумеется, хороший отец, так? Но тебе было даже слабо пригласить ее отпраздновать твою собственную свадьбу как следует.

— Прекратите немедленно, вы оба! — закричала Сид, ставя Пегги на землю. Она тихонько оттолкнула Джима: — Уезжай отсюда, ладно? Быстрей. Либерти, скажи же ему.

Но Джим не тронулся с места. Он смотрел на меня с таким презрением, словно заставлял себя сдерживаться все это время, пока знал меня, а вот теперь наконец решился высказать все то, что он думает о моей персоне.

— Я буду только счастлив, когда ты исчезнешь из жизни Пегги, — мрачно проговорил он.

Я подошел к нему вплотную. В нос мне ударила смесь запахов дешевого шампанского и духов «Кельвин Кляйн».

— А ты сам уверен, что являешься частью ее жизни? Ты приходишь за ней; когда тебе заблагорассудится, потом исчезаешь на несколько недель и после этого смеешь говорить, что участвуешь в ее жизни?

— Уезжай! Уезжай! — во весь голос кричала Сид. Краем глаза я видел, как Пэт и Пегги, держась за руки, невольно попятнулись. Они оба плакали. Пара крутых парней слезла со своих мотоциклов, и теперь эти герои угрожающе двинулись в мою сторону. Я понял, что сейчас мне придется туго.

И в тот же момент Пегги оступилась, отпустила руку Пэта и, споткнувшись о бордюр тротуара, упала прямо на дорогу.

В следующую секунду ее ударил проезжавший мимо автомобиль.

Она перевернулась на асфальте и замерла, лежа на спине, с раскинутыми в стороны ногами. Мне почему-то показалось, что ее праздничное платье из белого стало черным.

Нет, только не это. Только не снова. Я вспомнил четырехлетнего Пэта с рассеченной головой, беспомощно раскинувшегося на дне пустого бассейна. Я замер как вкопанный, а Сид бросилась к своей дочери. Кто-то пронзительно завизжал. Потом рядом с Сид возникла Либерти. Она встала на колени и оттолкнула от себя Сид. «Медсестра, — промелькнуло у меня в голове. — Она ведь медсестра».

Я посмотрел на бледное лицо водителя автомобиля. Он был моего возраста, такой же, как я, только в костюме и галстук. Водитель новенького «БМВ». Он не превышал скорости. Он буквально полз мимо бесконечного ряда припаркованных автомобилей, отыскивая место, куда можно поставить свою машину. Но он, очевидно, одновременно с этим еще и делал что-то со своим мобильным телефоном. Мужчина до сих пор держал его в руке, а телефон звонко наигрывал ему популярную мелодию. Значит, он был недостаточно внимателен, а потому ударил маленькую девочку, которая, правда, без предупреждения, свалилась прямо под колеса его автомобиля. На бампере машины виднелась небольшая вмятина.

Сид рыдала, пытаясь добраться до своего ребенка. Либерти одной рукой отталкивала ее, а другой кое-как удерживала Пегги, прижимая ее к себе. Джим наступал на меня, пытаясь то ли убрать меня с пути, то ли ударить. Я уже ничего не понимал. Либерти что-то кричала, но я никак не мог вникнуть, что именно и к кому конкретно она обращалась. Наконец до меня дошло. Мне показалось странным, что из всех присутствующих Либерти выбрала именно водителя «БМВ», который по-прежнему держал в руке верещавший мобильный телефон.

— Скорую! — кричала она. — Вызывайте скорую!

Мне было непонятно, что же такое важное могло отвлечь внимание этого человека от дороги. Скорее всего текстовое послание от подружки. Да, он был совсем такой же, как я сам.

Он пребывал в своем крошечном мире мечтаний и надежд, не замечая, как ранит всех остальных вокруг себя.

***

Пегги сломала ногу.

Вот и все. Не больше и не меньше. Но одно это само по себе было ужасно. Надеюсь, что мне больше никогда не придется видеть ребенка, страдающего от боли. Но мы, сидя в карете «скорой помощи», прекрасно понимали, что она в тот день могла бы и умереть.

Перелом оказался неполным, пострадала только та часть кости, которая соприкоснулась с машиной. Скорее, это можно было даже назвать трещиной, а не переломом. Врач объяснил нам, что именно так обычно и бывает с детьми. Их кости еще достаточно гибкие и ломаются не до конца. А вот у взрослых все обстоит куда хуже. Кость взрослого человека ломается пополам. И если взрослого хорошенько встряхнуть, его скелет попросту рассыплется на кусочки.

Был сделан и рентген черепа на тот случай, если ребенок получил сотрясение головного мозга, однако тут врачи ничего не нашли. Да она и не ушибалась головой. Пегги сделали обезболивающие уколы, на ногу наложили гипс и подвесили больную ногу к специальному приспособлению наподобие гамака у больничной кровати. Пегги очень быстро освоилась и теперь надменно поглядывала на других обитателей детской палаты.

Этот случай, конечно, нельзя было сравнить с тем, что произошло с Пэтом. Жизни Пегги ничто не угрожало. И все же я снова подумал о том, что в этом мире с каждым из нас может случиться все что угодно, и от одной этой мысли у меня по коже побежали мурашки.

У ее кровати нас сидело пятеро. Джим с Либерти, Сид, Пэт и я. Мы пили дешевый чай из пластиковых стаканчиков, почти не разговаривали друг с другом и все еще переживали случившееся. Наоравшись друг на друга на улице, здесь мы притихли, словно всем нам было немножко стыдно за свое поведение. Но, конечно, самое главное — это то, что все мы испытали сейчас неимоверное облегчение. Когда к кровати Пегги подошел врач, мы все дружно повскакивали со своих мест.

— Она побудет некоторое время у нас, — сообщил доктор. — Мы постарались уменьшить трещину, то есть привели состояние кости как можно ближе к исходному. Теперь остается только поддерживать кость в таком положении и ждать, пока она не заживет. — Он погладил Пегги по голове. — Вы любите танцевать, маленькая леди?

— Да, и притом я очень неплохо танцую, — призналась Пегги.

— Что ж, очень скоро вы будете танцевать точно так же, как и раньше.

Краем глаза я заметил, что Джим посмотрел на часы. Им с Либерти нужно было успеть на самолет. Когда врач удалился, жених и невеста быстро попрощались с Пегги и с нами и умчались в аэропорт. И нас осталось около Пегги трое.

Мы сидели возле нее до тех пор, пока не наступила ночь и она не заснула. Сид обняла Пэта и меня, и я почувствовал, что напряжение дня понемногу начинает растворяться.

Стараясь не шуметь, чтобы не потревожить Пегги и ее спящих соседей по палате, мы втроем, обнявшись, тихо расплакались.

И пожалуй, впервые в жизни в этот момент я не смог бы с точностью сказать, где именно начиналась моя семья и где она заканчивалась.

27

Я все же пошел повидать Казуми.

Несмотря на все, что произошло.

И когда она открыла мне дверь подъезда через домофон, я думал про себя: как ты можешь так поступать? Как ты можешь идти навещать эту девушку, когда Пегги еще находится в больнице? И уже не в первый раз я задумался о том, как бы отреагировал на мое поведение мой отец.

Но я знал, что нахожусь здесь просто потому, что это легче, чем не быть здесь. Я отвез Пэта погостить к маме, чтобы избавить его от последствий последнего воссоединения Джини с Ричардом. Отменить встречу с Казуми означало придумывать очередную порцию лжи и оправданий. Мне проще было прийти на свидание с моей тайной жизнью, пусть даже с опозданием.

В больнице мне все равно нечего делать. После того как прошел шок, Сид, казалось, начала чувствовать неловкость, когда я притрагивался к ней, обнимал, ласкал, стараясь успокоить. В гостиной ее ожидали наполовину упакованные чемоданы, поэтому для нее все

это было неправильным. Мы уже слишком отделились друг от друга. Так что в больнице от меня никакого толку. Я ен мог даже взять мою жену за руку.

Поэтому я отправился повидать Казуми. Подойдя к лестнице, я все еще неважно чувствовал себя после случившегося: Пегги сбивает машина, мы срочно мчимся в больницу. Я находился под впечатлением от многочасового ожидания в приемном покое, а потом от долгой поездки к маме, когда мы с Пэтом еле двигались из-за пробок на шоссе. Быть свидетелем того, как мучается ребенок, и не иметь возможности помочь ему — самое неприятное чувство на свете.

Казуми смотрела вниз, перегнувшись через перила лестницы. И когда я увидел ее, с длинными черными волосами, забранными назад, открывающими ее улыбающееся, симпатичное лицо, то понял, что это должна быть наша особенная ночь. А после того как она меня поцеловала, я убедился в этом. Она была готова сделать этот решающий шаг. Все мои свадебные клятвы уже потеряли свою законную силу. И теперь мы собирались пересечь грань и произнести свои собственные обещания.

Когда мы вошли в квартиру, я сразу же услышат знакомые звуки виолончели. Соседка играла гаммы в своей комнате, но, несмотря на это, Казуми заговорщицки улыбнулась:

— Сидит у себя и никуда не выходит. Ей приходится много заниматься. Не беспокойся.

Стол был накрыт на двоих. Особенный ужин на двоих. Фужеры для шампанского, льняные салфетки, посередине стола в серебряном подсвечнике стояла белая свеча, уже зажженная, отбрасывающая на стены танцующие сумеречные тени. И когда я увидел, как она постаралась все устроить, мое сердце гулко забилося, словно запульсировала старая, почти забытая рана.

— Пэт в порядке? Мама в порядке?

— С ними все хорошо.

. 409

Она стала частью моей жизни. Знала моего сына и мою маму. Она волновалась за них, и она им нравилась. С годами они могли бы и полюбить ее по-настоящему. А она — их. Я знал это. Все это было правдой. Она вошла в мою кровь, стала частью всего. Ну, может, не совсем всего. Потому что она как бы отгорожена от Сид, а Сид не имела никакого представления о ней. Я не мог рассказать Казуми о Пегги, не знал, с чего начать.

В центре стола, на возвышении, напоминающем маленькую газовую плиту, стояла огромная сковорода. Все сооружение походило на походное снаряжение, каким мог бы воспользоваться шеф-повар с тонким вкусом и склонностью готовить на открытом воздухе. Здесь же стояли тарелки с тонко нарезанной говядиной, белыми кусками тофу и наложенными горкой сырыми овощами, некоторые из которых оказались мне знакомы.

— Сакияки, — сказал я. — Чудесно.

Она пришла в восторг:

— Все европейцы любят сакияки. Его придумали в Японии в те времена, когда император начал есть мясо. Начало двадцатого века. До того только рыба.

— Я не знал. Никогда не слышал об этом. — С этими словами я опустился в мягкое кресло, с удовольствием утопая в нем.

Хлопнула пробка от шампанского, и она разлила вино по бокалам.

— Кампай, — прокомментировал я.

— За здоровье, — поддержала она.

Она обошла стол, быстро поцеловала меня в губы и тут же бросила несколько кусочков говядины и сырых овощей на шипящую сковородку, полив их потом каким-то соусом. За стеной соседка перестала играть гаммы и начала исполнять «Песню без слов». И так эта музыка печально и грустно звучала, вызывая ощущение, что все навеки потеряно, что у меня перехватило дыхание.

— Соус называется варасита. Сделан из соевого соуса и сладкого рисового вина с добавлением сахара. Знаешь, что будет дальше?

Рядом с двумя деревянными мисочками на столе лежали два яйца.

— Мы взбиваем сырые яйца и обмакиваем в них говядину и кусочки овощей, — произнес я, с трудом преодолевая спазм в горле.

— Ха! — воскликнула она. — Как я вижу, ты большой специалист по сакияки.

Вдруг я тоже кое-что увидел. Неожиданно я понял, что мои мечты никогда не станут явью, даже через тысячу лет. Я мечтал начать все сначала — убежать вместе с Казуми, взять с собой моего сына. Вот чего я хотел. Не просто завести новую женщину. Не только это. Но восстановить свой мир и свою семью. Я хотел новую жену, новую жизнь.

Честное слово, не знаю, куда бы мы поехали. В Западную Ирландию. В Париж. Может, было бы достаточно просто переместиться в другой конец Северного Лондона. А может, ограничились бы и Примроуз-Хилл. Куда-нибудь. Мы собирались, и в моих мечтах мы были уже в пути.

Теперь я понимал, что моим мечтам не суждено осуществиться. Казуми в этом не виновата. Просто слишком большую цену требовалось заплатить. Слишком от многого нужно было избавиться, уж очень большой кусок жизни пришлось бы выбросить, прежде чем я смог бы начать все сначала.

Я подумал, что мои чувства к ней — любовь, нежность, можно назвать это как угодно — являлись самым главным.

И были неправдой.

Имелись другие вещи, которые имели значение.

Я понимал, что мог бы использовать привычный метод. Можно поддерживать половинчатые отношения с Сид и одновременно общаться с Казуми, делая отношения и с ней такими же половинчатыми. Обманывая их обеих всеми возможными способами. И мне сошло бы это с рук — ложь Сид, Казуми, но больше всего самому себе, когда я убеждал себя в том, что искренне люблю их обеих. Каждую по-своему.

Но если пытаешься любить двух женщин одновременно, то в результате не любишь никого, по крайней мере не так, как они того заслуживают.

Стараешься любить обеих, и вот что происходит —рываешься пополам.

Чтобы вести такую двойную жизнь, необходимо иметь сердце, сделанное из камня. Так же, как и для другой женщины. Я знал, что Казуми не создана для подобных отношений, что она не может быть только моей любовницей. Она недостаточно холодна, недостаточно стара и недостаточно толстокожа. Она не могла быть объектом любовной связи на стороне именно потому, что не обладала этими качествами. Поэтому я ее и любил. У нее было самое прекрасное и нежное сердце на свете. Я все еще верил в это. Даже сейчас.

В конце концов, я изучил ее достаточно хорошо. В ней я видел свои собственные черты или, по крайней мере, лучшие из моих черт. Она искренне верила, что способна найти любовь, которая преобразует весь ее мир. Наверное, она была права. Но теперь я точно знал, что это будет не со мной.

Этой женщине нужно все или ничего. Именно поэтому я любил ее. Теперь я знал это точно. Я ее любил. Но она не создана для интрижки. Все в ней было так, как нужно, кроме этого. Она являлась романтиком. Можно говорить что угодно о восторженных душах, о разгроме и перевороте, которые они оставляют после себя, но одну вещь никто не может отрицать. Романтики никогда не удовлетворяются вторыми ролями.

— Казуми, — осторожно начал я, вставая. Она удивленно посмотрела на меня.

— Проблема с яйцами? Ты не любишь сырые яйца?

Я бережно поставил на стол фужер с недопитым шампанским.

— Сырое яйцо — нормально. Просто... я не могу. Мне очень жаль. Я должен идти.

Она кивнула, пытаясь осознать сказанное, постепенно заводясь.

— Ну и иди тогда. Возвращайся к своей жене.

— Прости.

Она схватила серебряный подсвечник и запустила им в меня. Он пролетел мимо моей головы, а на скатерти остались пятна разлившегося воска. Потом она начала яростно колотить кулаками по тарелкам с нашим особенным ужином, и куски еды разлетались в

стороны. Она разбрасывала фужеры, овощи, серебряные ножи и вилки, симпатичные салфетки, облитые соевым соусом. Все летело на пол через стол и падало мне прямо под ноги.

Наш особенный ужин. Все было испорчено.

Казуми опустила голову. Ее волосы свешивались на лицо подобно длинной черной вуали.

— Казуми.

— Уходи к себе домой.

Я покинул ее, ощущая запах подгоревшей говядины. Соседкина виолончель звучала за стеной, в моем желудке болталось ненужное шампанское. Было не так-то просто уйти от нее. Но, в конце концов, Сид одержала победу. У Сид были преимущества: она находилась у меня дома.

Что бы потом ни случилось, я должен быть рядом со своей женой.

Даже если нам осталось сказать друг другу только «до свидания».

***

Сид все еще оставалась в больнице. Пегги казалась совсем крошечной на огромной больничной кровати. Над ее загипсованной ногой был сооружен какой-то защитный навес. Во сне она хмурила свое печальное личико. Головка склонилась набок. Создавалось впечатление, будто она только что заснула.

Сначала я не увидел Сид. Потом я заметил ее спящей на полу на двух голубых больничных одеялах. Время перевалило за полночь. Я присел на корточки возле нее, и она пошевелилась.

— Она проснулась, ей было очень больно. Ей сделали укол, и она отключилась. Сестра сказала, что до утра не проснется. — Мы оба посмотрели на спящего ребенка. Пегги лежала без движения. — Ничего страшного уже не должно произойти. Теперь, сам понимаешь, остается только ждать.

— Пойдем ненадолго домой, Сид.

— Нет, я не могу оставить ее.

— Пойдем. Примешь душ. Немного поспишь. В своей кровати. Выпьешь чаю с тостом. Пойдем. Тебе нужны силы на завтра.

Она устало улыбнулась и дотронулась до моей руки.

— Спасибо за поддержку, Гаррй, — сказала она, и я почувствовал, что краснею от стыда.

— Ты всегда поддерживала меня, — ответил я. — Особенно, когда Пэт разбился. Помнишь?

С того момента прошло уже почти три года. Но до сих пор у меня перед глазами стоит картина, как мой сын падает в пустой бассейн и под его головой с копной светлых волос растекается темное пятно крови. Тогда-то я и понял. Именно тогда я осознал, что детей могут у нас отнять. И Сид была в то время рядом со мной. Джина находилась в Японии, пытаясь наверстать упущенное в жизни, или найти себя, или встретить свою любовь, или какого еще черта она там делала. Здесь же я был один, если не считать моих родителей, которые всегда поддерживали меня, и Сид, которая с успехом могла бы находиться в другом месте, где ей было бы гораздо проще.

— Кажется, что это было так давно, — сказала она.

— Пошли домой, Сид. Хотя бы на несколько часов. Тебя ведь ноги не держат.

Но она что-то собиралась мне сказать.

— Я знаю, Гарри, что ты хочешь быть свободным.

— Не сейчас. Давай не будем об этом говорить. Только не сейчас. Пожалуйста.

— Нет, послушай. Я знаю, что ты хочешь быть свободным. Потому что все мужчины хотят этого, но ты хочешь больше, чем другие. Может потому, что ты рано стал мужем и отцом. И когда ты был еще слишком молод, у тебя все сложилось не так. Я не знаю точно, почему тебе это так необходимо. Но знаю, что ты мечтаешь о свободе. Тебе интересно, как

оно будет без жены, без детей, безо всякой ответственности. Но знаешь ли ты, что случится на самом деле, если ты получишь свободу?

— Сейчас же пошли домой.

Она победно улыбнулась:

— А я знаю, Гарри. Вот так. Я знаю, что случится, когда ты станешь свободным.

— Сид...

— Послушай меня. Вот что произойдет, Гарри. Тебе встретится какая-нибудь девушка. Замечательная, юная девушка, и ты в нее влюбишься. Ты будешь по ней сходить с ума. А закончится с ней все приблизительно так же, как и со мной, как было с Джинной и с каждой другой женщиной, которую ты любил. Разве ты не видишь этого, Гарри? Если ты способен любить кого-либо, то не может быть полной свободы. Ее просто не бывает. От свободы отказываются ради чего-то, что гораздо лучше.

Я взял пальто и помог ей его надеть. Мы оба долго смотрели на спящую Пегги, нам так не хотелось оставлять ее одну. Бледное детское личико почти сливалось по цвету с белой подушкой.

— Все это не было ловушкой для тебя, Гарри, — брак, обручальное кольцо, я, Пегги. Я знаю, что ты чувствовал, но это все было не так. Ты и я — это не было ловушкой для тебя.

— Пошли домой, ладно?

— Все это должно было сделать тебя свободным.

***

Я лежал в постели в темноте и прислушивался к шуму воды в душе. Потом я услышал шаги. Я не заметил, как она вошла в нашу комнату, пока не увидел ее стоящей у моей кровати. Ее черные волосы были мокрыми и блестящими, а длинные ноги чуть дрожали от ночного холода. На ней было то самое зеленое платье.

— Оно мне все еще впору, — произнесла она и в следующее мгновение оказалась в моих объятиях.

А потом, как это обычно случается, когда болезнь или смерть стоят у порога, жажда жизни превозмогла все. И мы любили друг друга так, как будто были последними людьми на Земле.

На свете существует только два вида секса. Брачный и внебрачный. Выполнение долга и страстное желание. Сочувствующий и страстный. Слегка теплый и горячий. Занятие любовью и траханье.

Как правило, со временем мы теряем один вид и приобретаем другой. Так случается. Но всегда есть возможность вернуть потерянное назад.

Как говорила моя мама.

Просто нужно снова влюбиться.

28

Мы простились на Примроуз-Хилл.

Я бы несколько не удивился, если бы она решила никогда больше со мной не разговаривать. Но для нее было характерно проявление формальной щедрости. Может, это чисто японская черта, но именно она и заставила ее встретиться со мной в последний раз.

Выдался один из тех светлых, ясных летних дней, когда кажется, что Лондон простирается бесконечно во все стороны. С высоты Примроуз-Хилл можно было видеть весь город, и в то же время мягкий шум уличного движения казался очень отдаленным. Реальный мир находился далеко отсюда. Но я знал, что он приближается.

Стояло раннее утро. Повсюду выгуливали собак, и в парке по дорожкам бегали люди, следящие за своим здоровьем. Тут и там можно было видеть спешащих на работу служащих со стаканчиками капучино в руках. Над всем Примроуз-Хилл слабым светом горели старинные фонари, напоминающие другой Лондон, затерянный во времени.

— Ты останешься здесь или вернешься в Японию?

— Ты не можешь спрашивать меня об этом. У тебя нет такого права.

— Извини.

— Перестань это говорить. Больше не повторяй. Пожалуйста.

Она что-то протянула мне. Это был полароидный снимок, который мы с ней сделали, держа фотоаппарат на вытянутых руках. Тогда казалось, будто ничто никогда не изменится.

— Я раньше думала, что если сфотографируешь кого-нибудь, то никогда этого человека не потеряешь, — рассуждала Казуми. — Но теперь я понимаю, что все наоборот. Наши фотографии показывают нам все, что мы потеряли.

— С нами этого не произойдет. Когда люди друг другу небезразличны, то они не теряют друг друга.

— Это совершенное деримое! — воскликнула она с возбуждением. Я не смог сдержать улыбки. Она иногда немного искажала слова, отчего ее язык приобретал особенное очарование. — Совершенное деримое.

Я отрицательно покачал головой:

— Ты всегда будешь особенной для меня, Казуми. И я всегда буду о тебе помнить. Даже если ты встретишь другого мужчину. Как же могут два человека, которые любили друг друга, когда-нибудь друг друга потерять?

— Не знаю. Я не могу этого объяснить, но именно так и происходит.

— Я не хочу, чтобы ты уходила из моей жизни.

— Я тоже.

— В мире живут четыре миллиарда человек. Из них мне близка только горстка людей. Включая тебя. Особенно тебя. Поэтому не говори так, как будто мы бросаем друг друга.

— Хорошо, Гарри.

— Вместе и навсегда? Она улыбнулась:

— Вместе и навсегда, Гарри.

— Пока, Казуми.

— Пока.

Я смотрел ей вслед, пока она спускалась с холма по одной из тех дорожек, которые пересекали парк во всех направлениях. Эти тропы разбегались в разные стороны, напоминая все те невозможные варианты выбора, которые встают перед нами в жизни, выбора, который необходимо сделать, чтобы двигаться дальше.

Я стоял, пока она не скрылась из виду, зная, что никогда не перестану спрашивать себя, какой стала бы наша жизнь, если бы мы с ней были вместе, и никогда не перестану любить ее и думать о ней.

И как только она вышла из парка, исчезнув из поля зрения, что-то произошло. Хотя, может, мне и показалось. Мне привиделось, что все фонари над Примроуз-Хилл погасли.

Больше я ее никогда не видел.

***

Мама надела свой парик Долли Партон и пошла в магазин. Маленький магазинчик по соседству, в котором она делала покупки десятки лет, недавно закрылся, потому что его владелец вышел на пенсию, так что теперь ей приходится ездить в огромный гипермаркет, расположенный довольно далеко. «Гораздо больший выбор, дорогуша». — Но автобусы в этом районе ходили очень плохо, поэтому мы с Пэтом раз в неделю отвозили ее в магазин на машине.

Когда мы, везя тележку, направлялись в мясной отдел, вдруг столкнулись с пожилым мужчиной, у которого в плетеной корзинке лежала одинокая баночка кошачьих консервов. На обрюзгшем стариновском подбородке виднелась седая трехдневная щетина, а на плечах у него был надет вязаный жакет, хорошо побитый целым выводком моли. Приглядевшись к старику, я понял, что видел его раньше.

— Элизабет! — воскликнул он.

Это был Текс, хотя сегодня он выглядел скорее как Грэм.

Мама небрежно бросила упаковку натурального бекона в свою наполненную до краев

тележку.

— Ах, привет, — проговорила она, не снизойдя до того, чтобы назвать его ковбойским именем, впрочем, она вообще не назвала его по имени. — Как ковбойские танцы?

Текс вздохнул, состроив гримасу и потеряв свое бедро:

— У меня трещина в бедренной кости, Лиз. Заработал ее, когда исполнял «Притоп Харвуд». Пришлось оставить танцы на некоторое время.

Он смотрел на мою маму, как будто она была самой Джоан Коллинз в пору расцвета. И правда, она выглядела великолепно.

Не только из-за светлого парика и того, что она похудела. В маме теперь появилась какая-то уверенность, внутренняя сила, доставшаяся ей таким большим трудом. У нее появилась искра в глазах, которой никогда раньше не было. Меньше всего ее волновал тот факт, что этот старикашка бесцеремонно отвернулся от нее. Она сумела пережить гораздо большие удары, чем этот.

— В общем, ты чудесно выглядишь, — сказал Текс.

— Спасибо. — Мама вежливо улыбнулась, глядя на сморщенного старика, стоявшего перед ней, как будто не могла до конца вспомнить его. — Приятно было встретиться. — Мама повернулась к нам с Пэтом: — Поехали дальше, мальчики.

— Может... может быть, как-нибудь выпьем по чашечке чая? — промямлил Текс. — Если ты не очень занята?

Мама сделала вид, что не расслышала. Мы оставили Грэма с его одинокой банкой кошачьих консервов у витрины с замороженным мясом.

— Ты могла бы попить с ним как-нибудь чаю, — сказал я маме, хотя тайно гордился тем, как она поставила его на место. — Он безобидный старик.

— Но он не мой мужчина, Гарри. На некоторое время я забыла об этом. Потом вспомнила. Для меня существует только один мужчина. И так было всегда.

Мы с Пэтом едва поспевали за мамой, когда она, гордо подняв свою светлую голову, шла к кассе. Я подумал, что Долли Партон гордилась бы моей мамой. Никакая ужасная операция не имела значения, главное — то, что у нее внутри все сохранилось неприкосновенным.

Когда я выруливал с парковки, мы увидели Текса, стоявшего под моросящим дождем на автобусной остановке. Я и не подумал предложить подвезти его.

Мама посмотрела на него прямо, без всякого выражения. На какое-то мгновение мне показалось, что она собирается показать ему палец, а может, и два. Но я знал, что она слишком воспитанна, чтобы сделать это. Но если бы она и решилась на такой жест, смотря на Грэма, так-же-известного-как-Текс, то я уверен, что это был бы не средний палец.

Это был бы палец рядом с ним. Безымянный палец левой руки, на котором она не переставала носить обручальное кольцо.

***

У маминого дома нас уже ждали три женщины. Одной из них было лет сорок, а две другие были моложе меня. Они выглядели очень подавленно.

Мама ввела нас всех в дом. Ей не нужно было объяснять, что это те женщины, с которыми она беседовала о раке груди. Они пошли вместе с Пэтом в гостиную, а мы с мамой отправились на кухню, чтобы приготовить чай. Я услышал, как женщины рассмеялись чему-то, что сказал мой сын. Казалось, что они давно уже не смеялись.

— Ты видел ту молоденькую, Гарри? Ее прооперировали так же, как и меня. У нее отняли ту же грудь. Теперь она боится смотреть на себя. Боится зеркала. Этого нельзя допустить. Нельзя бояться смотреть на себя. Они могут поговорить со мной, потому что их семьи — муж, дочери, сыновья — не хотят правды, им нужно заверение. А меня заверять не надо, и передо мной не надо стесняться. Потому что я такая же, как и они. И к тому же, чего нам стыдиться? Не так все и плохо. Они робкие. Я старше их, Гарри, и сильнее, чем они, чем я сама была раньше. Все это сделало меня сильнее, придало мне какой-то невероятной энергии. Я больше ничего не боюсь на этом свете. Эти девушки — знаю, что надо называть

их женщинами, но для меня они девушки, — они не могут рассказать своим мужьям о том, что они чувствуют. Ничего страшного. Простых отношений в жизни не бывает. Теперь я это понимаю. Я любила твоего отца больше жизни. Но вовсе не обязательно все выкладывать своему супругу. Ничего в этом плохого нет.

— Но, может быть, мужья поняли бы их? — спросил я. — Ведь нужно стараться понять друг друга, правда? И если они по-настоящему любят их, то они смогут их понять.

— Может быть. Если они действительно любят их, — сказала мама.

— Можно, я спрошу тебя кое о чем про вас с папой?

— Давай.

— Будут ли изменения? С годами? Мой брак станет другим по сравнению с тем, чем он был раньше?

Мама улыбнулась:

— Брак меняется все время, никогда не перестает изменяться. Когда ты молод, ты говоришь: *Я люблю тебя, потому что ты мне нужен*. Когда ты постарел, то говоришь уже: *Ты мне нужен, потому что я люблю тебя*. Очень большая разница. Я не говорю, что одно высказывание лучше другого, хотя второе длится дольше. Но никогда не перестаешь любить друг друга, Гарри. Если только это настоящее. — Она взяла меня за руку. — Послушай, Гарри. Поговори с ней, если ты этого хочешь. Поговори с Сид. Расскажи ей о том, что происходило. Поговори со своей женой, если ты думаешь, что это может помочь.

— Но я не знаю, смогу ли я. Видишь ли, я хочу, чтобы она гордилась мной, мама. Так, как ты гордилась отцом. — Я сжал ее руки. — И еще я хочу, чтобы ты тоже гордилась мной.

— Я уже горжусь тобой.

***

Пегги вернулась домой. На ее гипсе расписались все дети, лежавшие в ее палате. Должно было пройти еще долгое время, прежде чем она могла опять идти в школу. Но нога постепенно заживала, и в тот вечер мы с облегчением отправились спать. Пегги выздоравливала, и каким-то непонятным образом я выздоравливал тоже.

— Я должен тебе что-то сказать, Сид.

— Ты не обязан мне ничего говорить. Так же, как я ничего не должна тебе говорить о Люке. Потому что просто нечего рассказывать.

— Но я хочу что-то сказать. Про то, что произошло. Про то, как мы друг друга потеряли на какое-то время.

— Ты ничего не должен мне говорить. Просто закрой глаза.

Я почувствовал, как моя жена коснулась в темноте моей руки.

— Ты теперь дома, — прошептала она.

29

Жизнь берет в заложники всех, кого мы любим.

Поэтому моей жене было так трудно после того, как Пегги вернулась домой. Если твой ребенок хоть раз попал в больницу, ты уже никогда от этого не освободишься. Никогда не будет так, как было до того. Когда узнаешь, что значит любить больного ребенка, как тяжело находиться в больнице. Потому что никогда не избавиться от страха, что все это может повториться и в следующий раз будет гораздо хуже.

Дело было не только в ее дочери. По вечерам, довольно поздно, из Техаса звонили ее сестры, которых беспокоила их мать. Ее однажды нашли на стоянке машин в центре Хьюстона, где она бродила с ди-ви-ди-диском фильма «Унесенные ветром» в руках, без единого цента в кармане и не помня, каким образом она очутилась там. «Похоже на начало старческого маразма», — прокомментировала моя мама. И это было ужасно, потому что моей жене приходилось волноваться еще и об этом.

Поэтому, когда однажды вечером, после того как мы уже легли спать, Сид сообщила, что у нее задержка месячных, я сразу подумал, что это из-за стресса.

Стресс странно влияет на функции организма.

А когда на следующее утро она проснулась и сразу побежала в ванную; где ее долго тошнило, я подумал, что бедняжка беспокоится и за дочь, и за мать.

И даже тогда, когда я стоял за дверью ванной и прислушивался к тому, как мою жену выворачивало наизнанку, до меня еще не дошло. Я еще не понял, что все повторяется опять.

Самое замечательное на свете.

***

Я и раньше видел одну из этих штук.

Вообще-то, когда Джина узнала, что беременна Пэтом, я повидал их десятки. Ничего в них не было особенного. Просто белая пластиковая палочка. Она выглядела, как будто чего-то в ней не хватает, как зубная щетка без щетины,

Я взял в руки тест на беременность. Эта белая палочка оказалась почти невесомой. И так же неестественно легко я чувствовал себя в эту минуту. Голова кружилась.

На этой штуке имелись два маленьких окошка. В одном, круглом, виднелась тонкая голубая линия, а другое, квадратное, которое я принял за самое важное окошко и которое могло изменить все на свете, отчетливо показывало еще одну тонкую голубую линию.

И, наконец, я понял. Понял не только причину задержки месячных и тошноту по утрам, но и все остальное. Наконец-то я осознал, почему я должен был остаться, и остался.

Это произошло, когда я скорее почувствовал, чем услышал Сид, стоящую в дверях ванной. Она плакала и смеялась одновременно — это, похоже, стало традицией, — вытирая слезы рукавом футболки.

— Это не страшно? Как ты к этому отнесешься? — спросила она меня.

Я обнял ее:

— Это не просто «не страшно». Это замечательно. Даже, я бы сказал, чудесно! Это самое прекрасное, что может быть.

Тут моя жена взглянула на меня и улыбнулась, и, наверное, во второй раз в жизни я вдруг понял, для чего я живу.

***

— Подожди минуточку, — попросил меня Эймон. — Так ты остаешься со своей женой из-за какого-то прикурка на «БМВ»? Ты это хочешь сказать?

— Я этого не говорил.

— Ты сказал, что из-за аварии все изменилось. Что до этого она паковала вещи. Она собиралась уходить от тебя, Гарри, а ты намеревался начать все с начала с кем-то другим.

Если бы с Пегги не случилось несчастья, расстались ли мы с Сид? В душе я не видел причин, которые могли бы нас от этого удержать.

Все так хрупко устроено в браке, как легкая паутинка, так же запутанно и непрочно, все тщательно сплетено, но легко разрывается несколькими жестокими, случайными ударами. Казалось, что брак моих родителей был сотворен из более прочного материала. Мои мама и папа искренне верили, что не могут быть счастливы с кем-нибудь другим. О себе я знал, что это не так. Я мог быть счастлив с Казуми. Так же, как Казуми могла бы найти необходимые ей отношения, так нужные нам всем, с другим мужчиной. И Сид могла бы найти кого-нибудь, кто любил бы ее. Но все это не умаляло важности отношений, которые сложились у меня с моей женой. В некотором роде осознание того, что каждый из нас смог бы выжить без другого, переводило брак в разряд особо ценных. Мы остались вместе, потому что сами сделали этот выбор.

В мире, наполненном разными возможностями, мы выбрали друг друга.

— Этот ребенок, — сказал я Эймону, — свел нас снова вместе. Ребенок, которого мы вместе приведем в этот мир. Мы станем настоящей семьей. Может, мы уже стали ей.

Он выглядел так, будто я его не убедил. Я понимал, что он хочет определенности, жестких гарантий того, что любовь будет длиться вечно и наш брак не развалится.

Но, как говорит моя мама: «Если хочешь гарантий, детка, то купи тостер».

— Послушай, Эймон, причину, по которой я снова со своей женой, совсем не сложно

понять. Просто я люблю ее.

— Также, как ты любил Казуми? Или по-другому? Такой же любовью или другой? Мне нужно знать. Что, если бы было все наоборот, Гарри? Что, если бы ты переспал с Казуми в Ирландии? А, приехав назад в Лондон, ты не лег бы в постель со своей женой? Что, если — и это большой вопрос — другая женщина носила бы твоего ребенка?

— Ну, тогда...

Я не смог ответить на этот вопрос. Я предпочел проигнорировать весь тот хаос, который притаился снаружи.

Все женщины, которых я мог бы любить, все другие жизни, которые я мог бы прожить, дети, готовые родиться... Сегодня я не мог уже думать обо всем этом.

В конце концов, я все-таки женатый человек.

***

Мое давление снизилось. Гипертония отступала. Еще не скоро может произойти кровоизлияние в мозг.

«Хорошие новости», — подумал я. Хочется увидеть, как новый малыш вырастет. Хочется присутствовать при том, когда малыш начнет смотреть на меня как на старого дуралея, который ничего не знает о жизни. Хочу прожить до тех пор, когда мой младший ребенок станет взрослым. Таков теперь мой план. Моя новая цель.

Постепенно эта цель стала самой главной.

— 135 на 75, — сказала мой доктор. — Неплохо. Совсем даже не плохо. Вы продолжаете снижать вес, не курите, занимаетесь физическими упражнениями?

— Тридцать минут на тренажерах три дня в неделю.

— Хорошо. Только не перестарайтесь. В наши дни от перегрузки на тренажерах умирает такое же количество мужчин средних лет, сколько от рака или от сердечных болезней. Как много соли вы употребляете?

— Даже не прикасаюсь к ней.

— Кофеин?

— Ну, довольно сложно отказаться от капучино. Но я уже сократил количество.

— Иногда приходится держаться подальше от того, что мы любим, и научиться ценить то, что нам очень нужно.

Тут перед моими глазами возникло лицо моей жены. Черные волосы подстрижены в китайском стиле, широко поставленные карие глаза, белозубая улыбка и крошечные мимические морщинки, которые начали намечаться вокруг ее маленького прелестного рта. Такое родное лицо. Лицо, которое я так любил.

— А что, если те же самые вещи? Что, если мы понимаем, что любимые нами вещи одновременно являются тем, что нам нужно?

Врач усмехнулась, убирая со стола тонометр.

— Тогда я больше вам не понадобится, — ответила она.

***

Мы с Пегги вошли в позолоченные двери большого универмага и были сразу же атакованы запахом тысяч разнообразных духов. В магазине толпилось много народу, и мы инстинктивно взялись за руки.

— Смотри, Гарри, бесплатный маникюр! Тебе обрабатывают ногти, а ты совсем ничего не платишь!!!

— Может быть, потом, дорогая?..

По эскалатору мы поднялись в отдел для детей и новорожденных.

Так много всего изменилось с тех пор, как я в первый раз стал отцом. А может, у нас с Джиной просто не было тогда достаточно денег, чтобы скупать подряд все, что появлялось для новорожденных. Однако вещи, которые я увидел сейчас, были мне в новинку.

Прыгунки для малышей. Ладно, я узнал их, вспомнив, как Пэт радостно подпрыгивал вверх и вниз, улыбаясь беззубым ртом, как маленький Будда. Но специальная планка, прикрепляющаяся к кровати, которую можно грызть, когда режутся зубы? Когда это начали

продавать? А специальный мешочек с кармашками для автомобиля, в который складываются игрушки? Ведь все равно они будут разбросаны по всему заднему сиденью. Стоит взглянуть еще на одну новинку — колыбельная музыка в специальном передатчике (играет четыре успокаивающие мелодии, помогающие малышу заснуть). Потом специальный чехол-поплавок для купания младенца (кокон, сделанный из мягкого пластика, поддерживающий голову ребенка над поверхностью воды в ванночке). Пластмассовый козырек, который нужно надевать на голову при мытье шампунем, чтобы мыло не попадало в глаза. Замечательная идея. Блестящая мысль! Хорошо бы такие козырьки продавались, когда Пэт был маленьким. А взгляните на это — миска с присоской. К ее дну приделана специальная присоска, чтобы нельзя было перевернуть миску на себя во время еды. Ребенок двадцать первого века не может даже уронить еду на пол.

— Что еще изобретут, Пег? Пегги? Тут вдруг я понял, что она исчезла. Меня охватил лихорадочный страх. Я обыскал весь детский отдел, но ее нигде не было. Я подумал о ее отце, уехавшем в свадебное путешествие и так и не вернувшимся назад. Он разбил Пегги сердце тем, что переехал жить на Манилу, чтобы попытаться счастья на чужбине, бросив своего ребенка, как неоплаченный долг. Джим бросил свою дочь раз и навсегда. И хотя мне он этим облегчил жизнь, Пегги он нанес рану, которую она пронесет через всю свою жизнь и которая никогда не заживет. Этот прекрасный ребенок заслуживал только того, чтобы его любили.

Я хотел бы знать, отличаюсь ли я от него, не лучше ли я его, который всегда отводил своему ребенку последнее место в списке приоритетов. Являюсь ли я лучшим человеком, чем он? Или же настолько погрузился в мечты о новом малыше, что совсем забыл о реально существующем ребенке, живущем со мной бок обок?

Я обыскал весь этаж, отчаянно молясь Богу, выпрашивая у него еще один шанс. Я в полном отчаянии расспрашивал продавцов и покупателей, не видели ли они маленькую девочку с розовым рюкзачком, на котором нарисована кукла Люси. Потом вдруг я понял, где могу ее найти. Она была на первом этаже, возле позолоченных дверей, среди духов с разными запахами. Ей делали бесплатный маникюр в отделе косметики. — Привет, Гарри. Ты нашел то, что искал?

— Привет, красотка. Да, думаю, что теперь у нас есть все, что нужно.

Маникюрша в белом халате улыбнулась нам.

— Какая у вас красивая дочь, — сказала она. Мы с Пегги с улыбкой переглянулись.

***

Возникла проблема.

Как-то утром, после восьми недель беременности, у Сид случилось кровотечение. И мы вдруг испугались, что наши надежды на будущее могут у нас отнять.

Когда Сид пошла в больницу на ультразвук, у двери кабинета я увидел металлическую мисочку, в которой были красиво, в стиле попурри, разложены презервативы. Видя мое недоумение, Сид объяснила мне, что их используют для того, чтобы в них вкладывать инструмент, который акушерка введет ей внутрь, чтобы на экране можно было увидеть изображение ребенка. Чтобы проверить, все ли с ним нормально. Жив ли еще наш малыш.

— Ну, знаешь, внутри тебя находятся странные вещи, подруга, — сказал я жене, беря ее за руку.

— Ничего более странного, чем твой пенис, Гарри, — ответила жена.

Потом, когда появилась акушерка, Сид устроилась на каком-то невероятном кресле, наподобие тех, которые устанавливает «Бритиш Эрвейз» в салоне первого класса, и на экране телевизора врач показала нам маленький пульсирующий огонек, который был сердцем нашего еще не рожденного ребенка. С ребенком все было нормально. Он еще там. И он будет жить. Ничто не может помешать этому ребенку родиться.

Сид сжала мою руку, не глядя на меня. Мы оба не могли оторвать глаз от экрана. Акушерка показывала нам голову, непропорционально большую, как электрическая лампочка, сотворенная на небесах, крошечные ножки и ручки, которые малыш сводил и

разводил.

Мы громко смеялись. Смеялись от необыкновенной радости, смеялись этому чуду, этому крошечному чуду, самому великому на свете!

И я знал, что этот ребенок будет любим так же, как заслуживает быть любимым любой ребенок. Малыш станет нашей связью с великим, ясным будущим, нашей нерушимой связью с тем, что означает быть живым на этом свете, и — больше всего, превыше всего — связью друг с другом.

30

Если погода была хорошей и небо чистым, мы с сыном лежали рядом на траве в саду старого дома. Мы смотрели в небо и наблюдали, как появляются первые звезды.

Теперь Пэту нравились звезды. Дети меняются. Они меняются так быстро, меняются даже тогда, когда мы на них глядим. Посмотрев документальный фильм, который он, затаив дыхание, смотрел каждую среду вечером на протяжении шести недель, он потеснил в своем развивающемся воображении Люка Скайуокера, Дарта Вэйда и Хана Соло, чтобы освободить место для Полярной звезды, Сириуса и Веги.

— Пап?

— Что, дорогой?

— Берни Купер говорит, что звезды — это умершие люди, которые смотрят на нас. И знаешь что? Одна из них — звезда дедушки Берни Купера.

Пауза. Мы продолжали смотреть вверх, в бесконечность. В доме слышались тихие женские голоса — моей мамы и одной из женщин, которая пришла к ней за советом, чтобы поговорить о своем будущем.

— Это правда, пап?

— Мне хотелось бы так думать, Пэт.

— Тогда я хотел бы знать, какая звезда моего дедушки?

Я был уверен, что мой отец любил бы этого мальчика.

Отцу бы нравилось видеть, как появляются у Пэта новые зубы, нравилось бы новое увлечение звездами, нравилась бы его преданность бабушке, и Берни Куперу, и собаке Бритни, которую только что привезли в Англию, где она замечательно осваивалась, рыская по огромным лондонским паркам. Он любил бы этого ребенка с открытым сердцем, в которого превращался мой сын. Лошади и звезды. Мой сын очарован лошадьми и звездами, а мой отец был бы очарован им.

Жесткий человек, каким я его помню, самый жесткий человек на свете, мой отец, казалось, стал мягче, когда родился Пэт. Возможно, внуки для того и нужны, чтобы позволить нам в последний раз отдавать безусловную, неизменную любовь. В то утро, когда родился Пэт, мой отец, до этого несколько замороженный внутри, начал оттаивать. И я точно знаю, что с каждым годом отец все больше и больше смягчался бы, особенно теперь, когда должен был родиться еще один ребенок.

Нам просто не хватило времени. Только и всего. — Найди самую большую звезду, — сказал я Пэту. — Выбери самую яркую. Это и будет твой дедушка, который смотрит на тебя. Теперь ты будешь знать.

Звезды подобны фотографиям. Их можно толковать, как хочешь. Можно даже поверить, что они являются мерилем всех наших потерь или олицетворяют всех, кого любил и продолжаешь любить.

Пожалуй, в этом я разделяю мнение Берни Купера.

Глядя на звезды, я думал о близнецах, которых Джина потеряла на десятой неделе беременности, о нерожденных детях, которые всегда будут с ней — бедные, крошечные призраки ее брака.

Потом я подумал о своих собственных призраках.

— Ты помнишь мою подругу Казуми? — спросила Джина однажды утром, когда я

заехал, чтобы забрать Пэта. Собака Бритни с энтузиазмом обнюхивала мои брюки, а Джина стояла все еще бледная, не совсем оправившаяся от потери, но уже готовая рассказать мне о новости, которую знала уже давно. — Она вышла замуж, Гарри. У себя в Японии. Казуми встретила мужчину своей мечты. Застряла с ним в одном лифте. Шла ужинать, а вот и он. Ничего нельзя предсказать, правда? Никогда не знаешь, где найдешь свое счастье.

Это было как послание из другой жизни, карта дороги, которую не выбрал. Я знал, что хочу для Казуми абсолютно того же, что моя бывшая жена хочет для меня. Того, что каждый из нас хочет для своего бывшего партнера.

Счастья, но, может быть, не так уж много. Слыша рядом с собой дыхание моего сына, который смотрел на звезды над головой, я думал о своих трех детях.

О мальчике, о девочке и о младенце. Двое из них уже родились, а один еще нет.. Я смотрел на звезды и представлял себе, как Пегги и Пэт по очереди ощупывают постепенно увеличивающийся живот Сид. Пегги от удивления открывает рот, пытаясь ощутить едва заметные чудесные движения малыша, а потом Пэт, когда подходит его очередь, таинственно улыбается и приговаривает: «Да, в нем чувствуется сила».

Вскоре наша современная семья станет еще сложнее, пополнившись сводными братьями и сестрами, падчерицами и пасынками, мачехами и отчимами, ну, и, конечно, кровными родителями.

В настоящий момент я наконец понял, что от нас зависит, будем ли мы чувствовать себя настоящей семьей. Больше ни от кого. Как бы нас ни называли, это не имеет никакого значения.

Если мы хотим, то семья — вот она. Все остальное, как говорила одна моя старая знакомая, *совершенное деримо*.

— Посмотрите на этих двух лежебок, — рассмеялась мама, выходя в сад после того, как проводила свою последнюю посетительницу, удалившуюся домой, к семье.

Мама поддела своим розовым матерчатым тапочком пластмассовый мячик и забросила его в кусты роз, посаженных отцом. Поскольку наши космические грезы были нарушены, мы с Пэтом вскочили и начали играть с мамой в футбол. Уже стояли густые сумерки, заканчивался один из последних дней бабьего лета, но пригородная ночь была мягкой, теплой и звездной, поэтому нам не хотелось заходить в дом.

И мы оставались в саду старого дома до тех пор, пока не перестали различать мяч в сгущающихся сумерках, смеясь и стараясь как можно дольше пробыть на улице в хорошую погоду. Единственными зрителями нашей игры были соседский кот и все звезды на небесах.